

**ЛИЧНОСТЬ
В ИСТОРИИ
ПЕТЕРБУРГА**

Материалы IV Анциферовских краеведческих чтений
28–29 октября 2011 года,
Санкт-Петербург

Правление
Санкт-Петербургского союза краеведов

- В.И. Аксельрод* (зам. председателя), методист СПб городского Дворца творчества юных, председатель координационного совета культурно-патриотического молодежного движения «Юные за возрождение Петербурга».
- Л.К. Ермолаева*, доцент кафедры культурологии СПб академии постдипломного образования учителей, автор городской образовательной программы по истории и культуре СПб.
- А.Д. Ерофеев*, журналист, член СПб городской топонимической комиссии.
- А.В. Кобак* (председатель), исполнительный директор Фонда имени Д.С. Лихачева, заместитель председателя Союза краеведов России.
- А.Д. Марголис*, председатель президиума СПб отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК).
- З.А. Рудая*, зав. отделом петербурговедения Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского.
- И.М. Сергеева*, председатель совета общественной организации «Институт Петербурга».
- Т.М. Смирнова*, руководитель научного центра «Петрополь» СПб дома национальных культур.
- Т.Г. Федоренко*, директор мемориального музея «Разночинный Петербург», руководитель городского центра по истории и практике музейного дела.
- Д.Ю. Шерих*, шеф-редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГА

Материалы IV Анциферовских краеведческих чтений
28–29 октября 2011 года,
Санкт-Петербург

Европейский Дом
Санкт-Петербург
2012

Содержание

Личность в истории Петербурга. Материалы IV Анциферовских краеведческих чтений 28–29 октября 2011 года, Санкт-Петербург — СПб. — Издательство «Европейский Дом», 2012. — 150 стр.

Составители

В.В. Антонов, Н.Л. Иванова

ISBN 978-5-8015-0294-6

© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2012

© Издательство «Европейский Дом», 2012

Предисловие 7

СТРОИТЕЛИ, ИНЖЕНЕРЫ, УПРАВЛЕНЦЫ

- Е.И. Краснова.* Малоизвестные материалы о жизни Монферрана (Монферран без архитектуры) 8
- В.А. Черненко.* Чарльз Берд: полвека на благо России 29
- Л.Д. Бурим.* Инженер-генерал Александр Вильсон (1776–1866) .. 40
- Е.И. Задорожная.* Фирма «Оптик-механик И.Я. Урлауб» и развитие оптико-механического производства в Петербурге на рубеже XIX–XX веков 47
- Н.П. Столбова.* Общественный деятель и публицист, строитель Ириновской железной дороги барон П.Л. Корф 54
- А.М. Жданов.* Замнаркома из Новой деревни (Пётр Ионович Баранов) 60

ПИСАТЕЛИ, СКУЛЬПТОРЫ, МАСТЕРА

- В.И. Аксельрод.* Н.В. Гербель. Тайна болезни, смерти и захоронения 65
- М.В. Шкаровский.* Церковная писательница монахиня Анастасия (Платонова) 74
- В.В. Антонов.* Конченцио Альбани, забытый скульптор 81
- В.В. Скурлов.* Михаил Евлампиевич Перхин, мастер-ювелир фирмы «Фаберже» 91

ПАМЯТНЫЕ АДРЕСА

- В.М. Глушкова.* Императрица Елизавета Петровна и Рыбацкая слобода 98
- Е.А. Тимофеева-Козлова.* Духовное завещание героя Отечественной войны 1812 года П.П. Коновницына 104

<i>О.П. Вареник.</i> История первой картины М.О. Микешина (Микешин в Стрельне)	111
<i>Ф.И. Ильин.</i> Семья С.П. Боткина в Петербурге (вновь выявленные адреса жизни и деятельности)	116
<i>А.Д. Марголис.</i> Питирим Сорокин в Петербурге–Петрограде	123
<i>А.Д. Ерофеев.</i> Ленинград Вадима Шефнера	129
<i>Н.Ф. Золотухина.</i> Петербургский феномен духовной элиты России	140
Об авторах	148

Предисловие

Впервые Анциферовские чтения были проведены в нашем городе в 1988 году. Спустя двадцать лет, в 2008-м, они были возрождены Санкт-Петербургским союзом краеведом и в 2011 году прошли уже в четвертый раз.

Организаторы чтений считают, что сегодня в петербургском краеведении существует заметный разрыв между старшим и младшим поколениями краеведов, который необходимо преодолевать. Особенностью чтений 2011 года стало сочетание докладов признанных специалистов и юных краеведов, уж заявивших о себе серьезными исследованиями.

На чтения прозвучало 39 докладов, 13 из которых принадлежали юным исследователям – лауреатам Всероссийских и региональных краеведческих олимпиад и конкурсов. В сборнике публикуются 17 статей, подготовленных на основе наиболее серьезных в научном отношении докладов.

Среди имен, которые прозвучали на Анциферовских чтениях, были очень известные, например, архитекторы Огюст Монферран, художник Михаил Микешин, социолог Питирим Сорокин, инженеры Чарльз Берд и Александр Вильсон, поэт Вадим Шефнер. Шла речь и о незаслуженно забытых петербургских именах: писательница-монахиня Анастасия (Платонова), шоколадный фабрикант Жорж Борман, династия мыловаров Жуковых, художница Софья Закликовская, мастер-ювелир Михаил Перхин и многие другие.

Завершилась конференция церемонией награждением Гревсовскими дипломами за просветительство в области краеведения (ими были награждены пять представителей культуры и образования), а также дипломами Санкт-Петербургского союза краеведов за лучшие краеведческие исследовательские работы школьников (их получили трое юных исследователей).

А.В. Кобак, Председатель правления СПб союза краеведов
В.И. Аксельрод, Зам. председателя правления СПб союза краеведов

СТРОИТЕЛИ, ИНЖЕНЕРЫ УПРАВЛЕНЦЫ

Е.И. Краснова

Малоизвестные материалы о жизни Монферрана (Монферран без архитектуры)

Много лет назад, собирая материалы для книги о Большой Морской улице, я прочла две интересные купчие на современный дом № 45, о котором известно, что его, как часто пишут, построил, а точнее перестроил, Монферран для Павла Николаевича Демидова, которого все мы знаем как основателя Демидовских премий, присуждаемых Академией наук.

30 ноября 1834 г. этот дом у Софьи Захаровны Сериньи купили надворный советник Август Монферран и иностранка Элиза Виргиния Пик де Бонниер, которая в 1826–1829 гг. была актрисой французского театра. Сразу же дом был заложен брату предыдущей владелицы Алексею Захаровичу Хитрову. В 1835 г. был утверждён проект перестройки дома, но 25 февраля 1836 г. Монферран и его жена Элиза продали дом П.Н. Демидову, купившему и соседний дом (ныне № 43)¹.

¹ Санкт-Петербургские сенатские объявления от 8.01.1835. С. 13; ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 4. Д. 90. Л. 171 об.; Санкт-Петербургские сенатские объявления № 31 от 17.04.1836. С. 8.

Из текста купчих стало понятно, что в архиве должна быть запись о венчании Монферрана в промежутке между покупкой и продажей дома. Действительно, в метрической книге Римско-католической церкви св. Екатерины нашлась запись о венчании 5 ноября 1835 г. «придворного архитектора надворного советника и кавалера Генриха Людовика Августа Легерия Венедиктова сына де Монферранд, холостого, 48 лет, с Елисаветой Вероникой дочерью Доминика Лаврентия Пик, девицей 38 лет, обоих римско-католического вероисповедания» в присутствии веры достойных свидетелей². Оказалось, что одним из свидетелей при венчании был Павел Николаевич Демидов, а ведь свидетель обычно близкий человек. Обращает на себя внимание и то, что Монферран назван холостым, в то время как в литературе изредка упоминалась его жена, которую он не то оставил во Франции, не то привёз с собой. По правилам при новом браке он должен был быть назван вдовым или разведённым.

Интересное свидетельство об этой свадьбе нашлось в письме, посланном известным нам Дантесом находящемуся в отъезде Геккерену³. Дантес пишет, что он был на грандиозном празднике, который устроил Монферран, в честь своей женитьбы «на этой старой шлюхе Лиз» (с точки зрения самоуверенного 20-летнего кавалергарда, как ещё можно назвать 38-летнюю актрису французского театра). Дантес пишет, что праздник обошёлся в 1500 руб., из которых большую часть заплатил Демидов. «Вежливый» гость непочтительно отозвался не только о невесте, но и о женихе: зная, что перед свадьбой Монферран написал завещание в пользу своей будущей жены, а про себя, что он просит похоронить его в Исаакиевском соборе, сравнил его с индусом, который перед смертью хочет потрогать хвост коровы, приносившей ему доход.

Сначала я не поняла, почему надо было перед свадьбой писать завещание. Понятно стало тогда, когда узнала, что раньше существовало завещание в пользу первой жены. Видимо, при новой свадьбе она была ещё жива. Для меня, много лет занимавшейся Демидовыми, всё это было очень интересно, и я начала потихоньку собирать материалы о связи Демидовых с Монферраном, а потом и о самом Монферране. Это оказалось нелёгким делом. По воспо-

² ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 63. Л. 27об. (русск. яз.); Д. 61. Л. 179 (франц. яз.).

³ *Витале С., Старк В.П.* Чёрная речка (К истории дуэли Пушкина. До и после. Письма Дантеса). СПб., 2000. С. 85–86.

минаниям оказалось, что Монферран был человеком достаточно замкнутым и в свою жизнь окружающих не очень-то допускал, и не всегда эти окружающие (возможно, иногда и из зависти) к нему хорошо относились. Из дореволюционных источников можно упомянуть сведения из известной книги записок Ф.Ф. Вигеля⁴ и статьи известного журналиста и издателя А.В. Старчевского⁵, интересовавшегося историей.

Монферран приехал в Петербург в 1816 г., когда Филипп Филиппович Вигель состоял для помощи в разборе бумаг (т.е. начальником канцелярии) при председателе Комитета по делам строений и гидравлических работ А.А. Бетанкуре, не знавшем русского языка, и проработал в должности начальника канцелярии до 1823 г., когда он уехал из Петербурга, т.е. общался с Монферраном только первые 7 лет его жизни в Петербурге, так и не поняв, что имел дело с выдающимся архитектором. А.В. Старчевский — талантливый журналист, писатель, сотрудник ежемесячного издания «Библиотека для чтения» приехал в Петербург только в 1837 г., и неизвестно, встречался ли с Монферраном, но после смерти Монферрана в 1860 г. купил у вдовы его дом, для чего ему пришлось продать свой в Почтамтском переулке. Он не написал, почему его так заинтересовал Монферран и почему он постарался собрать сведения о нём и опубликовать их. Естественно, он общался с теми, кто близко знал Монферрана, в том числе с прислугой.

Книги, изданные в советское время, обычно содержат только сведения о работах Монферрана, и иногда в них встречаются ошибки, которых можно было бы избежать, если бы историки архитектуры работали в контакте с историками-краеведами, занимающимися вопросами истории улиц и домовладения.

О личной жизни «героев» книг долгое время вообще не принято было писать, как будто её и не было. О Монферране, как архитекторе, написано достаточно много, так что не имеет смысла повторять, а вот о его жизни написано недостаточно и очень часто неверно. В изданной в 2005 г. книге В.К. Шуйского⁶ об этом написано больше, чем в более ранних книгах.

⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1998.

⁵ Старчевский А.В. А.А. Монферран, строитель Исаакиевского собора (его служебная деятельность и личная жизнь) // Наблюдатель. № 11–12. 1885.

⁶ Шуйский В.К. Огюст Монферран. История жизни и творчества. СПб., 2005.

Очень мало известно и о жизни Монферрана во Франции. Казалось бы, что эти материалы должны быть там, но французы только недавно стали интересоваться Монферраном и сейчас работают в контакте с Исаакиевским собором. Были конференции во Франции и в Петербурге, и за последние два года напечатаны сборники — французский и русский.

Монферран по рождению имел фамилию Рикар, и к ней, по его утверждению, ещё его мать приписала «де Монферран», то есть «из Монферрана». Так фамилия оказалась похожей на дворянскую (однако нигде не видно, чтобы Монферран выдавал себя за дворянина). Постепенно Рикар потерялся, остался де Монферран, а потом просто Монферран.

Родился он в Шайо — пригороде Парижа 23 января 1786 г., но несколько поколений семьи Рикаров были связаны с маленьким городком Монферран, который, слившись с соседним, сейчас называется Клермон-Ферран. Объединение было утверждено эдиктом в XVIII веке, однако жители Монферрана до сих пор не могут с этим смириться, и в городе и сейчас существует ассоциация «Возрождение Монферрана» (имеется в виду город), которая не так давно начала заниматься историей жизни архитектора Монферрана и его предков во Франции.

Дед Монферрана Лижье Рикар был строителем, отец Бенуа Рикар, как обычно писали, был сначала берейтором, потом директором Лионской академии верховой езды.

Мать Мария Франсуаза Луиза Фистиони была дочерью негоцианта. Отец Монферрана очень рано умер, и воспитывал его отчим Антуан де Коммарье (Commarieux), которого Вигель называет бедным артистом. Явная ошибка при переводе: французское слово «artiste» имеет два значения — артист и художник. Отчим был именно художником и гравёром, учил рисовать пасынка, и славой прекрасного рисовальщика Монферран обязан именно ему. В недавно опубликованной французской статье⁷ написано, что с 1784 по 1795 г.

⁷ Gibert A. August Ricard de Monferrand: ses parents, son enfance et sa jeunesse // Материалы конференции «From Monferrand to Saint-Peterburg», бывшей в Клермон-Ферране 17–19 октября 2008 г.; Жибер А. Родители Огюста де Монферрана, его детство и юность // Кафедра Исаакиевского собора. Сборник научных статей. Вып. VII. СПб., 2011. С. 169–192; Фрие А., Жибер А. Рикары: династия строителей из Монферрана // Там же. С. 193–247.

он жил в России и даже мог быть декоратором при императорском Дворе. К сожалению, в архиве РГИА никаких материалов о нём найти не удалось. В 1795 г. после возвращения в Париж он и женился на матери Монферрана. Там же написано, что в 1805—1806 гг. живший в Париже Николай Никитич Демидов состоял в переписке с неким Франсуа Коммарье, служившем ему посредником, видимо, в приобретении произведений искусства. Сам автор французской статьи допускает, что Франсуа и Антуан, может быть, один и тот же человек. Из ссылки видно, что Франсуа взят из русской статьи, напечатанной на итальянском языке. В Москве в Архиве древних актов в фонде Демидовых хранится переписка Н.Н. Демидова с Антуаном и Мари Франсуазой Луизой Коммарье. Среди просмотренных нескольких десятков писем имя Франсуа не встретилось. Есть переписка за 1803—1809 гг. парижского уполномоченного (комиссионера) А. Коммарье, занимавшегося в основном продажей демидовского железа во Франции. Ни о каких произведениях искусства в письмах не упоминается⁸. Есть письмо Демидова в Петербургскую контору о смерти Коммарье в 1809 г.

Есть там и дело о расчёте Петербургской конторы Демидовых с вдовой парижского комиссионера Коммарье, датированное 1810—1811 гг. Пришлось вмешаться самому Демидову, который велел деньги, причитавшиеся Коммарье с кого-то по векселям, получить и выдать вдове, так как муж её был человек небогатый. Назван он в деле негоциантом⁹. После его смерти комиссионером стала его вдова — мать Монферрана. Сохранились её письма к Демидову в интервале 1811—1823 гг. (в 1823 она умерла)¹⁰.

Во французской статье написано, что Мария Франсуаза (мать Монферрана) была кем-то вроде экономки или управляющей и, как пишет и Вигель, в большой степени доверенным лицом в доме Николая Никитича Демидова, который явно знал и её сына, и можно было предполагать, что не без его совета и поддержки Монферран отправился в Петербург. Конечно, и Коммарье рассказывал пасынку о Петербурге. Видимо, там же в Париже Монферран познакомился и с сыном Николая Никитича — Павлом Николаевичем Демидовым.

⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 2, 7, 16 (более 50 писем, содержание писем взято из описей).

⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1233.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 222, 590, 591; Оп. 7. Д. 956; Оп. 16. Д. 4 (всего порядка 200 писем).

Когда в 1818 г. Вигель отправился в Париж, Монферран дал ему письмо к своей матери мадам Коммарье, а та ввела его в дом жившего в Париже Николая Никитича Демидова¹¹. Вигель написал, что мадам Коммарье пользовалась полной доверенностью как Николая Никитича, так и его супруги Елизаветы Александровны, незадолго до того умершей. Но, пожалуй, трудно было поверить написанному дальше: «От обоих тайно принимала она незаконно-рожденных их детей и потом въявь воспитывала их». Известны имена нескольких внебрачных детей Николая Никитича, о которых он заботился до смерти. Но о внебрачных детях жены сведений в литературе я не встречала, за исключением того, что об обоих выживших законных сыновьях, Павле и Анатолии, иногда и, видимо, неоправданно, говорили, что Демидов не был их отцом.

К моему удивлению, то же самое о мадам Коммарье написано и в упомянутой французской статье, причём упоминаются двое детей Елизаветы Александровны Демидовой, имена которых мне были известны как имена внебрачных детей Николая Никитича.

В русских книгах написано, что Монферран учился в Королевской академии архитектуры, которая при Наполеоне была переименована в Императорскую. Среди ее преподавателей были известные архитекторы Персье и Фонтен — основоположники стиля ампир и Молино — генеральный инспектор общественных работ в Париже. Во французской статье учебное заведение названо Специальной школой архитектуры¹². Дважды он призывался в армию (служил в Италии и Германии, был ранен). Во время перерыва в службе, как пишет Шуйский, он женился на «молодой хорошенькой вдове Юлии Морне, урождённой Гокерель»¹³. К сожалению, нет ссылки, указывающей, откуда это известно. Во французской статье со ссылкой на Шуйского её называют Жюли Морле.

Естественно, после падения империи Наполеона в побеждённой Франции начинающему архитектору нельзя было надеяться на интересную работу, поэтому Монферран начал подумывать о России и, видимо, поэтому он в 1815 г. в Париже преподнёс императору Александру I красивый альбом, содержащий превосходно вы-

¹¹ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 886.

¹² Тальбо Ж. Образование Огюста Рикара де Монферрана // Кафедра Исаакиевского собора. Сборник научных статей. Вып. VII. СПб., 2011. С. 255—284.

¹³ Шуйский В.К. Указ. соч. С. 11—12.

полненные акварелью городские виды и разные проекты, в том числе конной статуи Александра I (не очень патриотично).

После этого он начал готовиться к отъезду в Петербург (в отличие от большинства иностранных архитекторов — без приглашения).

В фонде Демидовых в РГАДА хранится и переписка Демидовых с Монферраном за разные годы, в том числе написанные очень неразборчивым почерком, естественно, на французском языке, два письма из Лондона (от 28.6.1816) и Петербурга (от 18.7.1816) Николаю Никитичу Демидову в Париж от Монферрана и его жены, урождённой де Мельтемон. Старчевский же считал, что Монферран приехал без жены, привёз только её портрет, который висел в его доме при второй жене и достался ему — Старчевскому — вместе с домом.

В письме ещё из Лондона (у Франции пароходного сообщения с Петербургом не было) жена Монферрана сообщает Демидову, что у них хватило денег только на билеты до Петербурга и не хватило на оплату провоза книг и бумаг. Она просит денег на его доставку. Отсюда стало понятно, что деньги на дорогу дал Демидов.

Сам Монферран 18 июля 1816 г. сообщает, что вот уже третий день как они прибыли в Петербург. В литературе встречаются утверждения, что Монферран с женой прибыли в петербургский порт на стрелке Васильевского острова в день 16 июля и сразу увидели открытие Биржи, построенной Тома де Томоном. Удивительно, что Монферран сразу по приезде поставил дату на письме по русскому календарю. Подтверждением этого служит то, что на письме, вручённом им петербургской конторе Демидова, стоит приписка «получено 16 июля». А вот насчёт стрелки надо бы проверить. Там был порт в основном для грузовых судов, а пассажиры обычно прибывали в Кронштадт, откуда их доставляли на Английскую набережную.

В письме Н.Н. Демидову Монферран пишет: «Я весьма ценю знакомство с людьми, которым Вы хотели меня представить, но не могу сделать это до сентября, поскольку они все теперь в деревне». Ещё: «Нам необходимо иметь защитника в Вашей стране в начале нашего устройства, мы нашли его в Вашем лице. Не оставляйте Вашей доброты и верьте в нашу признательность»¹⁴.

Эти письма свидетельствуют о том, что Монферран приехал с женой. Ещё одно письмо жены, написанное через месяц после

¹⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 307. Л. 1–2; Д. 306. Л. 5–5об.

приезда, разобрать пока не удалось, зато понятна подпись — Монферран, урождённая Гокерель де Мельтемон (nee Hocgueret de Meltemons)¹⁵. Подпись говорит о том, что это, видимо, та Юлия, на которой женился Монферран примерно в 1811 г. Ещё несколько писем более поздних лет в архиве удалось скопировать, но пока не удалось прочесть.

Интересна переписка Н.Н. Демидова со своей петербургской конторой по поводу приезда Монферрана. В день приезда 16 июля Монферран передал конторе два письма Николая Никитича:

«Вручитель сего г-н архитектор Огюст Монферран, сын известной Конторе мадам Комарье. Есть ли по приезде его Гороховский дом не будет ещё отдан внаймы или продан, то дать ему пристойную небольшую квартиру, в которой позволить жить без оплаты до отдачи дома или до продажи. Есть ли Контора может в чём либо ему полезна, то должна стараться его не оставить, ибо он ни города не знает, ни порусски не говорит». К сожалению, оказалось, что дом уже сдан.

Во втором письме Демидов пишет, что если Монферран пожелает иметь при себе для обучения архитектурскому искусству Александра Чеботарёва, о чём был уже разговор, то его из Академии взять и отдать Монферрану¹⁶.

В ответ Контора сообщает, что Монферран прибыл на английском корабле «Нарцисус» (шкипер Джон Вильсон), что контора уже успела получить вексель, данный им в Лондоне за провоз багажа, и оплатить его, тем более что иначе Контора не получила бы ящик с платьями, посланный с Монферраном женой Николая Никитича Елизаветой Александровной своей сестре Екатерине Александровне Нарышкиной. Из другого письма выяснилось, что платья были посланы для продажи. Кроме того, Контора «по настоятельной его просьбе, нашлась выдать ему г-ну Монферрану деньги, необходимые нужные здесь при первом случае расходы»¹⁷.

Через несколько дней Демидов прислал в контору расписку Монферрана на двадцать фунтов стерлингов, «кои получить с него когда будет можно, без притеснения ему». И в другом письме: «За данные Конторой Монферрану деньги, я бранить оную не хочу,

¹⁵ Там же. Д. 307. Л. 3–3 об.

¹⁶ Там же. Оп. 7. Д. 1545. Л. 72, 82. Гороховский дом — дом Демидовых на Гороховой ул., сейчас № 3.

¹⁷ Там же. Д. 1547. Л. 87 об.—88; Д. 1545. Л. 156 об.

но <...> могла бы она сделать ему выдачу другим манером, чрез чужие руки, ибо я боюсь, чтобы этот долг не затянулся, постороннему же человеку он не осмелится не заплатить в срок»¹⁸. Видно, Николай Никитич не считал себя посторонним человеком, но, как говорится, «дружба дружбой, а денежки врозь». Известно, что он был человеком расчётливым. С долгами Монферран долго не мог рассчитаться. В 1822 г. у него вычитали на уплату долгов треть жалованья¹⁹, да и позже у него бывали долги.

Как видно из письма Монферрана, ему не удалось вручить рекомендательные письма Демидова, так как адресаты в июле были в деревне (об этих письмах вообще не было раньше известно). Оставалось письмо часовщика Брегета (Бреге), адресованное его хорошему знакомому Бетанкуру, недавно назначенному Председателем Комитета по делам строений и гидравлических работ. Начальником канцелярии при нём состоял уже упоминавшийся Вигель, который, если верить его запискам, и уговорил Бетанкура дать Монферрану должность старшего чертёжника в Комитете. Монферран за его старания одаривал его чудесными рисунками. Вигель так его и воспринимал, как хорошо рисовавшего «белобрысого французика», которого «у нас указом сделали архитектором»²⁰.

Зато Бетанкур, знавший французскую школу архитектуры, прочёл не только письмо Брегета, просившего помочь Монферрану, но также Свидетельство об окончании Академии, которую окончил и приглашённый им Тома де Томон, и прекрасную характеристику Молино, который писал впоследствии «<...>Монферран, архитектор, работал у меня в качестве такового в течение нескольких лет неоднократно, <...> во всех случаях я замечал в нём весьма выдающийся талант в чертёжном и архитектурном деле, которыми он занимался равно, как с усердием, так и с успехом»²¹. Поэтому, прочтя письмо своего друга и партнера в сфере предпринимательства — Брегета, рекомендовавшего Монферрана как прекрасного рисовальщика, Бетанкур попросил его принести свои работы. Бетанкур увидел, что имеет дело со знатоком различных стилей архитектуры и незаурядным талантом. Забегая вперед, скажем, что до самой своей смерти в 1824 г. Бетанкур поддерживал Монферрана и помо-

¹⁸ Там же. Д. 1939. Л. 123 об.; Д. 1545. Л. 133 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 191.

²⁰ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 803, 119.

²¹ Чеканова О.А., Ротач А.Л. Огюст Монферран. Л., 1990.

гал ему в решении инженерных задач по созданию фундамента и способа подъёма колонн, который был использован уже после его смерти. Сам Монферран считал, что он многим обязан Бетанкуру²².

Ещё до приезда Монферрана, в 1809 и в 1813 г. объявлялись конкурсы на перестройку Исаакиевского собора, но дальше дело не двигалось. Но в 1816 г. во время пасхальной литургии, как докладывал настоятель храма, «отсыревшая на сводах штукатурка упала на правый клирос и падением своим сделала сильный удар и в народе содрогание <...>. Ещё усмотрено во многих местах от сырости повреждение штукатурки, которое угрожает падением». Богослужения пришлось приостановить, и стало понятно, что дальше откладывать перестройку нельзя. Тогда Александр I и велел Бетанкуру рекомендовать архитектора, а последний рискнул предложить Монферрана. Многие удивились этому выбору, а Монферран, решив показать свои творческие возможности, очень скоро представил красивый альбом, содержащий двадцать четыре миниатюры вариантов собора в самых различных стилях и вкусах. Реакция императора была неожиданной — он назначил Монферрана придворным архитектором, а Бетанкура начальником чертёжной²³.

В начале 1818 г. была создана Комиссия по перестройке Исаакиевского собора, в состав которой входили крупные государственные деятели и специалисты, а сама перестройка поручалась Монферрану.

Строительная площадка Исаакиевского собора была окружена забором, на 40 лет преградившим сквозной проезд и проход от Малой Морской к Почтамтской улице. Окончательно исчезло объединявшее их общее название — Новоисаакиевская улица. Вернее, оно перешло на современную улицу Якубовича.

Первый адрес Монферрана в Петербурге неизвестен. Вигель пишет, что он посетил его и «мнимую мадам Монферран» почти на чердаке в небольшой комнате, в которую надо было проходить через швальню портного²⁴. Не очень понятно, почему «мнимую»? Возможно, он не признавал принятый во Франции в наполеоновские времена гражданский брак (разумеется, зарегистрированный, а не в современном смысле этих слов).

²² Павлов В.Е. Бетанкур и Монферран // Старый Петербург. Поиски, находки, открытия. СПб., 2009. С. 323–330.

²³ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 807; Шуйский В.К. Указ. соч. С. 17.

²⁴ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 803–804.

По 1 января 1817 г. был действителен сохранившийся в архиве полученный французским подданным Монферраном «Билет на свободное в Санктпетербурге проживание», в котором за неимением в те годы фотографии указаны его приметы: лет 32, рост средний, волосы и брови светло-русые, глаза серые, нос короткий, полноватый, вздёрнутый, подбородок круглый, лицо в веснушках²⁵. Несколькими годами ранее в воинских документах во Франции была похожая характеристика: рост 165 см, лицо овальное, лоб высокий, глаза голубые, нос курносый, рот средний, подбородок круглый, волосы и брови светлые.

В январе 1817 г. Вигель снял для него и для себя удобную и поместительную казённую квартиру в доме Шмидта на углу Фонтанки и Апраксина пер.²⁶ (сейчас № 71/21). По этому же адресу позже жил и Росси, который в отличие от большинства архитекторов с самого начала и до своей смерти был в хороших отношениях с Монферраном. Комитет выдавал на оплату квартиры 2500 руб. в год, с учётом того, что позже в этой же квартире находилась прекрасно выполненная Монферраном модель его проекта перестройки Исаакиевского собора. Этот же адрес проживания Монферрана указан и в справочнике на 1824 г.²⁷

В мае 1825 г. Монферран переехал с Фонтанки в дом недалеко от Исаакиевского собора. Адрес его был: 1-я Адмиралтейская часть, 2-й квартал д. 100 (тогда была поквартальная нумерация). Сейчас адрес этого дома — № 20 по Малой Морской улице²⁸ (в книге Шуйского по ошибке напечатано — Большая Морская). Судя по табелю, дом ещё принадлежал в этом году дяде декабриста генерал-лейтенанту П.П. Пушину, но Монферран, судя по документам, имел дело с новым владельцем, отставным капитаном, чиновником 8-го, потом 7-го класса Андреем Карловичем Ганеманом. Годовую плату 4500 руб. платила Комиссия по построению собора, так как Монферрану, как главному архитектору, полагалась казённая квартира. Сама Комиссия располагалась недалеко — в домах сначала Лобановой-Ростовской рядом с собором, потом в доме Жадими-

²⁵ Фотография билета в книге: *Чеканова О.А., Ротач А.Л.* Указ. соч. С. 20.

²⁶ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 811–812, 1007–1008.

²⁷ *Аллер С.* Руководство к отысканию жилищ по С.-Петербургу. СПб., 1824.

²⁸ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 603. Л. 1–35.

ровских на Большой Морской (сейчас № 21).

Сохранился формулярный список Монферрана за 1830 г.²⁹, из которого видно, что он имел орден святой Анны 2-й степени с алмазными украшениями и святого Владимира 4-й степени (во Франции он был награждён орденом Почётного легиона). В Москве в ЦГАЛИ есть список 1848 г. В формулярном списке 1830 г. написано — «женат». А в 1831 г. в газете было помещено объявление об отъезде из Петербурга Юлии де Монферранд, жены архитектора, которую можно спросить в 1-й Адмиралтейской части во 2-м квартале в доме под № 100³⁰. Это действительно адрес Монферрана, о котором шла речь.

В.К. Шуйский пишет, что жена не давала ему развода³¹. Развод был нужен Монферрану, так как он серьезно влюбился в уже упоминавшуюся французскую актрису Элизу Пик де Бонниер. Элиза приехала в Россию в 1826 г., заключив контракт на 3 года³². Насколько мне помнится, во французской труппе был и её отец. Шуйский считал, что союз Монферрана с Элизой возник задолго до официального брака и что по его настоянию она не продлила контракт с театром. Старчевский писал, что Монферран за вторую жену заплатил (кому?) 40 тыс. руб. Может быть, это плата за расторжение контракта. Но ведь контракт был закончен в 1829 г. Ещё Старчевский писал, что в сороковых годах по городу ходил анекдот (в то время этим словом называли забавный рассказ) о втором браке Монферрана. Рассказывали, что какое-то высокопоставленное лицо, не застав дома Монферрана, разговорилось с Элизой, придя от неё в восторг. Якобы после этого испугавшийся Монферран за взятку получил из церкви свидетельство о браке, датированное 1829 г., которое он и предъявил вызвавшему его министру Двора Волконскому³³. Но ведь в формулярном списке 1830 г. написано — женат, а в архиве есть записи о венчании 5 ноября 1835 г. в двух метрических книгах — на русском и на французском языках (см. ссылку 2). Это подробные записи, совершённые «по деланию предварительного исследования о препятствиях к бракосочетанию

²⁹ Там же. Д. 626. Л. 7.

³⁰ Прибавление № 115 к Санкт-Петербургским ведомостям от 19 мая 1831. С. 1114 (в газете страница имеет ошибочный номер 1014).

³¹ *Шуйский В.К.* Указ. соч. С. 339.

³² РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 2967.

³³ ОР ИРЛИ. Ф. 583. Д. 3. Л. 90.

и неоткрытию» таковых (так называемый брачный обыск), и о двоекратном оглашении в дни, предшествующие свадьбе. Кроме того, есть документ о том, что за два месяца до свадьбы Монферран составил завещание в пользу Элизы Пик де Бонниер, которую он предназначает себе в супруги³⁴. И ещё в 1834 г. они вместе купили дом на Большой Морской улице.

Монферран прожил на Малой Морской 10 лет, после чего хозяин дома сначала сообщил ему, что он будет исправлять на доме крышу, а потом дом продал. В архиве имеется очень интересный документ³⁵: «Главный архитектор 17 апреля 1835 г. доносит, что дом Ганемана, в коем он занимает квартиру, продан, и ему объявлено очистить квартиру с 1 мая, посему г. Монферран просит определить ему 4500 руб. в год за подобную квартиру, в коей будет находиться чертёжная, канцелярия его и залы для помощников и для моделей.

Новая квартира находится будет в собственном доме его, Главного архитектора, состоящем поблизости строения Исаакиевского собора, и имеет те же удобства, как и та, которая ему нанималась до сего времени, а посему спрашивает Комиссию определить ему ту же плату, какая производилась г. Ганнеману, т.е. по 4500 руб. в год с выдачей вперёд за год». Общее присутствие хозяйственной части определило заплатить, «поелику квартира Главному архитектору определена штатом и поелику за наём таковой разрешено уже с 1825 года производить выплаты 4500 руб., то с 1 мая 1835 отпустить 4500 руб.».

Речь шла о доме на Большой Морской (сейчас № 45 — Дом композиторов), который 30 ноября был куплен, а 17 декабря 1834 г. был записан за Монферраном и его тогда ещё невестой в Городовой обывательской книге³⁶. Жил ли в этом доме сам Монферран, трудно сказать. В напечатанной в 1837 г. адресной книге Нистрема³⁷, сведения для которой собирались в 1835—1836 гг., написано, что Монферран и его жена живут не в этом доме, а на левом берегу Мойки в доме в доме 75 (только что была введена нумерация домов по улицам, но левая сторона улицы была нечётной). По старой

³⁴ Санкт-Петербургские сенатские объявления. № 84. 19 окт. 1859. С. 48—49.

³⁵ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 603. Л. 1—35.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 4. Д. 90. Л. 71 об.

³⁷ *Нистрем К.* Книга адресов С.-Петербурга. СПб., 1837.

нумерации это был дом 171 в четвёртом квартале второй Адмиралтейской части. Современный номер дома — 84. Дом до 1831 г. принадлежал умершему в этом году Василию Сергеевичу Ланскому, бывшему несколько лет министром внутренних дел и с 1824 г. председателем Комиссии по сооружению Исаакиевского собора³⁸. Монферран с женой жили в доме, когда он принадлежал его сыну Николаю Васильевичу Ланскому, полковнику Полевой Конной артиллерии. В доме жил сам хозяин и две его сестры, а остальные квартиры сдавались внаймы. В адресной книге Нистрема этот адрес встречается не раз, но все жильцы — из раздела «Особы 6-го и последующих классов», так что квартиры были, видимо, не очень дорогие.

В 1835 г. был утверждён проект перестройки собственного дома на Большой Морской, но в феврале 1836 Монферран продал его за 150 тыс. руб. Павлу Николаевичу Демидову, который практически одновременно купил и соседний дом на Большой Морской (сейчас № 43).

9 ноября 1836 г. Демидов женился на известной красавице Авроре Карловне Шернваль, портрет которой кисти Брюллова теперь находится в Константиновском дворце в Стрельне. Павел Николаевич, видимо, знакомый с Монферраном ещё по Парижу и бывший свидетелем на его свадьбе, заказал ему перестройку обоих домов. Дом № 45 в некоторых воспоминаниях фигурирует как два разноэтажных дома. В правой одноэтажной части несмотря на изменение отделки фасада до сих пор просматривается типичный дом XVIII века, изображённый на рисунках того времени. Перестраивая для Демидова оба дома, Монферран для дома 45 использовал проект, сделанный для себя. Об этом свидетельствуют хотя бы сюжеты горельефов, говорящие о внимании, которое властители оказывали мастерам искусств³⁹.

Взамен проданного надворный советник Монферран (чин VII класса) 5 февраля 1836 г. для себя купил у опекунов и доверителей дворян Егорьевых — наследников умершего владельца, дом на Мойке под № 172 во 2-й Адмиралтейской части, по старой нумерации и 77 по новой нумерации по Мойке (справа от дома 75, в

³⁸ Нумерация домов Санкт-Петербурга. СПб., 1836; *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1895. Т. II. С. 111.

³⁹ *Бройтман Л.И., Краснова Е.И.* Большая Морская улица. СПб., 2005. С. 364—366.

котором он жил), записанный за ним в Городовой обывательской книге 20 февраля 1836 г. Дом был куплен «со всем при нём строением и землёй в количестве 354 кв. сажен, ценою за 80000 руб. ассигнациями, а на серебро 22857 руб. 14 коп.»⁴⁰ В течение трёх лет дом перестраивался, на фасаде его появился модный в те годы эркер (вероятно, во время перестройки архитектор продолжал жить в соседнем доме). Сейчас это левая часть углового дома № 86–88 по Мойке, слева, если перейти Мойку от Большой Морской по Почтамтскому пешеходному мостику к Прачечному переулку. Дом Монферрана в советское время был объединён с соседним угловым (по ошибке памятная доска висит на правой части дома). Подробно об истории этого дома написано в статьях В.И. Андреевой и В.В. Антонова⁴¹, который написал и о жизни хозяев дома, и о знаменитой коллекции Монферрана. 15 февраля 1838 г. дом был заложен в Государственном Заёмном банке на 15 лет за 84000 рублей.

Купленный дом имел существенное неудобство — не было въезда во двор. Для организации такового пришлось проделать долгую операцию. По Мойке справа от дома Монферранов был узкий и длинный угловой участок, имевший № 79 по Мойке и № 1 по Прачечному переулку, владельцем которого с 22 декабря 1837 г. был статский советник Густав Васильевич Лерх. Видимо, ничего ценного, кроме стоящего на углу дома, на участке не было, так как в купчей говорится именно о продаже каменного дома, купив который, новый хозяин сразу заказал проект его перестройки соседу Монферрану. Но 25 февраля 1838, пока ещё не был утверждён проект, Лерх продал дом с участком жене Монферрана Элизе Виргинии Веронике⁴². Вероятно, для этой покупки и был 15 февраля заложен дом. Перестройка его по проекту, утверждённому 3 марта 1838 г., была выполнена. Одноэтажный фасад его в традиции классицизма с двумя портиками получился изящнее и краси-

⁴⁰ Санкт-Петербургские сенатские объявления от 17 апр. 1836. С. 2; Санкт-Петербургские сенатские объявления. № 84. 19 окт. 1859. С. 47–48; Санкт-Петербургские губернские ведомости. № 52. 27 дек. 1858. С. 525. Отдел первый, часть официальная.

⁴¹ Андреева В.И. Не только в монументальных формах // Ленинградская панорама. СПб., 1986. № 1. С. 29–31; Антонов В.В. Дом Монферрана на Мойке // Невский архив. Вып. VI. СПб., 2003. С. 269–289.

⁴² Санкт-Петербургские сенатские объявления от 18 февр. 1838. С. 66–67; 3 мая 1838. С. 56.

вее дома самого Монферрана. В советское время, в конце 1920-х, когда боролись с красотой, на правом доме надстроили этаж и оба дома объединили в один со скромным фасадом, общим входом и № 86–88.

Купленный узкий и длинный участок был разделён на три, после чего часть с литерой А, выходящая на Мойку, с перестроенным домом была продана в 1840 г. жене полковника графине Юлии Павловне Самойловой за 38600 рублей серебром⁴³, дальняя по переулку (литера В) в 1841 г. была продана Т. Жибону⁴⁴, вскоре перепродавшему её А. Малевичу, а средняя часть с садом (литера Б — 61 кв. саж.) в 1840 г. была присоединена ко двору Монферрана. Таким образом, он получил выход со своего двора на Прачечный переулоч.

В статьях о Монферране пишут, что лето они с Элизой проводили на даче и что дача была на Аптекарском острове. Судя по газетным объявлениям, в 1833 г. там отдавались внаём вновь отделанные дачи Г. Дарбиньи большими домами и отделениями. Адреса: «на Аптекарском острове в Паршином переулке (что за Карповским мостом, направо от большой Каменно-Островской дороги), и по набережной реки Карповки». В другом объявлении разъясняется: «В Паршином переулке, ведущем к Песочному проспекту»⁴⁵. С помощью справочника удалось, наконец, разобраться: в те годы Карповский мост — это современный Силин мост через Карповку на Каменноостровском пр., а Песочным проспектом называли современный Аптекарский проспект, а иногда и Песочную улицу (теперь ул. проф. Попова). Паршин, или Паршной, переулоч — это второе, существовавшее параллельно, название Песочной улицы, а иногда и Песочной набережной⁴⁶.

Есть более конкретные объявления о продаже двух деревянных домов, вновь выстроенных «для летнего проживания» в Петербургской части в 4-м квартале — под № 1359 по Песочному проспекту (в мае), и другой такой же под № 1341 по берегу реки Карповки. А вскоре (в августе) «продаётся за сходную цену дача под № 1359 против дачи Г. Монферрана», (купившего часть дачи № 1341?),

⁴³ Там же. 19 нояб. 1840. С. 92.

⁴⁴ Там же. 29 янв. 1842. С. 25.

⁴⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1 марта 1833. Прибавления. С. 437; 3 мая 1833. Прибавления. С. 903.

⁴⁶ Кукушкина В.В. Топонимика Санкт-Петербурга первой половины XIX в. по планам города. СПб., 1996. С. 153, 156, 158, 438.

«видеть план и о цене узнать можно близ оной дачи в доме Глазунова»⁴⁷. Есть и купчие на дачи, проданные в сентябре 1833 г.: по доверенности семьи Дарбины продавал их коллежский советник Г. Лерх, у которого позже Элиза купила дом на Мойке. Деревянный дом, отделённый от двора под № 1341, часть под № 3, за 25000 рублей купила та же Элиза Виргиния Вероника Пик де Бонниер (за два года до свадьбы), а часть № 2 от участка 1359 купила Ольга Александровна — жена штабс-ротмистра Александра Григорьевича Демидова, владевшего усадьбой на углу Мойки и Демидова переулка. Получается, что Монферран раньше Элизы купил какой-то участок, может быть, другую часть того же участка 1341?

В.И. Грибанов в статье, посвящённой в основном Аптекарскому острову, пишет, что «Монферран построил на даче Э. Дебоние (понимай — Э. де Бонниер) шесть домиков»⁴⁸.

В сентябре 1837 г. Элиза, уже Монферран, продала свой деревянный дом губернскому секретарю Ивану Эммануиловичу Колержи теперь уже за 75000 рублей (цена возросла втрое, видимо, после перестройки Монферраном).

Дачи эти можно найти в атласе Цылова⁴⁹, только там уже новые владельцы, но сохранился владелец Глазунов на Песочной улице. Участком 1341 владеют по-прежнему Колержи (правда, И.Э. Колержи продал его своей жене, урождённой Нессельроде), но находится он не на Карповке, а отступя от неё, на Песочной улице (проезд, называемый набережной Карповки, проходил не у самой речки, между речкой и проездом были рощи). Возможно, участок 1341 раньше тянулся от Песочной улицы до набережной Карповки, а позже часть его, выходящая на Карповку, была продана и присоединена к участку 1342. Напротив, на другой стороне улицы — участок 1359. Остаётся непонятным: участок, купленный Монферраном в августе и купленный Элизой в сентябре, это два участка или две части одного и того же. Во всяком случае, можно утверждать, что упомянутые участки находились на части Аптекарского острова между Аптекарским и Каменноостровским проспектами (ближе к первому), Песочной (ныне проф. Попова) улицей и Карповкой.

⁴⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 17 мая 1833. Прибавления. С. 1027; 17 августа 1833. Прибавления. С. 2240.

⁴⁸ Грибанов В.И. Шедевры времён «дачного бума» // Ленинградская панорама. 1986. № 1. С. 34.

⁴⁹ Цылов Н. Атлас тринадцати частей Петербурга. СПб., 1849. С. 357.

Возможно, точнее — участок 1341 на левой стороне ул. профессора Попова между Аптекарским пр. и пр. Медиков на территории Завода полиграфических машин, а 1359 — на другой стороне улицы; а может быть, через них прошёл проложенный в XX веке проспект Медиков.

В.К. Шуйский подробно разбирает перестройку собственной дачи Монферрана на Аптекарском острове, к сожалению, не упоминая ни адреса, ни года, а ведь, как мы видели, дача на Аптекарском острове в 1837 г. уже была продана, и на плане Цылова в 1849 г. и позже ни за Монферраном, ни за его женой не числится ничего, кроме дома на Мойке. Где же та дача, которая упоминается Старчевским в рассказах прислуги, на которой Монферран, собрав гостей, любил переодеваться трактирщиком, а Элиза — подавальщицей. Видимо, она была не в черте города.

О жизни обитателей дома на Мойке, распорядке дня, круге знакомых, в нём бывавших, написал уже упоминавшийся А.В. Старчевский, купивший дом после смерти Монферрана и отъезда во Францию его жены. Купив заинтересовавший его дом, Старчевский, естественно, заинтересовался и жизнью дома, старался собрать сведения у людей, бывавших в нём, живших в качестве прислуги, у тех, кому была поручена продажа дома и вещей.

Наиболее интересные сведения дал Старчевскому архитектор Август Антонович Пуаро, который с 1840-х гг. был помощником Монферрана на строительстве Собора, а после его смерти главным архитектором. Он был племянником Карла Росси, который в отличие от многих других архитекторов хорошо относился к Монферрану. Мать Пуаро была дочерью балерины Гертруды Росси (матери архитектора) от её брака с балетмейстером Ле Пиком. Пуаро был вхож в дом Монферрана и знаком с его родственниками со стороны жены. Сведения, полученные от Пуаро, касавшиеся очень личных дел, Старчевский не опубликовал, они остались в его черновиках, хранящихся в архиве⁵⁰.

Например, то, что у Элизы Монферран была сестра Ирма, женщина необычайной красоты, которая в Париже была близка с Анатолием Николаевичем Демидовым. От этой связи появился на свет мальчик Анри-Адольф (Henry), которого Монферран усыновил в Петербурге по французским законам и дал ему свою фами-

⁵⁰ ОР ИРЛИ. Ф. 3. Л. 8.

лию де Монферран. Он потом женился на племяннице Пуаро, но они разошлись, потому что он «оказался негодяем во всех отношениях». Приёмный отец от него тоже отказался, сохранив хорошие отношения и с его матерью, и Анатолием Демидовым, пополнявшим иногда подарками его коллекцию антиквариата.

У Ирмы кроме сына была ещё дочь Софи, которая удачно вышла замуж за маркиза Шарля де Кюсси. Каково же было моё удивление, когда в архиве я нашла заявление Элизы Монферран в Петербургскую контору Демидовых о выплате ей (видимо, по доверенности) пенсии для маркизы де Кюсси⁵¹. Почему Софи получала пенсию от конторы Демидовых? Неужели она, как и брат, была дочерью Анатолия Демидова?

Софи, видимо, часто гостила в Петербурге у тётки. Когда Старчевский покупал дом, кто-то ему показал, в каком флигеле жила племянница. С ней приезжал и супруг. В газетах есть объявления об отъезде из дома на Мойке маркиза Кюсси с супругой. Они сопровождали супругов Монферран в поездках в Карелию. Уезжали из этого дома и другие французские гости. Бывала и сестра Ирма. А в 1840 г. в газетном объявлении упоминается французский подданный Пьер Франсуа де Лапарт и Ирма де Лапарт⁵². Может быть, это она вышла замуж.

Старчевский пишет, что немногочисленная прислуга в доме хорошо вспоминала хозяина, который с ними был мягок, внимателен и не скуп. К рабочим на стройке он относился радушно, весело, называл их имена, хоть и не говорил по-русски (по другим сведениям, хоть и плохо, но говорил).

Монферран умер 28 июня 1858 г., через месяц после окончания постройки Собора и через 40 лет после ее начала. Точных сведений о причине смерти найти пока не удалось. В воспоминаниях указывают очень разные причины. Газета «Северная пчела», сообщая об отпевании во Французской церкви св. Екатерины, писала, что его дом был домом образования, приветливости, радужного гостеприимства, где собирались и великие артисты, и любители изящного, и знаменитые люди, и скромные художники⁵³. Присутствовал находившийся тогда в Петербурге знаменитый писатель

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2742.

⁵² Санкт-Петербургские ведомости. 8 февр. 1840. Прибавление № 31. С. 312, 376.

⁵³ Северная Пчела. 2.7.1858. № 143.

Александр Дюма. В октябре того же 1858 г. в Петербург приезжал французский писатель Теофиль Готье, на которого новый Исаакиевский собор произвёл такое неизгладимое впечатление, что он в своей книге⁵⁴ отвёл ему 30 страниц.

«С-Петербургские ведомости» напечатали официальное объявление о смерти на 74-м году (архитектора Исаакиевского собора, д. ст. сов. Августина Августиновича де Монферрана и небольшой некролог: «На похоронах Монферрана узнали мы о смерти Иванова, и не могли оторваться от сравнений <...>. И Монферран был художник, тридцать [надо сорок. — *Е.К.*] лет прошедший над своим произведением; но этим произведением сказал он последнее слово своё: он умер, совершив всё, что совершить мог, насладившись всем, чем может насладиться художник — умер, как полководец после победы, при кликах торжества, среди почестей».

После смерти Монферрана С-Петербургский Магистрат в печати объявил, что Луи Леже Огюст Рикард де Монферранд, будучи надворным советником, (впоследствии действительный статский советник), учинил 22 сентября 1835 г. духовное завещание, которым всё своё движимое и недвижимое имущество завещал своей невесте Элизе Пик де Бонниер. За утратой подлинного завещания она предъявила копию его, выданную ей из 2-го Д-та Петербургской Палаты Гражданского Суда, подробную купчую крепость на каменный дом на Мойке (2-й Адмиралтейской части 2-го квартала, что ныне 4-го квартала, под № бывшим 172, а потом 77), документы о присоединении участка жены и метрическое свидетельство о смерти Монферрана.

«Цену оставшемуся имению супруга по совести объявила: движимому 25000 руб., а дому 40000 руб., который по городской табели 1846 г. оценён в 34315 руб. 20 коп. серебром». Департамент постановил завещание признать действительным и ввести вдову во владение, взыскав с неё пошлину за наследство за исключением следующей ей без завещания указной, т.е. вдовьей части⁵⁵.

Но продать имущество сразу вдова не могла, так как на него было наложено запрещение впредь до истечения положенного двухлетнего срока «на предъявление противу духовных завещаний

⁵⁴ Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1888.

⁵⁵ Санкт-Петербургские сенатские объявления. № 84. 19 окт. 1859. С. 47–48; Санкт-Петербургские губернские ведомости. № 52. 27 дек. 1858. С. 525. Отдел первый, часть официальная.

спора»⁵⁶. Продажа дома была поручена поверенному Лабуру и А.А. Пуаро, жившему по соседству.

В апреле 1859 г. Элиза Монферран уехала во Францию⁵⁷, а «1860 г. июня 14-го отставному Коллежскому Секретарю Адальбельту Викентьеву Старчевскому совершена купчая крепость от вдовы Дейст. Ст. Сов-ка Элизы Виргинии Вероники Осиповой Рикард-Демонниферандт, на проданный последней первому дом, состоящий в С-Петербурге 2 части 4 квартала по полицейскому № 84»⁵⁸. Поверенный г-жи Монферран сообщил, что за дом было выручено 160000 рублей (ассигнациями), но почему-то послано ей 125000⁵⁹ (видимо, за вычетом пошлины). В 1858 г. в Петербурге проведена была перенумерация домов, при которой чётная и нечётная стороны улиц поменялись местами. Дом Монферрана, имевший по Мойке № 77, получил № 84. В дальнейшем номера сдвинулись, и получился современный № 86, а в 1920-х гг. его объединили с соседним в один дом с № 86—88.

В заключение хочу принести огромную благодарность Алексею Николаевичу Лукоянову, который внёс большой вклад в написание этой статьи. Во-первых, он является одним из лучших специалистов по поиску купчих на дома в газетах XIX века, а во-вторых, он по моей просьбе, будучи в Москве в РГАДА, посмотрел те дела из фонда Демидовых, которые я не успела досмотреть.

⁵⁶ Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвиж. имения. № 12. 11 февр. 1859. С. 539.

⁵⁷ Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. № 84. 22 апр. 1859.

⁵⁸ Санкт-Петербургские сенатские объявления. № 74. 13 сент. 1862. С. 66.

⁵⁹ ОР ИРЛИ Ф. 583. Д. 3. Л. 108, 115.

В.А. Черненко

Чарльз Берд: полвека на благо России

Статья посвящена лучшему ученику Чарльза (Карла Карловича) Гаскойна (1739—1806) — Чарльзу (Карлу Николаевичу) Берду (1766—1843), искусному литейщику, блестящему инженеру, изобретателю и талантливому организатору литейно-механического производства, основателю первого в Санкт-Петербурге чугунолитейного и первого в России механического завода, основателю династии заводчиков, три поколения которых на протяжении почти ста лет управляли широко известным в XIX веке в России и за её пределами «Заводом Берда». Завод стал одним из ведущих металлургических предприятий России, здесь была изготовлена первая паровая машина, построенная вне Англии, и первый пароход на континенте Европы, открывший эпоху речного и морского парового судоходства в России. Берд спроектировал и изготовил первый чугунный мост в Петербурге, заводом выполнены уникальные конструкции и художественное убранство пяти цепных мостов, уникальные конструкции и художественное литьё для архитектурных ансамблей столицы¹.

¹ *Черненко В.А.* Чарльз Берд: дело всей жизни. 155-летию со дня смерти посвящается // Информационный выпуск. Издание Наблюдательного совета АООТ «Фольгопрокатный завод». 1999. № 66. Февраль. С. 1—6; *Черненко В.А.* Чарльз Берд: полвека славных дел // *Металлы Евразии. Международный промышленный журнал.* М., 1999. № 2. С. 92—95; *Черненко В.А.* Чарльз Берд: дело всей жизни // *Петербург — центр промышленности и инженерного искусства. Материалы научных конференций.* СПб., 2003. С. 96—102.

Чарльз Берд (Charls Baird) родился в Шотландии в Уэстертоне (Вестертауне, приход Боскеннер) 20 декабря 1766 г. в семье суперинтенданта Форт-Клайд канала Николаса Берда и Кристины Прингл. После окончания учёбы в Эдинбурге, в 1782 г. Чарльз Берд поступил учеником на знаменитые Карронские заводы, где одним из директоров был известный шотландский инженер Чарльз Гаскойн, создатель морских орудий — «карронад». Уже через три года Берд руководил отливкой и отделкой этих орудий, поставляемых не только для Англии, но и для Испании, Голландии и России.

В 1785 г. Ч. Гаскойн через адмирала С.К. Грейга был приглашён Екатериной II на русскую службу для переоборудования российских металлургических заводов под производство «карронад» для морской артиллерии. Предложение Ч. Гаскойна поехать с ним помощником одному из лучших «художников огневого литья» и механиков было принято Ч. Бердом².

При заключении контракта с Ч. Гаскойном российской стороне пришлось преодолеть немало препятствий со стороны Карронской компании. Кроме того, необходимо было обойти закон, запрещающий выезд из Англии «ремесленных людей» и вывоз машин. Дело было нелёгким, однако закончилось благополучно, и в 1786 г. контракт был подписан. Братья Чарльз и Джеймс Берды вместе с Ч. Гаскойном, мастерами и машинами прибыли в Россию 26 мая 1786 г.³

Получив прекрасную техническую подготовку и пройдя под руководством своего учителя Ч. Гаскойна практическую школу по переоборудованию Александровского чугунолитейного завода в Петрозаводске и строительству чугунолитейного завода в Кронштадте, Ч. Берд решил построить в Петербурге свой чугунолитейный и механический завод.

Для строительства Ч. Берд облюбовал в Коломне на западной окраине Петербурга Матисов остров, где у его соотечественника Фрэнсиса Моргана к 1792 г. уже была построена каменная мастерская с плавильной печью. На этой базе в том же 1792 г. Ч. Берд и основал свой завод, став вместе с братом деловыми партнерами

² Tower T. Memoir of the late Charles Baird, Esq., and of his son, the late Francis Baird, Esq. London, 1867. P. 3 (Перевод В.А. Черненко).

³ РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 49; Ушакова В.М., Ходаковская С.А. Из переписки Чарльза Гаскойна с адмиралом С.К. Грейгом // Клио. №1 (7). СПб., 1999. С. 241–245.

Ф. Моргана. После женитьбы на дочери Ф. Моргана в 1794 г. Ч. Берд очень скоро выделил из дела тестя с братом и стал единственным владельцем завода.

К 1796 г. завод Ч. Берда имел уже четыре каменных корпуса, оборудованных с учётом новейших технологий⁴. Английский исследователь Т. Тауэр (Т. Tower) — первый биограф Чарльза Берда — в 1867 г. писал: «В пригороде новой столицы Санкт-Петербурга в конце XVIII столетия на месте топкого болота на берегу Невы были воздвигнуты внушительные строения, предназначавшиеся для различного оборудования, которое в то время являлось последним словом техники. На заводах работали сотни русских рабочих и служащих под руководством опытной шотландской и английской администрации, стоявшей во главе различных отделов. Эти заводы способствовали росту богатства и мощи России»⁵.

С этого небольшого предприятия начинается история одного из крупнейших в Петербурге XIX века заводов, ставшего впоследствии одним из крупнейших в стране. Часть его — медно-плющильные мастерские, позже меднопрокатный завод — это предок современного ОАО «Фольгопрокатный завод»⁶.

К.Н. Берд стал основателем династии заводчиков. Его сын Франц Карлович (1802–1864), а затем внук Джордж Францевич (1842 — после 1886) продолжили дело отца и деда; вместе они работали на благо России почти столетие — с 1786 по 1881 г.⁷

На заводе Берда была впервые в России изготовлена и использована паровая машина уаттовского типа. Подтверждением этого

⁴ РГА ВМФ. Ф. 227. Д. 58. Л. 181–182; ЦГИА СПб. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–56; Ф. 37. Оп. 3. Д. 358. Л. 1–19.

⁵ Tower T. Op. cit. P. 3.

⁶ Адмиралтейские верфи. Корабли и годы. 1704–1925. СПб., 1994; Черненко В.А. Нашему заводу — 201 год. Страницы истории // Информационный выпуск. Издание Совета директоров АО «Фольгопрокатный завод». 1993. № 4. Октябрь. С. 1–6; Черненко В.А. Нашему заводу — 210 лет. Страницы истории // Информационный выпуск. Издание Наблюдательного совета ОАО «Фольгопрокатный завод». 2002. № 118. Ноябрь. С. 1–12.

⁷ Черненко В.А. Фрэнсис Берд — продолжатель дела отца. К 200-летию со дня рождения // Информационный выпуск. Издание Наблюдательного совета АО «Фольгопрокатный завод». 2000. № 79. Февраль. С. 1–4; Черненко В.А. Фрэнсис Берд — продолжатель дела отца // Петербург — центр промышленности и инженерного искусства. Материалы научных конференций. СПб., 2003. С. 103–107.

является указ Павла I от 1 февраля 1800 г., содержащий предписание Адмиралтейств-коллегии ввести в употребление малую «огненную» машину для облегчения ручных работ, обделки и obtачивания всех инструментов, кузнечных работ, раздувания горнов и всех других работ, которые могут производиться с помощью этой машины, «подобно тому, как это делается на заводе Берда»⁸.

В начале своего существования у завода практически не было конкурентов, однако путь его развития не был легким. В 1801 г. К.Н. Берду пришлось пережить разбирательство с Сенатом, затянувшееся на два с лишним года, когда заводу грозил перенос за пределы города, затем рядом стал строиться Сальный буян, что опять могло привести к закрытию производства⁹.

С 1805 г. Берд по договору с правительством начинает готовить у себя на заводе специалистов для российских предприятий. Уровень технического оснащения завода Берда был значительно выше, чем на казённых заводах, что обеспечивало высокое качество исполнения заказов при их меньшей стоимости. В первые десятилетия существования на заводе К. Н. Берда были построены 141 паровая машина и сложные разнообразные станки для многих российских заводов.

Сам К.Н. Берд был инженером и искусным литейщиком. До недавнего времени сохранялись опоры первого в Петербурге чугунного моста, выполненного по проекту заводчика. Мост в 1806 г. был перекинут через Сальнобуянский канал, отделявший Сальный буян от Матисова острова¹⁰. Модель моста можно увидеть в Музее мостов ОАО «Мостоотряд-19» в Красном Селе.

Попутно с выпуском основной продукции, паровых машин и механизмов, заводчик выполнял заказы для бурно строившегося Петербурга. Завод Берда внёс значительный вклад в архитектурно-художественный облик Петербурга. В специально созданной К.Н. Бердом литейной мастерской отливали памятники и художественные украшения из чугуна и бронзы для строившихся в Петербурге царских дворцов, государственных учреждений и частных владений.

Художественное литьё для строившегося здания Главного Адмиралтейства архитектора А.Д. Захарова стало для К.Н. Берда од-

⁸ Металлурги с Матисова острова. Л., 1967. С. 3–12.

⁹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 4046. Л. 7.

¹⁰ Там же. Ф. 1487. Оп. 44. Д. 446. Л. 3–4; *Пунин А.Л.* Архитектура отечественных мостов. Л., 1982. С. 8, 10.

ной из первых работ по украшению столицы. В 1806–1817 гг. завод выполнял чугунные «балконы» с балясинами под окна на фасадах и парапеты между колоннами в портиках здания, а также парапеты с чугунными балясинами, базы и капители колонн на башне¹¹. Одновременно с работами по Адмиралтейству Берд выполнял заказы для Казанского собора, причём А.Н. Воронихин был одним из первых петербургским зодчих, тесно работавшим с К.Н. Бердом и неоднократно посещавшим его завод. Производство бронзовых капителей и баз для внутренних гранитных колоннад стало первой работой завода К.Н. Берда для собора, выполненной в 1809–1810 гг.¹²

Воронихин впервые в истории отечественной архитектуры спроектировал для Казанского собора металлическую стропильную конструкцию купола пролётом более 17 м. Таких пролётов ещё не знала не только русская, но и европейская строительная практика. Мастерские в 1809 г. собрали из кованных железных колец и радиально расходящихся рёбер конструкцию наружного купола, несущего кровлю¹³. Применив металлическую конструкцию, А.Н. Воронихин существенно опередил строителей других стран. Это был первый в мире металлический купол¹⁴.

К сожалению, ни по архивным, ни по литературным источникам не удалось выяснить, на каком заводе были выполнены металлические конструктивные элементы купола собора. Однако, учитывая, что К.Н. Берд специализировался и на производстве металлических перекрытий (в частности, в конце 1790-х гг. заводом было осуществлено металлическое перекрытие эзерциргауза на Дворцовой площади), можно предположить, что купол Казанского собора выполнен на заводе Берда.

В 1810–1811 гг. А.Н. Воронихин разработал проект развития композиции ансамбля Казанского собора путём пристройки второй полуциркульной колоннады с южной стороны здания, аналогичной северной, а с западной — возведением от портика прямолинейной колоннады, соединив крылья обеих полуциркульных колоннад и ограничив территорию монументальной полукруглой оградой, замыкаемой у Большой Мещанской улицы двумя гранит-

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 274, 2715, 2833; Ф. 212. Оп. 8. Д. 102.

¹² РГИА. Ф. 738. Оп. 16. Д. 5.

¹³ *Иванов Ю.С.* Первый металлический купол // Строительная промышленность. 1941. № 6. С. 28–29.

¹⁴ Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1975. С. 162.

ными пьедесталами, на которых намечалось установить колоссальные гранитные фигуры святых апостолов Петра и Павла. Однако этому грандиозному градостроительному замыслу зодчего не суждено было осуществиться полностью. О нём напоминает только монументальная чугунная ограда, да и то без фигур апостолов.

Ажурные и сочные по рисунку чугунные детали 15 звеньев ограды, из которых два звена по длине вполонину меньше остальных и без центральных ромбов, были отлиты на заводе Берда и установлены в 1811 г.¹⁵

Ограда стала шедевром русского декоративного искусства и художественного литья, виртуозным произведением литейщиков завода Берда, а может, и самого К.Н. Берда, ведь он был не только блестящим организатором производства, талантливым инженером-изобретателем, но и литейщиком. В любом случае выполнили её мастера, умеющие тонко чувствовать красоту металла, придавать ему то ажурную лёгкость, то выразительную силу, сплести из чугуна сложное кружево орнамента, превращая его в произведение высокого искусства. Ограда Казанского собора — одна из вершин искусства петербургских оград, восходящих к лучшим образцам мировой архитектуры. А.С. Пушкин не случайно включил «оград узор чугунный» в поэтический образ города¹⁶.

В 1811 г. К.Н. Берд принял российское подданство и за труд на пользу мануфактурной промышленности 18 февраля 1811 г. был пожалован первым чином. В именном высочайшем Указе от 18 февраля 1811 г. говорилось: «Находящегося здесь иностранца Карла Берда на пользу службы Государственной с давнего времени употребляемого искусство и труды свои, как при исправлении и усовершенствовании машин, так и при устройстве новых в разных казённых заведениях Всемилостивейше жалуем в обер-гиттенфервальтеры 8-го класса, повелевая вследствие изъявленного им желания вступить в вечное подданство Российской империи привести его к присяге узаконенным порядком».

¹⁵ А.З. [Завьялов А.А.] Построение Казанского собора в Петербурге // С.-Петербургский Духовный вестник. 1895. № 11. С. 251.

¹⁶ Черненко В.А. Ансамбль Казанского собора и вклад завода К.Н. Берда в его архитектурно-художественный образ // Андрей Никифорович Воронихин. Мастер. Эпоха. Творческое наследие. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2010. С. 205–214.

3 июля 1815 г. он получил следующий чин — обер-бергмейстера VII класса за «исправление и устройство разного рода машин и станков на Санкт-Петербургском монетном дворе»¹⁷.

Дальновидный предприниматель и талантливый инженер не довольствовался производством мостовых конструкций, проката из чёрных и цветных металлов. Он мечтал применить паровые машины на российском флоте. Это им — К.Н. Бердом — был изготовлен первый пароход на континенте Европы, открывший эпоху речного и морского парового судоходства в России¹⁸.

Подробное описание и чертежи парохода — Парохода Берда — были приложены К.Н. Бердом к заявке 26 мая 1815 г. В соответствии с тогдашними законами он получил в 1817 г. так называемую «привилегию» сроком на 10 лет¹⁹.

Уже летом 1815 г. построенный на заводе К.Н. Берда пароход начал ежедневные пробные рейсы по Неве. Вот что писал об этом журнал «Сын отечества» в 1815 г.: «В августе же сего года появилось на Неве движимое парами судно, построенное г. обер-гиттенфервалтером Бердом, известным по всей России знанием и искусством своим в механике, особенно в отношении к фабрикам и заводам, производящим работы свои посредством паровых машин».

В историю отечественного флота навсегда вошла знаменательная дата 3 (15) ноября 1815 г. В этот день совершил свой первый регулярный рейс из Санкт-Петербурга в Кронштадт и обратно пароход, построенный на заводе Берда²⁰. Этот день открыл в России эпоху парового судоходства. 4 июля 1817 г. К.Н. Берд был награждён орденом св. Анны 2-й степени²¹.

¹⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3034. Л. 18, 21.

¹⁸ Черненко В.А. Пароход Берда. 185-летию создания первого в России парохода посвящается // Информационный выпуск. Издание Наблюдательного совета АО «Фольгопрокатный завод». 2001. № 1 (92). Январь. С. 1–4; Черненко В.А. Пароход Берда — первый в России // Гангут. 2006. № 38. С. 32–48.

¹⁹ Привилегия, данная Обер Бергмейстеру 7-го класса Карлу Берду, на употребление паровых судов, с подробным оной описанием и рисунками. СПб., 1818.

²⁰ Морской офицер. Первая поездка на пароходе из Петербурга в Кронштадт и обратно в 1815 году // Сын отечества. 1815. Ч. 26. Кн. 46. С. 37–40.

²¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3034. Л. 3.

Огромный вклад в 1823–1826 гг. внёс К.Н. Берд в мостостроение Петербурга, начиная с Петербургского (Суворовского) наплавного моста, где завод под его руководством выполнил в 1823 г. металлическое убранство береговых устоев и дамб (чугунные перила и решётки), сборных конструкций (тюбингов), перил, фонарей чугунных мостов Петербурга, конструкций 1-го Инженерного (1823) и заканчивая конструкциями и украшениями пяти цепных мостов Петербурга: Почтамтского (1823–1824), Пантелеймоновского (1823–1824), Банковского (1825–1826), Львиного (1825–1826) и Египетского (1825–1826)²².

При участии К.Н. Берда в 1832–1834 гг. по проекту О. Монферрана, рисункам Монферрана и Д.-Б. Скотти и моделям П. Свинцова, И. Леппе и Б. Орловского было создано скульптурное убранство монумента Александру I²³. Парящая над Дворцовой площадью фигура ангела с крестом, венчающая Александровскую колонну, а также четыре бронзовых барельефа на пьедестале колонны, четыре канделябра, бронзовая ограда и другие украшения колонны были отлиты из бронзы замечательными бердовскими умельцами²⁴. 29 августа 1834 г. за работы по сооружению монумента Александру I К.Н. Берд был награждён орденом св. Владимира 3 степени²⁵.

С 1833 г. на заводе К.Н. Берда находилась «Медная бабушка» — бронзовая статуя Екатерины II — приданое Н.Н. Пушкиной. После безуспешных попыток продать статую государству А.С. Пушкин через ростовщика В.Г. Юрьева отправил скульптуру К.Н. Берду, который впоследствии купил её.

²² Там же. Ф. 1487. Оп. 4. Д. 204, 207, 208, 225, 273, 274; Ф. 206. Оп. 1. Д. 591, 704; Ф. 470. Оп. 1. Д. 33.

²³ Там же. Ф. 1311. Оп. 3. Д. 1, 25, 42, 43, 54, 79, 99, 109, 112, 115.

²⁴ Черненко В.А. Её назвали восьмым чудом света / Смена. 2003. № 97 (23407). 29 мая. Четверг. С. 9; Черненко В.А. Дворцовая площадь. К истории создания ансамбля // Кафедра Исаакиевского собора. Выпуск VIII. Сборник научных статей. СПб., 2011. С. 195–245; Черненко В.А. Автограф зодчего на Александровской колонне // Кафедра Исаакиевского собора. Выпуск VII. Сборник научных статей. СПб., 2011. С. 94–130; Черненко В.А. Д.-Б. Скотти и история создания картонов барельефов Александровской колонны // Россия–Италия. Материалы XVII Царскосельской научной конференции: сб. науч. статей. СПб., 2011. С. 601–617.

²⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3034. Л. 4.

Поскольку завод был основан Бердом в царствование императрицы Екатерины II, да и прибыл он в команде Ч. Гаскойна из Шотландии по её приглашению, то бронзовой статуе была уготована представительская миссия — показать венценосным, государственным и иным заказчикам почтение и уважение к императрице, предоставившей ему возможность основать и развивать предпринимательство, принять впоследствии русское подданство и отдать полвека служению России. Размещая у себя на заводе произведение искусства берлинских мастеров конца XVIII в., Карл Николаевич — сам искусный литейщик — прекрасно понимал, какую роль будет играть статуя императрицы Екатерины II на заводе, где осуществлялось художественное литьё для памятников Петербурга. Статуя служила своеобразным камертоном для бердовских мастеров и, понятно, что скульптура находилась на видном месте²⁶.

В 1835 г. К.Н. Берд лично отливал украшенный орнаментами и барельефными изображениями по проекту архитектора А.П. Брюллова и детальным чертежам инженера П.Я. де Витте лафет для знаменитой Царь-пушки Московского Кремля. Каждый день, невзирая на погоду, экскурсанты останавливаются на Ивановской площади у собора двенадцати апостолов, где установлено это удивительное по грандиозности и мощи произведение рук человеческих и слышат имена двух замечательных литейщиков, разделённых тремя столетиями: Андрея Чохова, отлившего крупнейшее в мире орудие в 1586 г., и Карла Берда, сделавшего лафет в 1835 г. На верхней части ствола Царь-пушки вылита: «Слита бысть сия пушка в преименитом граде Москве лета 7094, в третье лето государства его [государя Фёдора Иоанновича. — В. Ч.]», а на обоих торцах бронзовой оси лафета выбит автограф литейщика: «БЕРДЪ / 1835»²⁷.

²⁶ Черненко В.А. «Медная бабушка»: История статуи Екатерины II. Без мифов и легенд // Царское Село. На перекрестке времен и судеб: материалы XVI Царскосельской научной конференции: сб. науч. статей: в 2 ч. Ч. II. СПб., 2010. С. 363–393; Черненко В.А. «Медная бабушка»: История статуи Екатерины II // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. IX. СПб., 2010. С. 359–372.

²⁷ Черненко В.А. «Находка» в Московском Кремле // Информационный выпуск. Издание Наблюдательного совета АООТ «Фольгопрокатный завод». 2001. № 2 (93). Февраль. С. 1–2; Архив ВИМА ИВ и ВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 34, 35.

Заказы, огромные по объёму, технически сложные, высокохудожественные по исполнению, создали заводу репутацию лучшего в России предприятия по художественному литью.

С 1818 г. и до самой своей смерти в 1843 г. К.Н. Берд находился в тесном творческом сотрудничестве с главным архитектором Исаакиевского собора Огюстом Монферраном, выполняя сложные инженерные и художественные задачи, начиная с отливки бронзовых баз и капителей для гранитных колонн портиков (1821–1836), колонн барабана главного купола (1837–1838), колонн четырёх малых куполов (1839), ангелов на колоннаду (1839), до колоссального многофигурного горельефа «Воскресение Христово» в тимпан северного фронтона (1843), покрытия медными листами внешних конструкций антаблемента и создания уникальной чугунной конструкции главного купола с покрытием его золочёными через огонь медными листами (1838–1839), а также малых куполов (1841–1843). Кроме того, на заводе К.Н. Берда производились все металлические детали конструкций и механизмы, обеспечивающие строительство²⁸.

Многие владельцы петербургских частных предприятий с завистью и уважением присматривались к деятельности К.Н. Берда. Заказов у него было хоть отбавляй. Из высоченных труб бердовских заводских корпусов всегда валил густой дым. Сложилась даже поговорка: «Как дела? — Дела, как у Берда на заводе. Только труба пониже, да дым пожире»²⁹.

Чин берггауптмана VI класса К.Н. Берд получил уже в преклонном возрасте, на 73 году жизни «за долговременные и разнообразные труды на пользу мануфактурной промышленности».

Шотландец Чарльз Берд приехал в Россию в конце XVIII в., стал российским подданным и остался здесь до конца жизни. Карл Николаевич Берд скончался 28 ноября (10 декабря) 1843 г. в чине обер-берггауптмана на 77 году жизни. Похоронен на Смоленском лютеранском кладбище. Там же захоронены и другие члены семьи³⁰.

²⁸ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 114, 117, 235, 253, 287, 409, 462, 901, 938, 941, 943, 975, 987, 1003, 1026, 1031, 1034, 1047–1048; Ф. 502. Оп. 1. Д. 85, 220, 281, 285, 307, 567; Остальные фронтоновые горельефы отливали и устанавливали уже после смерти К.Н. Берда.

²⁹ Металлурги с Матисова острова. Л., 1967. С. 7.

³⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3034. Л. 25; Месяцеслов на 1845 год. СПб.

Внук Берда Джордж установил над захоронениями отца и деда на мощном гранитном основании часовню в неоготическом стиле, окружённую решёткой, отлитыми из чугуна на их заводе. Внутри часовни на чёрном лабрадорском пьедестале возвышается белый мраморный четырёхгранный обелиск, на северной грани которого высечено: «Secred / to / the Memory / of / Charles Baird / Died 28 November 1843, / Aged 77 years».

Дело, начатое Чарльзом Бердом, продолжил его сын Фрэнсис, а затем внук Джордж³¹.

Память о выдающемся инженер-металлурге Чарльзе Берде сохранилась не только на слуху в знаменитой поговорке, но и зримо — в архитектурно-художественном облике Петербурга, в его замечательных архитектурных ансамблях, мостах и решётках.

Перекинутый через р. Пряжку на Матисов остров в створе Мясной улицы мост носит его имя, а в год 205-летия основанного им завода, 25 декабря 1997 г., по решению Наблюдательного совета АООТ «Фольгопрокатный завод», имя основателя завода было увековечено: на фасаде административного здания предприятия по улице Александра Блока, 5 была открыта мемориальная доска (автор Черненко В.А., художник Васильев В.Н., скульптор Змитрович Г.В.). Право открыть мемориальную доску было предоставлено Заслуженному металлургу Российской Федерации, генеральному директору завода А.П. Плитко³². Взору собравшихся на торжество открылся бронзовый барельеф основателя завода на полированном граните с высеченным и позолоченным текстом: «Завод / основал Чарльз Берд / в 1792 году»³³.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 1440. Оп. 8. Д. 1, 4, 353; Черненко В.А. Фрэнсис Берд — продолжатель дела отца // Петербург — центр промышленности и инженерного искусства. Материалы научных конференций. СПб., 2003. С. 103–107.

³² Черненко В.А. История завода — судьба директора / Цветные металлы. 1999. № 8. С. 73–76; Открытое акционерное общество «Фольгопрокатный завод» // Золотая книга Петербурга. Т. III. 2004. С. 78–79.

³³ Черненко В.А. Открытие мемориальной доски основателю завода Чарльзу Берду. 25 декабря 1997 года, 13.00 // Информационный выпуск. Издание Наблюдательного совета АООТ «Фольгопрокатный завод». 1998. № 53. Январь. С. 1–3; Мемориальные доски Санкт-Петербурга. Справочник. СПб., 1999. С. 135; Кривдина О.А., Тычинин Б.Б. Скульптура и скульпторы Санкт-Петербурга. 1703–2007. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2007. С. 96–97.

Л.Д. Бурил

Инженер-генерал Александр Вильсон (1776–1866)

Летом 2012 г. исполняется 290 лет со дня основания города Колпино и его градообразующего предприятия — Ижорских заводов. Заводы, основанные по указу Петра I, имеют славную историю, богатую именами людей, много сделавших не только для Колпино. Одна из таких, ныне почти забытых, личностей — инженер-генерал Александр Яковлевич Вильсон, деятельность которого в первой половине XIX в. распространялась на четыре предприятия северной столицы. Из семидесяти двух лет, проведённых на государственной службе, более пятидесяти Вильсон руководил одновременно Адмиралтейскими Ижорскими заводами (АИЗ) в Колпине и Императорской Александровской мануфактурой в Петербурге.

Вильсон родился 16 февраля 1776 г. в Эдинбурге (Шотландия) в семье кузнеца. В восьмилетнем возрасте вместе с отцом приехал в Россию. Джеймс Вильсон (в России его стали называть Яков Александрович) был приглашён архитектором Ч. Камероном как опытный мастер для строительства в Царском Селе. Известно, что он работал там с 1 мая 1784 до 1 мая 1790 г, выполняя кузнечные работы в Екатерининском дворце и Камероновой галерее. Отец рано стал привлекать к своему ремеслу старшего сына Александра. Решётка Камероновой галереи исполнена уже Яковом и Александром Вильсонами; фамилии отца и сына стоят рядом в ведомостях о выполнении позолотных работ¹.

¹ *Ходасевич Г.Д.* Шотландские мастера в Царском Селе // Россия-Англия: страницы диалога. СПб., 1999. С. 15–18.

Александр Вильсон, как сказано в его послужном списке, «не обучался в казённом заведении, но знает науки, принадлежавшие его званию; также языки — русский, английский, французский и, частично, немецкий»². В 1790 г. Царскосельская контора строений заключила контракт с четырнадцатилетним Александром. Он был определён помощником к отцу, но вскоре переведён на Сестрорецкий оружейный завод. В 1799 г. произведён в губернские секретари «за труды и усердие при введении новой методы в приготовлении оружейных частей»³. Через год А.Я. Вильсон начинает служить под началом Чарльза (Карла Карловича) Гаскойна — известного шотландского инженера, с 1786 г. работавшего в России.

Вильсон обучается инженерному делу на Александровском пушечном (г. Петрозаводск) и Луганском заводах, а когда в августе 1803 г. Гаскойну поручают реконструкцию АИЗ, переезжает в Колпино. Вместе с сыном в Колпине с 1 октября 1803 г. до смерти в 1821 г. работал отец, сначала в должности смотрителя заводов, а затем помощника директора (иногда в литературе его ошибочно называют братом А.Я. Вильсона)⁴.

Директор АИЗ Гаскойн, руководивший несколькими предприятиями, бывал в Колпине изредка, поручив ежедневные производственные проблемы своему заместителю А.Я. Вильсону. После смерти Гаскойна в 1806 г. А.Я. Вильсон заменил своего учителя на посту управляющего Александровской мануфактурой. На АИЗ Вильсону была поручена сначала исполнительная часть, т.е. производство; в полное управление заводами он вступил 1 марта 1807 г., с 18 июня 1808 г. назначен директором. Ему было тогда тридцать два года.

Первой своей задачей Вильсон считал осуществление плана переустройства АИЗ, утверждённого в 1803 г. В рапорте министру П.В. Чичагову 10 августа 1806 г. он писал: «Работы производятся без остановки, и крайнее попечение прилагается как о выполнении нарядов, так и о незамедлительном отправлении новых вещей»⁵.

Испытанием для нового директора стало небывалое наводнение 1807 г. Воды Ижоры прорвали основную заводскую плотину, разрушили старые деревянные мастерские и мосты. Ликвидация катастрофы велась очень энергично. В рапортах Вильсон отмечал

² РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 476. Л. 2.

³ Там же. Оп. 2. Д. 196. Л. 16.

⁴ Там же. Оп. 7. Д. 222.

⁵ Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2903. Л. 164 об.

рвание рабочих: «кои при весьма непостоянной и мокрой погоде, бывая весь день при работах на открытом воздухе, не щадят трудов своих и здоровья к приведению всего до наступления зимы в такое положение, чтобы весенние разлитие вод не могло разорить всего, в сём году исправленного»⁶. В 1809 г. закончили рыть правобережный водоотводной канал, получивший название Прямого (сейчас — Комсомольский канал). Последующие наводнения подтвердили прочность заводских гидротехнических сооружений, которые впоследствии, уже не неся производственных функций, стали основой градостроительной планировки Колпина.

План реконструкции АИЗ был исполнен к 1808 г. С разрешения Адмиралтейства Вильсон не раз корректировал его, т.к. заводам поручали выпуск изделий, не предусмотренных первоначальной специализацией. Так, в 1806 г. началась отливка медных орудий, с 1810-х гг. — чеканка мелкой медной монеты, штамповка пуговиц, с 1818 г. — изготовление навигационных приборов, в 1833 г. — производство медных пороховых ящиков. Вильсон пытался внедрить на заводах всё новое и передовое, что появлялось за границей. В 1830 г., находясь в Англии, он пригласил на АИЗ мастеров Смита и Гизе для создания производства якорных цепей. Здание цепной кузницы построили вдоль подпорной стены главной заводской плотины через Ижору. Вильсону приписывают остроумное решение ограды на плотине: опорными столбами её стали бракованные стволы пушек, которые, в свою очередь, выводили дым из помещений кузниц. Утратив со временем прикладной характер, стволы пушек и ограда стали украшением одной из самых оживлённых магистралей Колпина — бульвара Свободы.

Большой вклад Ижорских заводов в создание отечественного флота неоспорим. На АИЗ в 1816 г. был построен первый русский военный колесный пароход «Скорый». В последующие годы создавались «Проворный», «Ижора», паровые машины для «Александрии», «Богатыря», «Геркулеса» и многих других судов. Медные обшивные листы, пушки, навигационные приборы, печи и каминны, корабельные фонари изготавливались для парусников, совершивших знаменитые путешествия и географические открытия первой половины XIX века.

К необычным, непрофильным производствам относится чеканка медной монеты достоинством 3, 2, 1, ½, ¼ копейки. Работы

⁶ Там же. Д. 2934. Л. 77 об.

проводились под наблюдением министерства финансов в 1810—1815, 1820—1821 и в 1840—1844 гг. За три периода произведено 231478 пудов монет на общую сумму 4927169 рублей.

При Вильсоне заводы начали принимать участие в промышленных выставках. Навигационные приборы и инструменты, пушки, образцы железа, якоря, якорные цепи и многое другое выставлялись на отечественных выставках 1829, 1831, 1839 гг., Лондонской выставке 1852 г. Высоких наград и отзывов удостоивались изделия мастерской навигационных инструментов, работавшей в составе АИЗ в 1818—1858 гг. За этот период изготовили и починили более 62-х тысяч математических и физических приборов и инструментов.

Вместо планировавшихся Гаскойном 19 производств к середине XIX в. АИЗ освоили, как тогда писали, 28 «мастерств»⁷. Производительность заводов выросла с 3,5 тысяч пудов в 1803 г. до 115 с половиной тысяч в 1852. Число мастеровых в этот же период увеличилось с 500 человек до 1700⁸. При Вильсоне стали складываться династии ижорских мастеров, из поколения в поколение передававших секреты рабочих профессий.

В условиях закрытого населённого пункта, каким было Колпино до 1878 г., начальник заводов (так стала называться должность Вильсона с 1826 г.) был практически хозяином села, населённого военноремесленниками и их семьями. Кроме зарплаты мастеровые (объединённые с 1827 г. в 6-й морской рабочий экипаж), получали провиант на себя и детей. Семейным рабочим строился дом за счёт завода. Холостые размещались в казармах. В 1809 г. на заводах открылась первая столовая, и к концу года ею пользовались уже все холостые рабочие. В селе был построен госпиталь, работала школа для сыновей рабочих, а в 1836 г. Вильсон в своём доме открыл школу для девочек. Дети — предмет постоянной заботы начальника. Журналы исходящих документов сохранили распоряжения о порядке выполнения прививок оспы, о лечении школьников, многолетние хлопоты о присылке в Колпино «учёной» повивальной бабки.

Заботясь о благоустройстве и санитарном состоянии Колпина, Вильсон перенёс местное кладбище из центра, от заводов, к устью

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1. Л. 31 об.

⁸ Бурим Л.Д., Ефимова Г.А., Лопатенко Н.Л. «Один ответственный должен...» Очерки о директорах Ижорских заводов. СПб., 2001. С. 39.

Прямого канала. Тогда же на кладбище построили церковь во имя Святителя Николая.

Советская историография рисовала образ А.Я. Вильсона как жестокого деспота, этакого «колпинского Аракчеева». Истина, как всегда, лежит посередине. Человек своего времени, Вильсон жил и работал в условиях крепостного права. Колоссальная ответственность за завод и выполняемые государственные заказы требовала воли, настойчивости, порой жёсткости. Приведём мнение современника: «Исполнительный сам и строгий к самому себе, он и от подчинённых требовал беспрекословного исполнения возложенных на них обязанностей. Умея наказывать, он за добросовестную работу умел и поощрять денежными наградами, производством мастеровых в унтер-офицеры, а затем в офицеры. Многие труженики ижорских Адмиралтейских заводов всем своим дальнейшим общественным положением обязаны были строгому, но справедливому начальнику генералу А.Я. Вильсону»⁹.

Служба и порученные ему предприятия были главным делом его жизни. Руководя одновременно Ижорскими заводами и Александровской мануфактурой, Вильсон бывал в Колпине несколько дней в неделю, постоянно проживая в селе Александрове при мануфактуре (сейчас — участок проспекта Обуховской обороны СПб). Мануфактура возникла при Павле I и просуществовала до 1863 г. Здесь ткали салфетки, полотна, выпускали игральные карты. Как и в Колпине, в Петербурге Вильсон много проектировал и строил. Здание льнопрядильни Александровской мануфактуры, построенное по проекту Вильсона в 1810-х гг., вошло в учебники по архитектуре как первое в столице производственное сооружение с внутренним металлическим каркасом¹⁰. Изделия мануфактуры прославились в 1836 г., когда служащий Яков Малин выткал из шёлка четыре картины: «Портрет императора», «Вид здания С-Петербургской биржи», «Вид Академии художеств», «Вид замка Дерам в Англии»¹¹. После упразднения мануфактуры на её месте возник Обуховский сталелитейный завод.

⁹ *Левицкий М.* Адмиралтейские Ижорские заводы // Газета «Котлин». 1897. № 45.

¹⁰ *Пунин А.Л.* Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990. С. 160.

¹¹ *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889. С. 75–76.

Энергии и деловой хватки Вильсона хватало на многое. В 1833 г. совместно с компаньонами он основал в столице компанию Невской бумагопрядильной мануфактуры. Предприятие успешно действовало до 1917 г. (сейчас — ОАО «Прядильно-ниточный комбинат им. Кирова»). В 1835 г. Вильсон стал основным пайщиком общества «Российской бумагопрядильной мануфактуры» (ныне — ЗАО «Веретено») ¹². Роль Вильсона в развитии этих предприятий ещё не изучена.

Частная жизнь легендарного начальника АИЗ восстанавливается по крупицам. В 1808–1865 гг. Вильсон состоял членом Английского клуба. Вероятно, именно там состоялось его знакомство с А.С. Пушкиным. Поэт работал тогда над «Историей Пугачёва», повсюду разыскивая редкие книги XVIII века. Вильсон посылает ему экземпляры из своей библиотеки: «Вместе с тем получить извольте записки капитана Брюса, в которых найдёте много любопытства достойного <...> Записки доктора Куна при сём же получить извольте»¹³. Письмо Пушкину показывает нам личность начальника АИЗ с иной стороны. Оказывается, он хорошо знаком с историческими документами адмиралтейского архива. Одна из книг, отправленных Вильсоном поэту, «Записки доктора Кука» (текст письма прочтён с ошибкой: не Куна, а Кука) с его автографом хранится сейчас в рукописном отделе Пушкинского дома. Из сохранившегося завещания Вильсона мы знаем, что он был обладателем библиотеки в 18 тысяч томов¹⁴.

Приказом № 107 от 14 августа 1856 г. инженер-генерал А.Я. Вильсон был уволен от службы, но оставлен по корпусу корабельных инженеров. Император Александр II направил на его имя рескрипт следующего содержания: «Александр Яковлевич! При увольнении вас от многотрудной должности начальника Адмиралтейских ижорских заводов, Я не мог не обратить внимания на свыше пятидесятилетнюю службу вашу и не отдать полной справедливости неизменному усердию, коим ознаменовано служение ваше как при ижорских, так и по другим частям, кои были поручаемы вам. Во изъявление особенного МОЕГО к вам благоволения и признательности, Я повелел сохранить вам от Морского Министерства

¹² *Барышников М.Н.* Деловой мир России. СПб., 1998. С. 258, 314.

¹³ *Пушкин А.С.* Переписка. В 3-х т. Т. 3. СПб., 1911. С. 258–259.

¹⁴ РГИА. Ф.759. Оп. 32. Д. 491.

полное содержание, которое вам производилось по званию начальника Адмиралтейских ижорских заводов...»¹⁵.

20 июля 1856 г. Вильсон праздновал 50-летие управления Александровской мануфактурой. Юбилею пожаловали алмазные знаки ордена Александра Невского; на Петербургском монетном дворе была отчеканена медаль¹⁶. Скульптор Н.С. Пименов в 1857 г. выполнил скульптурный портрет инженер-генерала Вильсона. Сохранилось два экземпляра этой работы, исполненные в мраморе: в Русском музее и Третьяковской галерее. По воспоминаниям ижорцев, уменьшенная копия бюста Вильсона, но уже в бронзе, украшала до 1917 г. кабинет начальника заводов. В 2006 г. петербургский скульптор Геннадий Змитрович выполнил копию пименовского портрета Вильсона для ЗАО «Веретено».

Недавно стало известно, что Вильсон владел участком земли в I квартале Выборгской части, выходящим на улицу Симбирскую, д. 4 (сейчас — улица Комсомола) и Арсенальную набережную, д. 3. Кроме дома и строений, на участке был разбит сад. В 1870-х гг. участок вошёл в состав территории, на которой построили Дом призрения Тименкова-Фролова¹⁷.

Александр Яковлевич Вильсон умер в воскресенье, 13 февраля 1866 г., трёх дней не дожив до своего девяностолетия. Прямых наследников не оставил, т.к. прожил жизнь холостяком. Родственники поместили в ряде столичных газет сообщение о том, что «отпевание в Англиканской церкви (на Английской набережной) назначено 18 числа на 10 часов утра»¹⁸. Его похоронили на Колпинском кладбище. Могила не сохранилась. В составленном за два года до кончины завещании Вильсон разделил своё состояние между родственниками и просил принца П.Г. Ольденбургского (которого хорошо знал и глубоко уважал) взять на себя руководство своими душеприказчиками.

В небольшом очерке невозможно рассказать об этой жизни, полной трудов и свершений. Деятельность А.Я. Вильсона стала эпохой в истории колпинских производств; он внёс значительный вклад в развитие промышленности Санкт-Петербурга.

¹⁵ Горюнов Г.И. Адмиралтейские Ижорские заводы. СПб., 1903. С. 76.

¹⁶ Иверсен Ю.Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1878. С. 91–92.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2994.

¹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 47. С. 3.

Е.И. Задорожная

Фирма «Оптик-механик И.Я. Урлауб» и развитие оптико-механического производства в Петербурге на рубеже XIX–XX веков

Развитие оптического производства в России ведёт свое начало с основания Санкт-Петербурга. В новый город привозили новые вещи, в том числе из стекла. Состав обыкновенного оконного стекла отличается от хрустального, оптического. Обыкновенное стекло в петровское время уже производилось в России, а секрет хрустального стекла оставался неизвестным.

В XVIII в. М.В. Ломоносов и И.П. Кулибин стремились наладить оптическое производство в России. Но талантливых и активных преемников они не имели, поэтому вплоть до 1859 г. все предметы точной оптики в большинстве своём заказывались за границей.

В 1859 г. в Санкт-Петербурге была образована первая в России самостоятельная кафедра офтальмологии при Императорской Медико-Хирургической Академии. Научная деятельность офтальмологов страдала из-за дороговизны заграничных оптических изделий. Требовалось отшлифованное стекло собственного производства. Тогда заведующий кафедрой офтальмологии профессор Юнге бросил вызов всем оптикам России¹. Вызов этот был принят, в первую очередь оптиками этой Академии, первоначально Г. Штраусом, а затем Иваном Яковлевичем Урлаубом, который в букваль-

¹ Урлауб И.Я. Очерки истории оптики и истории оптического производства в России. 1-е изд., стереотипное. СПб., 1899.

ном смысле слова повернул развитие оптического производства России в нужное направление. Узнаем подробнее о жизни и деятельности этого интересного человека!

15 мая 1856 г. в Санкт-Петербурге в семье баварского подданного Якова Августовича, актёра и хориста церкви св. Екатерины, родился мальчик Иван. Он получил общее образование в училище св. Екатерины². Уже с 14 лет молодой человек заинтересовался оптикой и стал изучать оптическое дело, работая в петербургских магазинах. Затем на собственные средства Иван Урлауб уехал за границу, где непосредственно на производстве усовершенствовал свои теоретические и практические знания в области оптики. По возвращении в Санкт-Петербург Иван Яковлевич продолжил образование³.

Уже в 1877 г. И.Я. Урлауб начал самостоятельное оптическое производство в Петербурге, став купцом 2-й гильдии. Оптический и механический магазин был открыт по адресу Невский пр. д. 44⁴.

На второй год существования фирма Урлауба была официально признана поставщиком Императорской Медико-Хирургической (ныне Военно-Медицинской академии), а сам Урлауб был удостоен звания оптика этой академии. Учёные-офтальмологи стали реже обращаться за границу⁵.

В 1885 г. открылся Императорский Клинический Институт Великой Княгини Елены Павловны. Кафедру офтальмологии занял профессор Г.А. Донберг. Спустя 3 года фирма Урлауба изготовила первый образец сокращенного набора стёкол для окулистов, который был разработан Донбергом. В тот же год фирма экспонировала предметы своего производства на Выставке III съезда Общества Русских врачей.

Иван Яковлевич систематизировал существующие разновидности искусственных глаз и объединил их в обширную коллекцию. В России тогда глазные протезы не изготовлялись, поэтому возникали сложности с их правильным подбором. Эта коллекция вместе с другими изделиями фирмы Урлауба была представлена на Вра-

² ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 44. 1856 г. Л. 34.

³ *Пилецкая Т.Л.* Серебряные нити. СПб., 1998.

⁴ Справочная книга о лицах, получивших купеческие свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промысла, — СПб., 1877.

⁵ *Урлауб И.Я.* Обзор двадцатипятилетней деятельности фирмы оптик-механик Ив. Як. Урлауб. — СПб., 1902.

чебно-Гигиенической выставке в 1889 г. Экспонаты были удостоены высшей награды⁶.

С 1890 г. в мастерской Урлауба был создан отдел для исправлений и переделок микроскопов. Тем не менее, фирма прославилась за счёт искусно выполненных окулистических приборов. В 1890 г. состоялся X Международный медицинский конгресс в Берлине. Среди экспонатов фирмы — «офтальмоскопы и зеркала различной конструкции, различные типы очков и наборы стёкол». Фирме присужден диплом за окулистические приборы. Эти же изделия вместе с предметами фотометрической оптики выставлялись спустя два года на выставке в Лондоне и вновь были удостоены почётной медали⁷.

В 1892 г. производство Урлауба выпустило в свет первое издание «шрифтов и таблиц по метрической системе для исследования остроты зрения», составленных профессором Донбергом⁸. На следующий год в Петербурге состоялась первая Всероссийская гигиеническая выставка. И вновь продукция Урлауба привлекала внимание специалистов. Выставку посетил сам Александр III. «Иван Яковлевич давал объяснения и доложил Его Величеству, что оптическое производство его фирмы является отечественным, так как контингент рабочих фирмы составляют исключительно крестьяне Тверской губернии. На вопрос Государя Императора, “почему же рабочими являются исключительно крестьяне Тверской губернии”, — оптик Урлауб доложил его Величеству, “это произошло по преимущества, так как первый рабочий был крестьянином Тверской губернии и потянул за собой своих земляков”»⁹. По результатам выставки фирма была удостоена двух наград: большой золотой медали за безукоризненную шлифовку оптических стёкол и денежной премии Военного Министерства за бинокли, готовальни и компасы. Все экспонаты были переданы в музей Русского общества охраны народного здоровья¹⁰.

⁶ *Он же.* Руководство к выписке искусственного глаза (prothesis ocularis). — 2-е изд., стереотипное. СПб., 1900.

⁷ *Он же.* Обзор двадцатипятилетней деятельности фирмы оптик-механик Ив. Як. Урлауб.

⁸ *Донберг Г.А.* Таблицы по метрической системе для определения остроты зрения. СПб., 1892.

⁹ *Урлауб И.Я.* Обзор двадцатипятилетней деятельности фирмы оптик-механик Ив. Як. Урлауб.

¹⁰ *Трындин Е.Н.* С.-Петербургская фабрика Оптических инструментов Ив. Як. Урлауба // Из истории оптических фирм России. 2005 (<http://optic10.narod.ru/Urlaub.htm>).

С целью проверки зрения больных в госпиталях и больницах в 1893 г. по предложению доктора Полякова фирма выполнила удешевлённый набор стёкол с единичными, а не парными линзами. Тогда же была поставлена задача выработать набор стёкол для проверки зрения учащихся в школах. Такой набор был создан фирмой Урлауба. Причём Иван Яковлевич «заявил о своей готовности доставлять с уступкой как этот набор, так и другие приборы и инструменты»¹¹, необходимые для подобных исследований. Неудивительно, что он был выбран в 1893 г. действительным членом Русского Общества Охранения Народного Здравия, а ещё раньше принял участие в деятельности Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых.

В 1896 г. на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде фирма экспонировала многочисленные окулистические инструменты и приборы. Среди них и зрительный призмный прибор «Силосвет». Подобный бинокль обладал низкой стоимостью, широким полем зрения, сильным увеличением и пригодностью для работы в дневное и ночное время суток. За приборы «Силосвет» с призмами фирма награждена золотой медалью¹².

XII Международный конгресс в Москве 1897 г. официально признал за производством Урлауба «лучшее изготовление очков, пенснэ, луп, офтальмоскопов, призм и наборов стекол». Неудивительно, что Антон Павлович Чехов предпочитал пенсне именно фирмы Урлауб¹³.

Добиваясь таких успехов, Урлауб формировал мастеров оптического дела. Со второго года работы в мастерскую Ивана Яковлевича стали приниматься для обучения мальчики в возрасте от 13 до 15 лет. Они жили на полном попечительстве Урлауба. Позднее, в 1897 г. благодаря Ивану Яковлевичу при Ремесленном отделе Общества попечения о бедных и больных детях были образованы специальные квартиры для учеников, а фирма Урлауба стала принимать в ученики питомцев этого Ремесленного отдела. Содержание оплачивалось главным образом средствами Ивана Яковлевича. Таким образом, рабочий состав фирмы формировался из этих

¹¹ Урлауб И.Я. Обзор двадцатипятилетней деятельности фирмы оптик-механик Ив. Як. Урлауб.

¹² Он же. Альбом зрительных приборов «Силосвет». СПб., 1902.

¹³ Пилецкая Т.Л. Хрустальные дожди. — 2-е изд. СПб., 2007.

учеников, из бедных детей они превращались в мастеров оптического дела¹⁴.

В конце 1890-х гг. был поднят вопрос о защите глаз рабочих на фабриках и заводах. Очки иностранного типа оказались непригодными. Донберг и Долганов разработали новые типы защищающих очков, а сделать их поручили Урлаубу. Очки экспонировались на Всемирной Парижской выставке 1900 г. и были награждены серебряной медалью¹⁵.

В феврале 1902 г. фирме «Оптик-механик Иван Яковлевич Урлауб» исполнилось 25 лет. «Государь Император пожаловал оптику Урлаубу золотую медаль «за усердие». Юбилей совпал с расширением производства фирмы. Главный магазин, склады и мастерские переместились в обширное помещение по адресу Большая Морская ул., д. № 27. Помимо главного магазина с 1904 г. стали работать ещё два: на Невском, 54 и Невском, 50¹⁶.

Сейчас с некоторыми изделиями фирмы можно познакомиться в Музее истории города. А созданные Урлаубом термометры до сих пор висят за окнами старинных петербургских домов.

Несколько слов надо сказать о самой жизни Ивана Яковлевича. В справочной книге о лицах петроградского купечества ничего нет о его семейном положении. Кстати, там Урлауб записан под своим немецким именем — Теодор Иоганн. Он был баварским подданным, исповедовал католическую религию. Из метрик католической церкви св. Екатерины 1877 г. удалось узнать, что Теодор Иоганн Урлауб был женат на Людовике Деларуа (Эмилии Васильевне).

«Весь Петербург» за 1892 г. даёт информацию, что купец Урлауб жил по адресу Невский пр. д. 44, а помимо своей оптической деятельности работал также в «Убежище для детей калек и парализованных»¹⁷, учредительницей которого была его дочь, Эмилия Ивановна. У Ивана Яковлевича был загородный дом

¹⁴ Урлауб И.Я. Обзор двадцатипятилетней деятельности фирмы оптик-механик Ив. Як. Урлауб.

¹⁵ Долганов В.Н. Новый тип защищающих очков для рабочих д-ра мед. В.Н. Долганова. СПб., 1907.

¹⁶ Урлауб И.Я. Обзор двадцатипятилетней деятельности фирмы оптик-механик Ив. Як. Урлауб.

¹⁷ Иван Яковлевич Урлауб исполнял в пансионе обязанности главного кассира, а именно вёл надзор за материальными средствами.

в Лесном корпусе, на Большой Объездной¹⁸ ул. д. 1. В нём-то и открылась лечебница¹⁹.

Будучи благотворителем, оптиком-механиком, активным общественным деятелем, Урлауб занимал также пост заместителя председателя С.-Петербургского вегетарианского общества, совет которого размещался по адресу Б. Морская ул., 27, кв. 1, что совпадает с адресом главного магазина оптических инструментов И.Я. Урлауба²⁰.

Противоречия обнаруживаются и в сведениях о вероисповедании Урлауба. Из официальных документов следует, что он был католиком. Однако в 1911 г. в свет вышла небольшая брошюра «Слово о молитве»²¹, где записана проповедь Ивана Яковлевича. Эта брошюра свидетельствует, что в загородном доме Урлауба на Лесном пр., д. 1 проходили собрания евангельских христиан-баптистов.

Что же произошло с оптическим производством И.Я. Урлауба? После революции 1917 г. фирма «Оптик-механик Урлауб» была национализирована, а сам Иван Яковлевич оставался там работать в качестве специалиста.

Весной 1932 г. И.Я. Урлауб навсегда покинул Россию и Ленинград. Он уехал в Берлин, где жила его дочь Эмилия, и весной 1936 г. умер в Берлине, где, вероятно, и похоронен²².

В процессе исследования обнаружилось, что в Петербурге проживали и другие Урлаубы. Оказалось, что все петербургские Урлаубы — родственники. Их род включает очень много талантливых и известных людей. Среди них — художник, дирижёр, оптик, архитектор, музыкант, фабрикант металлический изделий, инженер-химик и другие. Отметим заслуженную артистку России Татьяну Львовну Пилецкую, которая при рождении получила фамилию Урлауб. Благодаря её таланту не только как актрисы, но и как историка удалось прояснить много неизвестных фактов и получить интереснейшую информацию об Урлаубах, которые проживают сейчас

¹⁸ Большая Объездная улица была переименована в ул. Орбели.

¹⁹ *Урлауб Э.И.* Устав Частного лечебницы-пансиона, учреждённого г-жой Э.И. Урлауб в Лесном корпусе. СПб., 1909.

²⁰ *Он же.* Вступительное слово товар. пред. СПб. вегетар. общества, сказанное на заседании Общества 11 апреля 1909 г. — СПб., 1909.

²¹ *Он же.* Слово о молитве. — СПб., 1911.

²² *Пилецкая Т.Л.* Серебряные нити.

в России и Германии. Это не просто случайность, что в немецком городе Тюнгерсхайме есть переулок Урлаубгессе. Об этом можно узнать подробнее из книг Татьяны Львовны «Хрустальные дожди» и «Серебряные нити», написанных с такой теплотой и любовью, что после них в душе остаётся светлое чувство радости. Этим чувством хочется поделиться, поэтому в заключение приведем фрагмент стихотворения Татьяны Пилецкой:

Я смотрю на старое письмо
С очень пожелтевшими листами.
Кем, когда написано оно
И какими сложено руками?

Как унять благоговейный вздох,
Прошлому столетию поклониться?
Кто они, как охранял их Бог?
Шелестят страница за страницей.

Жизни предо мной как на ладони
По страницам жёлтым пролегли,
И метущиеся души, словно кони,
В прошлое столетье унесли²³.

²³ *Она же.* Хрустальные дожди.

Н.П. Столбова

Общественный деятель и публицист, строитель Ириновской железной дороги барон П.Л. Корф

«Для некоторых из вас, я быть может кажусь утопистом, но я уверен, что это дело возможное, нужное и даже неизбежное» — с такой горячностью председатель Вольного экономического общества барон П.Л. Корф обратился 30 ноября 1889 г. к собранию общества в своём докладе «О значении железных дорог в деле поддержания нашего экономического положения». Одной из главных причин отставания России он считал неразвитую сеть путей сообщения: «В экономическом отношении мы развиваемся медленнее других, отстаём от многих. Признаюсь, что когда я вдумываюсь в это положение, на меня находит мрачное настроение. Если мы не решимся принять каких-нибудь героических средств, мы заглохнем и одичаем <...>. Остаётся на мой взгляд единственное средство спасения, это пути сообщения»¹.

Сравнивая количество вёрст железных дорог России, приходящихся на 10 тысяч жителей, с этим показателем в других странах, Корф наглядно доказывал отставание России в этом важнейшем показателе. В 1889 г. в России проживало 106 миллионов человек. Россия вместе с Финляндией имела 29312 вёрст железных дорог. На 10 тысяч жителей приходилось 2,86 версты. Самый высокий показатель из европейских стран в Швеции и Норвегии — 13,5 вёрст, во

¹ О значении железных дорог в деле поддержания нашего экономического положения. Оттиск из трудов Вольного Экономического общества № 4 за 1889 г. С. 15.

Франции — 9, в других странах тоже выше, чем в России. Отмечал появление в Европе узкоколейных железных дорог: «*В настоящее время получили право гражданства дешёвые узкоколейные дороги, и на этот предмет я бы хотел обратить особенно внимание ваше <...>. Я лично так заинтересовался этим делом, что решился приступить к постройке у себя в имении дешёвой промысловой дороги, что и дало мне случай ближе ознакомиться с делом»².*

П.Л. Корф — многолетний предводитель дворянства Шлиссельбургского уезда, владелец усадьбы Ириновка, особенно ратовал за экономическое развитие края. В последние десятилетия XIX в. здесь работали кирпичные заводы барона Медема, ситцевая фабрика Гобельта. В имении Рябово П.А. Всеволожский устроил лесопилку и паровую мельницу. В 1884 г. в Шлиссельбурге начал работать частный пороховой завод. В 1888 г. планировалось появление ещё одного предприятия, заинтересованного в железной дороге: бельгийская компания намеревалась устроить в Матоксе фабрику для выделки бумажной массы³.

Главной целью сооружения Ириновской железной дороги, инициатором которой стал П.Л. Корф, была доставка в Санкт-Петербург торфяного брикета, изготовлявшегося на заводе П.Л. Корфа в его имении Ириновка, а также доставка грузов других владельцев. 8 августа 1888 г. барон Корф писал из Ириновки своему соседу П.А. Всеволожскому в Рябово: «*Многоуважаемый Павел Александрович! Дело о нашей железной дороге подвигается понемногу. После известного вам осмотра местности составлен предварительный проект дороги и предварительное исчисление её стоимости. Получилось 260 тысяч рублей, то есть 5700 рублей за версту со станциями и подвижным составом, теперь на очереди вопрос об осуществлении этого предположения»⁴.*

Строительство Ириновской узкоколейной железной дороги (подъездного пути) было разрешено барону Корфу Высочайше утверждённым 31 декабря 1889 г. положением Комитета министров. Предварительные изыскания произвели осенью 1890 г., к сооружению дороги приступили в июне 1891 г. Регулярное пассажирское движение было открыто 1 октября 1892 г. Ириновская железная дорога, первоначально соединившая Охту с именем Корфа «Ири-

² Там же. С. 9–12.

³ РГИА. Ф. 652. Оп. 1. Д. 1083, 1888–1895. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 1–2.

новка», неоднократно продлевалась впоследствии. Количество грузов и пассажиров, перевозимых дорогой росло постоянно: в 1893 г. дорога перевезла почти 250 тысяч пассажиров, около 60 тысяч тонн грузов. В 1910 г. — более миллиона пассажиров и более 600 тысяч тонн грузов — угля, торфяных брикетов, камня, кирпича, песка, дров, пушек, пороха, муки, зерна и т.д.

Павел Леопольдович Корф, строитель Ириновской железной дороги, родился в 1837 г. и принадлежал к старинному немецкому роду Корфов, выехавшему в XV в. в Прибалтику. В России Корфы проявили себя на государственной и военной службе, в общественной деятельности. Баронский титул был подтверждён Корфам в России в 1835 г. П.Л. Корф относился к дворянам Санкт-Петербургской губернии. Его родителями были генерал-майор Л.Ф. Корф, директор Аракчеевского кадетского корпуса в Нижнем Новгороде, и М.П. Голенищева-Кутузова, дочь П.В. Голенищева-Кутузова. В 1851 г. его отец Л.Ф. Корф приобрёл имение «Ириновку» в Шлиссельбургском уезде, с которым впоследствии была тесно связана общественная деятельность П.Л. Корфа. В 1860-е гг. в качестве мирового посредника Корф участвовал там в проведении крестьянской реформы.

В 1854 г. П.Л. Корф окончил Пажеский корпус, шесть лет служил в Семёновском полку. В 1860 г. оставил службу и, вдохновлённый реформами императора Александра II, занялся общественной деятельностью. Своими деловыми качествами в должности мирового посредника заслужил уважение и в 1866 г. был избран предводителем дворянства Шлиссельбургского уезда. В этой должности состоял в течение трёх выборных сроков вплоть до 1875 г. В 1868–1878 гг. Корф был председателем Петербургской губернской земской управы. Земской работой занимался с присущей ему работоспособностью и предприимчивостью: *«Деятель просвещённый и благожелательный, он старался развить в губернии сеть народных школ, обставить местную юстицию мировых судей наиболее образованным и безукоризненным составом, увлекался и поддерживал всё идейное, что могло дать хорошие результаты для экономического подъёма местной жизни и оздоровления местности»*⁵.

В 1873 г. впервые, а в 1877 г. повторно был избран гласным Петербургской думы. Будучи гласным, принимал участие в дея-

тельности комиссии по народному образованию, состоял членом Училищного совета, способствовал открытию земских школ и бесплатности обучения. Участвовал в разработке различных законодательных инициатив: проекта о всеобщей воинской повинности, организации ополчения и других. В 1874 г. участвовал в разработке проекта устройства в Петербурге конно-железных дорог, целью которого было *«предоставить возможность не богатым жителям города удобно и быстро передвигаться по городу, установить правильную перевозку всякого рода грузов, в особенности большой тяжести, за умеренную плату и без порчи мостовой...»*. Особенное внимание уделял развитию движения в северных окрестностях Петербурга, в том числе в Полюстрово, которое нуждалось в сообщении с центром в летнее время⁶.

Земским и городским гласным Корф избирался и в период между 1881 и 1897 гг., продолжая заниматься делами земства. В 1888 г. в своей записке «Ближайшие нужды местного управления», непосредственно соприкасавшегося с постоянными будничными интересами населения, приводил доводы в пользу его развития. Большое внимание уделял новой форме организации крестьян — сельскому обществу. Ратовал за скорейшее принятие уставов, разумное налогообложение крестьян, выдачу крестьянам бессрочных свидетельств на владение землей⁷.

В 1878 г. получил предложение баллотироваться и 6 ноября того же года был избран Петербургским городским головой, оставаясь на этой должности до 1881 г. Современники считали, что *«его недолгое руководство столичной думой отличалось небывалым оживлением городской производительной работы, направленной к удовлетворению бытовых нужд и столичного благоустройства»*. Корф входил в каждую мелочь городской хозяйственной жизни, *«боролся с корыстным оттенком думского делопроизводства, и высоко поставил престиж и достоинство столичного мэра»*⁸. При нём была образована Комиссия общественного здоровья, учреждено статистическое отделение при городской управе, продолжено или начато строительство ряда общественных зданий и сооружений. В 1880 г.

⁶ Проект устройства в С.-Петербурге сети конно-железных дорог. Барона Корфа, Безобразова и Рунцлера. СПб., 1874. С. 1.

⁷ Корф П.Л. Ближайшие нужды местного управления. СПб., 1888. С. 69–77.

⁸ Исторический вестник. 1913. № 5. С. 745–746.

⁵ Исторический вестник. 1913. № 5. С. 745–746.

в связи с неурожаем Корф занимался вопросами снабжения Петербурга продовольствием, сумев убедить хлеботорговцев понизить цены на хлеб. Несмотря на успешную деятельность, в дальнейшем, при баллотировании в 1881 и в 1885 годах, на должность городского головы избран вновь не был. В 1885–1894 гг. П.Л. Корф был президентом Вольного экономического общества и поднимал насущные вопросы экономики России. В 1891 г. в связи с неурожаем координировал деятельность Вольного экономического общества по ликвидации голода. Тогда обсуждался вопрос о целесообразности приобретения правительством зерна с целью последующей продажи населению по льготным ценам. Корф для удешевления хлеба предлагал снизить таможенные пошлины на оборудование, удобрения, топливо и т.д.⁹

В 1895–1898 гг., будучи гласным Городской думы, Корф возглавлял городскую исполнительную комиссию по водоснабжению, был членом комиссии по устройству канализации. Долгие годы был председателем Петербургского комитета о сельских судно-сберегательных и промышленных товариществах, который деятельно работал по развитию кооперативных учреждений, производительных артелей и потребительных обществ. В 1893 г. учредил Ириновское промышленное общество, в ведение которого передал эксплуатацию Ириновской железной дороги.

В начале XX в. «старый земец» Корф вновь принимал активное участие в земском движении, был одним из учредителей партии «Союз 17 октября» и членом её центрального комитета. Входил в состав депутатии от земства и городов, выдвинувшей ряд либеральных требований и представлявшей императору Николаю II 6 июня 1905 г. в Петергофе. В 1906–1912 гг. состоял членом Государственного совета по выборам от петербургского земства.

Неподалеку от станции «Ириновка» Ириновской железной дороги сохранился усадебный дом баронов Корфов. История имения «Ириновка» восходит к шведскому поселению Мориасилка. В середине XVIII в. мызой владела вдова подполковника М. Сахарова, в последней трети XVIII в. — И.Ю. Фредерикс, И.З. Фредерикс. При бароне И.Ю. Фредериксе была построена усадьба и основаны стекольные заводы. Название Ириновка появилось в 1770-е гг. и, возможно, связано с именем Ирины Фредерикс, супруги владельца.

⁹ Оттиск из трудов имп. Вольного эк. Общ. 1891. № 6. С. 203–207. По поводу неурожая нынешнего года. Доклад барона П.Л. Корфа. 1891.

С начала XIX в. на протяжении сорока лет помещьем владел надворный советник С.Я. Поскочин. Тогда был построен Стекланный завод, жителей значилось: мужчин — 87, женщин — 103¹⁰. В 1842 г. Ириновка стала принадлежать С.А. Голенищевой-Кутузовой, которая продала её в 1851 г. Л. Ф. Корфу — отцу П.Л. Корфа. В 1856 г. бароном Л.Ф. Корфом была выстроена деревянная церковь во имя Преображения Господня, которая сгорела 4 апреля 1870 г.

В 1858 г. Л.Ф. Корф скончался, и имение перешло его вдове и детям. В 1880 г. вся территория поместья была разделена между наследниками барона — его детьми Николаем, Марией и Павлом. После смерти брата в 1896 г. П.Л. Корф получил ещё одну часть имения. Корфы владели Ириновкой более шестидесяти лет. При них усадьба неоднократно перестраивалась и расширялась. В 1860-е гг. был заложен пейзажный парк, остатки которого сохранились до нашего времени. В 1879 г. была освящена новая каменная Преображенская церковь.

В 1891 г. П.Л. Корф неподалеку от имения «Ириновка» основал торфяно-брикетный завод, позднее переданный учреждённому Корфом Ириновскому промышленному обществу. Проект завода Корфа выполнил архитектор И. Китнер. Рядом находились деревянные жилые дома для рабочих. Местность называлась «Торфяная», позднее — платформа «Торфяная» Ириновской железной дороги.

В 1902 г. по проекту архитектора И. Китнера в Ириновке был построен новый каменный усадебный дом. Дом сохранился до нашего времени, сейчас здесь находится отделение реабилитации Всеволожской районной больницы.

В начале XX в. на территории усадьбы находился каменный дом, около десяти деревянных построек, парк, огород, фруктовый сад. На этих же землях находились усадьбы баронессы М.Л. Корф, сестры П.Л. Корфа, и его сына С.Л. Корфа. Рядом с имением располагалась деревня Ириновка, входившая в Ириновское сельское общество.

П.Л. Корф продолжал работать и в преклонном возрасте, пока позволяло ему здоровье. Скончался он 16 марта 1913 г. в Ириновке, где провёл, прикованный к постели, последний год жизни. Похоронен в семейной усыпальнице Корфов — Преображенской церкви в Ириновке (утрачена).

¹⁰ Описание Санкт-Петербургской губернии по уездам и станам, 1838 г.

А.М. Жданов

Замнаркома из Новой Деревни (Пётр Ионович Баранов)

История Приморского района неразрывно связана с историей отечественной авиации. В увеселительных садах XIX в. под аплодисменты публики уходили ввысь воздушные шары с отважными аэронавтами. 1 ноября 1909 г. на Коломяжском ипподроме Альбер Гюйо первым поднялся в петербургское небо на аппарате тяжелее воздуха. Весной следующего года на этом ипподроме прошла первая в России Санкт-Петербургская авиационная неделя, а осенью на построенном неподалеку Комендантском аэродроме состоялся Всероссийский праздник воздухоплавания.

Среди многочисленных зрителей праздника, с восторгом наблюдавших за полётами авиаторов, был и юноша Петя Баранов из соседней Новой Деревни. Пройдут годы, и Пётр Ионович Баранов, чьё имя в наши дни, к сожалению, подзабыто, станет начальником военно-воздушных сил Советского Союза, внесшим огромный вклад в развитие отечественной авиации.

Родился Пётр Ионович 10 (22) сентября 1892 г. в семье бывшего крестьянина Рязанской губернии, переехавшего в поисках лучшей доли из деревни в столицу. Отец Петра, Иона Аввакумович, в Петербурге поначалу нанялся в порту крючником, скопил денег, обзавёлся лошадкой, дрогами и стал в Новой Деревне водовозом.

Каждое утро Иона Баранов, рослый и кряжистый, рыжебородый и горбоносый, на вид мрачный, а на слова скупой, разъезжал по Новой Деревне на своей повозке с огромной бочкой, снабжая водой днём местных жителей и дачников, а вечером — кухню ресторана «Ливадия». Этим нехитрым промыслом да небольшим ого-

родом кормил Баранов всю свою большую семью. Жили бедно, но старались дать детям образование. Пётр закончил сначала церковно-приходскую школу, а затем Черняевские общеобразовательные курсы, представлявшие собой частное среднее учебное заведение, соединявшее особенности классической и реальной школы. К преподаванию на курсах привлекались профессора петербургских вузов, их лекции не очень сильно отличались от лекций для студентов 1 и 2 курсов университета.

Успешно окончив курсы, Пётр Ионович устроился работать в солидную петербургскую контору по перепродаже металлов «Продамет» сначала учеником, а потом счетоводом, даже исполнял обязанности председателя Петербургского Союза конторщиков. Казалось, всё складывается удачно, и вдруг ещё не старого и никогда не болевшего Иону Аввакумовича сразил разрыв сердца. Упал он прямо на пороге кухни ресторана «Ливадия» и больше уже не встал. Пришлось продавать лошадь и повозку.

После смерти мужа Ирина Тимофеевна тяжело заболела, а тут ещё тревога за своего любимца Петьку, связавшегося с большевиками. Скорее по недоразумению, Пётр попал под суд по делу Центрального бюро профсоюзов. Ирина Тимофеевна скончалась на рассвете, похоронили её на Стародеревенском кладбище, а вечером Пётр уже помогал братьям и сёстрам собрать пожитки, пришлось переезжать к сестре матери Елене Тимофеевне Сидоровой в Старую Деревню.

В августе 1913 г. состоялся суд, Петра Баранова выслали из столицы с запретом проживать в двадцати семи городах центральной части России. Пётр Ионович тайно вернулся в Петербург, где проживал нелегально. За революционную работу осуждён на 8 лет каторги. Но в Сибирь отправляться не пришлось, освобождение принесла февральская революция. В 1917 г. Пётр Баранов — член ревкома Румынского фронта, с октября 1917 член ревкома и комитета РСДРП(б) 8-й армии. С 1918 в Красной Армии, командир 4-й Донецкой армии, начальник штаба главкома вооружённых сил южных республик, за участие в подавлении Кронштадтского мятежа получил орден Красного Знамени.

В августе 1923 г. Пётр Ионович назначается на должность помощника начальника Военно-воздушных сил по политической части, а в канун 1925 г. — начальником Военно-воздушных сил Красной Армии. Хозяйство, принятое Барановым, было более чем скромным: старые заграничные самолёты самых различных систем

и несколько плохо оборудованных аэродромов. Под руководством нового начальника началось создание современных Военно-Воздушных Сил и выпуск отечественной промышленностью перво-классных самолётов. Пётр Иванович сразу наладил контакты с Центральным аэрогидродинамическим институтом (ЦАГИ), познакомился и помогал конструкторам А.Н. Туполеву, Б.С. Стечкину, В.Я. Климову, Н.Н. Поликарпову. Так же горячо Пётр Иванович поддержал Ф.А. Цандера и С.П. Королёва, когда они основывали знаменитый ГИРД для разработки ракет на жидком топливе.

Благодаря целеустремленным и настойчивым действиям Баранова появились авиационные части и соединения, вооружённые самолётами И-4, И-5, ТБ-1, ТБ-3, Р-5. Для новых самолётов были нужны лётчики, стали создаваться лётные школы, зоркий глаз приметил незаурядные способности лётчиков М.М. Громова, Е.К. Стомана, С.А. Шестакова, В.П. Чкалова, В.К. Коккинаки. По инициативе Баранова открылись Московский, Харьковский и Казанский авиационные институты.

В конце 1920-х гг. Баранову приходит идея об использовании парашюта для выброски вооружённого десанта. До этого парашют рассматривался лишь как индивидуальное средство спасения лётчика во время катастрофы самолёта. По инициативе Петра Ивановича 26 июля 1930 г. на сборах ВВС Московского военного округа под Воронежем несколько лётчиков совершили показательные прыжки с парашютом.

После удачного начала Баранов предложил продемонстрировать выброску группы вооружённых парашютистов для диверсионных действий на территории «противника». Для участия в десанте отобрали десять добровольцев, уже совершивших тренировочные прыжки. Десантная группа была разделена на два отряда, так как в кабине самолёта помещалось не более семи парашютистов. После высадки первых десантников самолёт возвращался на аэродром за второй группой. Одновременно с других самолётов на грузовых парашютах сбрасывались оружие и боеприпасы. Операция прошла успешно, уже через несколько минут после приземления вооружённая группа была в полной готовности к боевым действиям. День, когда это произошло, 2 августа 1930 г., считается днём рождения Воздушно-десантных войск нашей страны.

В июне следующего 1931 г. на Центральном аэродроме столицы намечался показ достижений отечественной авиации, своё мастерство должны были продемонстрировать лучшие лётчики. Стало

известно, что смотр посетит Сталин и другие члены Политбюро. Было заранее условлено, что сопровождать Сталина и давать необходимые пояснения будет командующий авиационной бригадой Научно-исследовательского института ВВС Александр Александрович Туржанский.

Правительственные машины прибыли в одиннадцать часов, Баранов отдал рапорт, Сталин вытащил из кармана плаща коробку папирос, не спеша закурил и направился к строю самолётов. Когда до истребителей осталось не более десятка шагов, Туржанский вдруг сказал: «Иосиф Виссарионович, может, вы здесь докурите, у самолётов нельзя». Сталин остановился, молча бросил курить и каблучком стал вбивать в землю окурки. Только тут Туржанский понял, что поставил Сталина в неловкое положение.

В тот день Сталин не стал досматривать полёты до конца. Не попрощавшись с Барановым, повернулся и направился к своему автомобилю. Вскоре Баранову сообщили, что он освобождён от всех занимаемых должностей и временно назначен начальником Всесоюзного авиационного объединения, это было явное понижение. Через полгода Нарком тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе, хорошо знавший Баранова по совместной работе, взял его к себе замом с назначением начальником Главного управления авиационной промышленности наркомата.

Утром 5 сентября 1933 г. самолёт АНТ-7, выполнявший спецрейс Москва-Запорожье-Крым, поднялся в воздух с подмосковного аэродрома. На его борту находились видные руководители авиационной промышленности, в том числе П.И. Баранов. Через несколько минут за Подольском, близ станции Лопасня, произошла страшная катастрофа. В заключение правительственной комиссии под председательством М.Н. Тухачевского говорилось: «Причиной катастрофы явились крайне трудные метеорологические условия, при которых вылет самолёта, неподготовленного к слепому полету, был недопустим». Но если недопустим, то почему этот полёт всё же разрешили? Ответа на этот вопрос нет, как и на многие другие.

9 сентября 1933 г. урна с прахом П.И. Баранова была замурована в Кремлёвской стене на Красной площади. Остальные пассажиры и лётчик похоронены на Новодевичьем кладбище.

А какова же судьба комбрига Туржанского, о котором говорилось выше? 23 июня 1938 г. Александр Александрович был арестован по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре. Освобождён в 1940 г. за недоказанностью обвинения. 19 февраля 1942 г.

ПИСАТЕЛИ, СКУЛЬПТОРЫ, МАСТЕРА

снова арестован по обвинению в пропаганде пораженческих настроений, клевете на командный состав Красной Армии и восхвалении германских войск, осуждён к 12 годам лишения свободы. Освобождён только после смерти Сталина.

В Петербурге на Приморском проспекте в Маргеловском сквере стоит памятник Герою Советского Союза В.Ф. Маргелову, легендарному командующему ВДВ. Ежегодно 2 августа, в день Воздушно-Десантных Войск, у памятника Маргелову собираются ветераны-десантники, проходит торжественный митинг, возлагаются цветы. Но стоит вспомнить, что совсем неподалеку, в Новой Деревне, прошли детство и юность инициатора создания ВДВ Павла Ионовича Баранова.

В.И. Аксельрод

Н.В.Гербель. Тайна болезни, смерти и захоронения

Имя Николая Васильевича Гербеля известно, пожалуй, сегодня только узкому кругу историков литературы, тогда как в 1860-е и особенно в 1870-е гг. он был признанным петербургским литератором, одним из самых деятельных сотрудников некрасовского «Современника», авторитетным издателем и переводчиком, с которым были дружны и которого высоко ценили многие известные писатели и поэты.

Праправнуку одного из первых архитекторов Петербурга петровского времени, уроженца Швейцарии, сыну генерал-лейтенанта, инспектора Пороховых заводов Николаю Васильевичу Гербелю, казалось бы, от рождения была уготована военная карьера¹. После окончания Нежинской гимназии, службы в Изюмском гусарском полку и перевода в столицу в 1852 г. в звании корнета в лейб-гвардии Уланский полк, который квар-

¹ Архитектору и её потомкам посвящена книга А.А. Морозовой «Н.Ф. Гербель. Городской архитектор Санкт-Петербурга 1719–1724. СПб., 2004. Автор этой книги потомок Н.Ф. Гербеля по женской линии.

тировался в Петергофе², Николай Гербель, дослужившись до звания лейб-гвардии ротмистра, в 1868 г. уходит в отставку. Уже в письмах молодого офицера, хранящихся в рукописном отделе ИРЛИ, в которых с большой долей иронии описан быт полка, совершавшего длительный учебный пеший переход³, можно почувствовать всё усиливающую тягу Гербеля к сочинительству. Им он на всю жизнь увлёкся ещё в Нежинской гимназии, известной своими литературными традициями и многими сочинителями, вышедшими из её стен⁴.

Всё усиливающийся конфликт между семейной традицией, где его дед, отец и брат сделали блестящую военную карьеру, и страстью к литературному творчеству, привёл Гербеля к отставке. Отныне вся его жизнь была всецело отдана литературе. Какой же след он оставил в русской литературе? Собственное его поэтическое творчество не столь значительно⁵.

По признанию современников, лучше всего Н.В. Гербелю удавались переводы. Отрывок из «Слова о полку Игореве» в вольном переводе Н.В. Гербеля критиками был встречен восторженно. Он переводил Д. Байрона, У. Шекспира, Т.Г. Шевченко. Многие его переводы были впервые напечатаны на страницах журнала «Совре-

² Основательные статьи о Н.В. Гербеле помещены в 1 томе биографического словаря «Русские писатели 1800–1917. М., 1994. Т. 1. С. 511–542, а также в 4 томе «Русского биографического словаря». СПб., 1915. С. 491. Основой этих статей стала «Автобиография Н.В. Гербеля», изданная под редакцией В.В. Каллаша в 1915 г. Жизни и творчеству Н.В. Гербеля посвятила свою работу моя ученица Влада Мячина. См.: *Мячина В.* Один из рода Гербелей (поэт, переводчик и издатель Н.В. Гербель // Многоликий Петербург. Вып. 3.

³ Личный фонд рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинского Дома). Ф. 170. Оп. 1. Л. 22. Архив Макарова. Гербель, Николай Васильевич, письма (23) к Макарову Николаю Яковлевичу.

⁴ См.: *Орава В.* Воспитанники Нежинской гимназии высших наук в Петербурге // Многоликий Петербург. Вып. 4. СПб., 2011. С. 65–80. Ещё в Нежинской гимназии Гербелем было написано стихотворение «Балкал», опубликованное в 1846 г. в журнале «Библиотека для чтения».

⁵ В «Полном собрании стихотворений» Н.В. Гербеля его собственные стихи занимают лишь небольшую часть 1 тома и не отличаются особой оригинальностью. См.: *Гербель Н.В.* Полное собрание стихотворений в двух томах. СПб., 1882.

менник», с которым у поэта связана большая часть его литературной деятельности⁶.

Однако несравненно большее значение имела редакционно-издательская деятельность Гербеля. В первую очередь отметим его вклад в пушкиниану. В указываемую нами эпоху он считался одним из лучших знатоков того, что было написано о Пушкине и принадлежало его перу. Он первым успешно осуществил издание на русском языке собраний сочинений крупнейших зарубежных писателей: Д. Байрона, Э.Г.А. Гофмана, И.В. Гёте, У. Шекспира и других. Привлекая лучших переводчиков своего времени, Н.В. Гербель также собирал и ранее опубликованные переводы, для чего производил тщательные библиографические разыскания. Он подготовил и издал антологии: «Поэзия славян» (1871), «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875), «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (1877). Гербель также выпустил ценную антологию «Русские поэты в биографиях и образцах», сборники стихотворений крупных поэтов-переводчиков. А кроме того, целый ряд сборников и изданий, столь необходимых русскому читателю и исследователю.

Трудно поверить, что весь этот огромный объём издательской, редакторской и переводческой деятельности нёс на своих плечах один человек, истинный труженик литературы. Сегодня над каждым подобным изданием работает большой научный коллектив. Как справедливо замечает его биограф, «деятельность Гербеля как издателя была громадна, и русское общество не может не быть ему благодарно, так как он в значительной мере способствовал знакомству с мировыми гениями и пониманию их. И если он, как поэт и переводчик, не может быть причислен к плеяде наших первоклассных художников, то, во всяком случае, как даровитый переводчик и добросовестный издатель, он воздвиг себе достойный памятник.

После Жуковского ему принадлежит едва ли не первое место, по крайней мере, по богатству собранных и изданных им переводов. Думается, одного этого достаточно, чтобы имя Николая Васильевича Гербеля осталось в русской литературе»⁷.

⁶ См.: *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Т. 3. СПб., 1883. «Русские писатели. 1800–1917; Русский биографический словарь. Т. 1. С. 541–542.

⁷ Русский биографический словарь. Т. 4. С. 491. Просмотренная нами в рукописном отделе ИРЛИ переписка Гербеля с В.И. Ломанским, Я.П. Полонским, П.Н. Полевым и др.

Особенно интенсивным было последнее десятилетие литературной деятельности Н.В. Гербеля. Видимо, именно этот колоссальный труд (он работал по 17 часов в сутки!), а также последствия полученной им ещё во время службы в Уланском полку после падения с лошади травмы, привели к серьёзной психической болезни и, как следствие, преждевременной смерти. Долгое время нам был неизвестен его последний адрес. Из писем, хранящихся в рукописном отделе ИРЛИ, мы узнаём, что до наступления болезни он жил в собственном доме на углу Подольской улицы и Клинского проспекта, д. 18/11⁸ (дом, возведённый архитектором Н.Л. Бенуа не сохранился)⁹, однако при жизни Н.В. Гербеля владелицей дома названа его родственница Инна Александровна Гербель. Что побудило поэта поменять адрес, в каком доме он провёл последние годы жизни и где умер, было не известно до тех пор, пока мы не обратились к известной рукописной книге М.И. Семевского «Знакомые», хранящейся в рукописном отделе ИРЛИ. В ней помещён автограф Н.В. Гербеля, краткая биография, составленная им 11 апреля 1874 г. Под ней приписка самого М.И. Семевского: «Скончался 8 марта 1883 года, в СПб на Гороховой ул., д. 55, кв. 11 в 3 ½ ч полудни от разжигания мозга»¹⁰. В Русском биографическом словаре содержится информация лишь о том, что Н.В. Гербель «умер от тяжёлой душевной болезни»¹¹. Таким образом, М.И. Семевский единственный, кто называет последний адрес Н.В. Гербеля в Петербурге. Но когда и почему поэт из собственного дома переехал на Гороховую улицу и где он был похоронен, М.И. Семевский не сообщает.

свидетельствует о том, как серьёзно относился он к подготовке своих изданий, какую щепетильность проявлял в финансовых вопросах, работая с авторами. Рукописный отдел ИРЛИ. Личный фонд. Д. 5. Оп. 1. Л. 40; Д. 2372/VII м.157. Архив В.И. Ломанского. Д. 12015/LXIX б.7. Архив Полонского П.Я. Письма Гербеля П.Я. Полонскому 1860–1879 и др.

⁸ Этот, как и другие адреса, мы нашли в письме Н.В. Гербеля к известному певцу, солисту Мариинского театра Ф.И. Стравинскому (шифр 25326).

⁹ См.: Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX—начала XX века. Справочник под общей редакцией Б.М. Кирикова. СПб., 1996. С. 43.

¹⁰ Семевский М.И. «Знакомые» // Рукописный отдел ИРЛИ.

¹¹ Русский биографический словарь. Т. 4. С. 493.

Разгадка, как это нередко бывает, пришла неожиданно. В одном из номеров «Нивы» за 1903 г. мы наткнулись на очерк Андрея Фирсова «В усадьбе Н.В. Гербеля», где её автор, большой почитатель литературной деятельности поэта, описал свою поездку в село Есипово Мешеринской волости Чернского уезда, принадлежавшее Ольге Ивановне, урождённой Соколовой, жене Николая Васильевича Гербеля. В этом селе поэт «в пятнадцать последних лет своей жизни ежегодно проводил летние месяцы»¹². Гербель познакомился с Ольгой Ивановной в Санкт-Петербурге. Она ежегодно по зимам проживала там со своей матерью, в то время уже овдовевшей. «Выйдя в отставку гвардии ротмистром, — пишет Н. Фирсов, — Николай Васильевич женился на Ольге Ивановне, имея от роду 34 года. Свадьба их состоялась в Вознесенской, что при Адмиралтейских слободах, церкви. Это было 26 апреля 1864 г. Ольга Ивановна, отлично знавшая французский и английский языки, была постоянной помощницей мужа в переводах. Когда в 1882 г. впервые резко обозначались признаки страшного недуга, сведшего Николая Васильевича в могилу, Ольга Ивановна повезла больного мужа за границу. Но ничто уже не могло помочь несчастному. По мнению профессора Шарко, причиной болезни был тот злополучный случай, о котором упоминалось выше, именно падение с лошади. Такое же мнение высказал и профессор И.М. Балинский, лечивший потом Гербеля в Петербурге. Собственно болезнь у Николая Васильевича развивалась уже несколько лет и, наконец, обострилась вследствие усиленных ночных занятий, так как Николай Васильевич, несмотря на запрет докторов, переводами классиков занимался именно по ночам <...>

По возвращении из-за границы Ольга Ивановна поместила Николая Васильевича в лечебницу профессора Мерзеевского, но, как только нашла подходящую квартиру, перевела его на последнюю, вопреки советам родных и знакомых. И тут она, сама уже носившая в себе зародыш смертельной болезни, осталась верной своему любящему сердцу»¹³.

Этой последней квартирой и была упомянутая М.И. Семевским в доме на Гороховой улице, д. 55 квартира № 11. По воспоминаниям В.А. Поляковой, приглашённой Ольгой Ивановной в дом

¹² Фирсов А. В усадьбе Н.В. Гербеля // Нива. 1903. С. 516–525.

¹³ Там же. С. 521.

Гербелей в качестве компаньонки, «Каждый день Николая Васильевича, в сопровождении двух человек, возили кататься в карете. Эти поездки он очень любил. Старались возить его по таким улицам, на которых не встречались бы вывески типографий, книжных магазинов, переплётных мастерских. Если только в глаза бросалась ему одна из указанных вывесок, то он сразу начинал сильно волноваться: у него появлялась необходимость и переговорить о своих изданиях и заказать что-нибудь и т.д. Тут его уже никто не мог остановить. Большинство магазинов уже знало о его несчастном положении и держало себя сообразно с этим, то есть соглашалось с его приказаниями. Но иногда и не обходилось без скандала; тогда его силою увлекали откуда-либо и усаживали в карету <...> В доме, по совету докторов, от Николая Васильевича прятали все книги, то есть именно то, что могло бы напоминать ему о его прежней деятельности. Ольга Ивановна наняла квартиру не в том доме, в котором они много лет жили, именно с той целью, чтобы ничто не напоминало больному о его прежних занятиях. Кабинет в квартире занимала я, и Николая Васильевича в него не пускали. Но однажды он все-таки забрёл ко мне.

— Разве это ваша комната? — спросил он.

— Да, моя, — ответила я.

— А книги ваши?

— Мои.

— Простите, пожалуйста. Я этого не знал.

Он тихо вышел...

Несмотря на сумасшествие, никто никогда не слышал от него ни бранного, ни неприличного слова. Хорошее воспитание его побуждало даже его безумие <...>

8 марта 1883 г. Николая Васильевича не стало. Не много литераторов пришло помолиться у гроба его. На погребении присутствовали его славные сотрудники П.И. Вейнберг, Д.Д. Минаев и А.Л. Соколовский. Речей произнесено не было, и лишь М.Н. Соимонов прочёл над его гробом прочувствованное стихотворение <...>

Тело Гербеля из Петербурга было перевезено в Чернский уезд и погребено в селе Бабурино, близ храма, к приходу которого приписано сельцо Есипово, отстоящее от него в 102 верстах <...>

После смерти мужа Ольга Ивановна не поддавалась горю: она, невзирая на то, что сама уже страшно страдала физически, всецело занялась устройством дела. Она успела распорядиться своим не-

движимым имуществом, приступила к новому изданию “Сочинений Байрона”, открыла в Есипове школу.

Через восемь месяцев после смерти мужа, 26 ноября 1883 г. от водянки скончалась и она. Тело её было также погребено в с. Бабурино, возле могилы Николая Васильевича»¹⁴.

Итак, ещё одна загадка об обстоятельствах смерти Н.В. Гербеля и месте его захоронения была разгадана. Оставалось узнать, сохранилось ли надгробие Н.В. Гербеля и его жены и где искать его?

Борис Лаврентьевич Бессонов, директор студии «Биографика», один из составителей Биографического словаря «Русские писатели 1800—1817 гг.», в прошлом сотрудник Пушкинского Дома и преподаватель Юношеского Университета Петербурга, вывел нас на Лидию Ивановну Кузнецову, в прошлом заведующую краеведческим музеем г. Плавска Тульской области, а ныне директора средней школы. Лидия Ивановна и помогла нам открыть ещё одну тайну. Плавск — небольшой, с населением в 16 тысяч человек город в Тульской области, вырос из села Сергиевского. Его в своих письмах, просмотренных нами в ИРЛИ, не раз упоминает Н.В. Гербель. Название же «Сергиевское» связано с тем, что им в конце XIX в. владели три поколения Гагариных: Сергей Сергеевич — отец, Сергей Сергеевич — сын и его супруга Вера Фёдоровна, урождённая Пален. Они очень много сделали для развития хозяйства и просвещения села. В Плавске до сих пор сохранились постройки, возведённые на их средства в 1880—1890-е гг., которые мог ещё видеть Н.В. Гербель: Дом Казначейства (в народе его прозвали «Теремом»), Дом Садовника, Дом «Рукоделия», школа, больница, Гостиный двор, перестроенный попечением С.С. Гагарина храм во имя преподобного Сергия Радонежского Чудотворца и др.¹⁵ В нашем городе до недавнего времени проживал потомок этого старинного княжеского рода Андрей Петрович Гагарин. Он преподавал в Политехническом институте (Техническом университете), в открытии которого огромную роль сыграл его прапрадед, и долгие годы возглавлял Дворянское собрание Петербурга. Несколько лет назад он ушёл из жизни.

Лидия Ивановна сообщила нам, что сельцо Осипово не дошло до нашего времени, но местный краевед Борис Данилович Нови-

¹⁴ Там же. С. 523—524.

¹⁵ Шевчук А.В. Село Сергиевское — город Плавск. Справочник-путеводитель. Тула, 1994.

ков нашёл могилу Н.В. и О.И. Гербелей на берегу реки Плавки, единственную чудом дошедшую до нашего времени на бывшем кладбище у полуразрушенной, заросшей берёзками церкви Казанской Божией матери в селе Бабурино. Лидия Ивановна пригласила меня приехать в Плавск и посетить эту могилу. Поездку я совершил в августе 2010 г. Плавск расположен в часе езды от областного центра — города Тулы. Первый мой визит был к Б.Д. Новикову, человеку очень уважаемому в Плавске, многие года посвятившему краеведческому поиску. Он связал меня с администрацией города и директором краеведческого музея Л.К. Поздеевой. В Плавске меня ждали, и поэтому в администрации оперативно выделили машину для поездки в Мещерский район, село Бабурино. В сопровождении сотрудников краеведческого музея, главы администрации района А.С. Николаева и пресс-секретаря главы администрации г. Плавска А.Д. Семёнова мы через полчаса прибыли на место.

Представьте себе среднерусское поле на окраине села, развалины краснокирпичной церкви и одиноко стоящий обелиск из местного известняка. Вот что об этом памятнике и сельском кладбище сообщает в упомянутом очерке Андрей Фирсов:

«Верстах в двух от Есипова, вниз по течению р. Плавы, находится село Бабурино с храмом во имя Божией матери Казанской. Здесь, вблизи последнего, на юге от него, на старом кладбище похоронены Николай Васильевич и Ольга Ивановна Гербели. Памятник над их могилами общий. Он имеет форму довольно высокой усечённой пирамиды, помещённой на низкий фундамент и высеченной из белого мрамора. На одной стороне памятника надпись гласит: “Николай Васильевич Гербель. Родился 26 ноября 1827 года. Скончался 8 марта 1883 года”, а на другой стороне: “Ольга Ивановна Гербель. Родилась 21 ноября 1839 года. Скончалась 26 ноября 1883 года”. Четыре стройных тополя осеняют место вечного упокоения этих двух хороших людей...

Здесь же похоронены Дмитрий Петрович Булыгин и его малолетний сын. Над их могилами водружены простые деревянные кресты. Все эти могилы обнесены высокой деревянной оградой, часть которой в настоящее время (а я посетил кладбище 25 ноября 1902 года) разрушилась и валяется тут же.

Множеством могильных холмов и лишь несколькими деревянными крестами усеяно это убогое сельское кладбище»¹⁶.

¹⁶ Фирсов А. В усадьбе Н.В. Гербеля. С. 525.

Как мне рассказали, ещё недавно обелиск Гербелям лежал отдельно от постамента на берегу реки Плавки, и к моему приезду его водрузили на место. В этом благом деле большую помощь лично оказал глава администрации Мещерского района Александр Сергеевич Николаев. Удивительно, что из всех надгробий разорённого кладбищенского некрополя сохранился лишь этот, увековечивший память Н.В. Гербеля. В сельской мещеринской библиотеке мне показали материалы о поэте, которые местный библиотекарь с любовью к поэту собирала многие годы. С некоторых из них мне любезно сделали ксерокопии, использованные позже при написании исследования.

Здесь, в сельской библиотеке, и позже при встречах с зам. главы администрации г. Плавска и работниками краеведческого музея я почувствовал какое-то особо трепетное отношение плавчан к имени Н.В. Гербеля. Материалы о нём помещены и на выставочном стенде, посвящённом памятным местам Плавского района, на центральной площади города. Хорошо, что есть место на земле, где помнят поэта, и жалко, что его имя забыто в нашем городе, в котором он провёл большую часть своей жизни и ярко проявил себя как переводчик и издатель. Думается, что на одном из петербургских домов, связанных с жизнью и творчеством поэта (например, на Моховой, 7, где жили несколько поколений Гербелей, или на Гороховой, 55, где оборвалась его жизнь), могла бы появиться мемориальная доска.

М.В. Шкаровский

Церковная писательница монахиня Анастасия (Платонова)

Монахиня Анастасия (в миру Александра Фёдоровна Платонова) родилась 16/29 апреля 1884 г. в Петербурге в семье известного художника-иконописца Фёдора Константиновича Платонова (сына крепостного крестьянина Вологодской губ.). Её отец в 1902–1903 гг. написал большую часть образов для трёх иконостасов собора во имя Святых Двенадцати Апостолов столичного Иоанновского женского монастыря на наб. реки Карповки, а в 1907–1908 гг. — все иконы в храме-усыпальнице во имя св. пророка Илии и св. царицы Феодоры той же обители, где 22 декабря 1908 г. был погребён великий святой земли Русской отец Иоанн Кронштадтский. В это же время Фёдор Константинович написал иконы для иконостаса церкви св. преподобного Серафима Саровского Серафимо-Антониевского скита Александро-Невской Лавры в с. Зечеренье Лужского у. Петербургской губернии.

С юных лет Александра была тесно связана с Иоанновским монастырём и глубоко почитала своего духовного отца — святого Иоанна Кронштадтского. Она получила хорошее образование, окончив 8 классов известной Введенской гимназии (в которой в своё время учился поэт Александр Блок), педагогические курсы, а в 1912 г. — Императорский педагогический институт. С 1 сентября 1912 по 1918 г. Платонова работала преподавательницей истории и педагогики в женском училище принцессы Терезии Ольденбургской и в Петровской женской гимназии. В 1917 г. Александра Фёдоровна даже была назначена начальницей этой гимназии.

Ещё гимназисткой Платонова начала писать в церковных журналах и вскоре, несмотря на молодость, стала известной церковной писательницей. Первая её книга «Жертва разлада. Причина самоубийства по В.С. Соловьёву и Ф. Тютчеву» была издана в 1908 г., а следующая — «Пастырь — молитвенник», представляющая собой очерк о жизни о. Иоанна Кронштадтского — в 1912 г. 6 января 1912 г. вышел первый номер еженедельного журнала «Кронштадтский пастырь». Это было уникальное издание, содержавшее множество сведений о жизни и деятельности о. Иоанна, его прижизненных и посмертных чудесах, истории Иоанновского монастыря. Журнал издавало созданное в 1909 г. «Общество в память отца Иоанна Кронштадтского», членом которого состояла Александра Фёдоровна. Она сразу вошла в число постоянных авторов «Кронштадтского пастыря». Так, уже в 1912 г. в журнале было опубликовано 24 её стихотворения и три рассказа, в том числе замечательный рассказ об отце Иоанне «Неугасимая свеча». И в дальнейшем редкий номер обходился без статьи, очерка, стихотворения Платоновой.

В 1912 и 1914 гг. вышли два больших сборника рассказов и стихотворений Александры Фёдоровны «На высотах духа» и «К радости совершенной». Именно они принесли Платоновой значительную известность и поставили её в ряд крупных церковных писателей начала XX в. Оба сборника были посвящены современникам писательницы, их герои — учителя, студенты, гимназисты — преимущественно молодые люди, искренне верующие или ищущие веры, стремящиеся жить по совести. В 1914–1915 гг. из-под пера писательницы вышло более 10 брошюр о святых подвижниках: мученице Татиане, просветительнице Грузии св. равноапостольной Нине, св. епископе Тамбовском Питириме и других. Кроме того, были опубликованы книги рассказов о первых христианах, статьи о событиях Первой мировой войны, очерк о жизни архиепископа Японского Николая, исторические повести о Древней Руси. Так, в повести «Над Днепровскими курганами» увлекательно описана Киевская Русь на пороге величайшего события, промыслительно преобразившего её судьбу — крещения. В основе другой повести — «Под грозой» лежат жизнь и подвиги святого благоверного великого князя Михаила Тверского.

Исторические повести, как и ряд других произведений Платоновой, были адресованы прежде всего детям. В 1914–1917 гг. писательница редактировала и издавала православный детский журнал «Незабудка». Цель этого издания была определена следующим об-

разом: «Будить и укреплять в детях благородные стремления духа и любовь ко всему родному»¹. Можно отметить, что и собственное творчество Александры Фёдоровны было подчинено тем же целям. Опубликованные в журнале рассказы, стихотворения, короткие повести и сейчас читаются с большим интересом. Не случайно в 1998 г. в Москве был издан составленный из них сборник «Незабудка».

Активно публиковалась Платонова и в целом ряде других журналов: «Русский паломник», «Голос Церкви» и т.д. Известный церковный историк А. Краснов-Левитин так писал о её творчестве: «Её очерки, статьи, разбросанные по церковным журналам, выходившим в Петербурге в предреволюционные годы, перечитываешь с живым интересом. Овеянные живым религиозным чувством, они трогают читателя и теперь, а её очерк об архиепископе Николае Японском, изданный отдельной брошюрой в 1914 г., остается пока лучшей на русском языке биографией знаменитого миссионера. Читая эти очерки, угадываешь её дальнейшую судьбу»².

За 10 лет — с 1908 по 1917 г. Александра Фёдоровна написала 32 книги и брошюры. Но эта кипучая писательская деятельность была прервана безбожной Октябрьской революцией. Впрочем, первые неблагоприятные симптомы появились ещё весной 1917 г. В это время «из-за растущей дороговизны печатного дела» перестал выходить журнал «Кронштадтский пастырь». Среди публикаций его завершающих номеров привлекает внимание статья А. Платоновой о дневнике о. Иоанна «Жертва Богу», в которой говорилось: «Над страницами дневника о. Иоанна всегда возникает целый рой светлых мыслей, отрадных упований, спокойных переживаний»³. Последний номер журнала вышел 29 апреля 1917 г. и заканчивался он статьёй А. Платоновой «Суд человеческий». Тогда же перестал выходить и журнал «Незабудка», в начале 1918 г. закрылись церковные издательства и т.д. Последние статьи Александры Фёдоровны были опубликованы в газете «Петроградский церковно-епархиальный вестник» — почти единственном церковном печатном органе, ещё выходившем в Петрограде в 1918–1919 гг.

¹ Платонова А.Ф. На высотах духа. Рассказы. М., 1998. С. 3.

² Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925–1941. Воспоминания. Париж, 1977. С. 123–124.

³ Кронштадтский пастырь. 1917. № 4. С. 52–54.

В первые послереволюционные годы Платонова продолжала работать учительницей в образованной на базе Петровской гимназии единой трудовой школе. Однако в это время Александра Фёдоровна всё яснее понимала, что в новых условиях гонений на Церковь её путь заключается в другом — стоянии за истину Христову. Уже в 1919 г. она стала активно участвовать в деятельности созданного в этом же году при соборе Апостола Андрея Первозванного на Большом пр. Васильевского острова Андреевского братства.

В 1921 г. в жизни Александры Фёдоровны произошли важнейшие изменения. Она поступила в число насельниц Иоанновского монастыря, была пострижена в рясофор, а затем в мантию с именем Анастасия. Совершал постриг святой новомученик митрополит Петроградский Вениамин (Казанский). Согласно показаниям самой монахини на допросе в декабре 1933 г., митрополит «знал её по отцу — иконописцу» и после пострижения указал ей на необходимость организации при советском строе тайных монашеских общин, что она и сделала после расстрела Владыки (в ночь с 13 на 14 августа 1922 г.)⁴

В 1926 г. мать Анастасию избрали старшей монахиней общины бывших сестёр Иоанновского монастыря при церкви Алексия Человека Божия, расположенной недалеко от обители на Геслеровском (ныне Чкаловском) проспекте, д. 50. Растущая популярность храма вызвала тревогу у властей, и в 1927 г. они передали его обновленцам. Членов причта и приходского совета Алексеевской церкви обвинили в принудительном взимании членских взносов с прихожан. Дело передали в суд, и хотя обвиняемые были оправданы, 3 августа 1927 г. храм передали новой обновленческой двадцатке. Монашеская община, возглавляемая матерью Анастасией, была вынуждена покинуть Алексеевскую церковь и поселиться на частных квартирах, где просуществовала до разгрома органами ОГПУ в декабре 1933 г.

В 1928 — июле 1932 г. монахиня Анастасия исполняла обязанности псаломщика в церкви Коневской иконы Божией Матери Коневского Рождество-Богородицкого мужского монастыря на Загородном проспекте, д. 7. После закрытия этого храма 11 июля 1932 г. она зарабатывала на жизнь в качестве домработницы, про-

⁴ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по С.-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-66773. Т. 7. Л. 22.

живая в доме 20 по Красной улице. Община её со временем значительно выросла — с 7–8 до 23–25 человек. Пришли новые сёстры, многие из которых имели высшее образование и работали в институтах, библиотеках, больницах.

Мать Анастасия написала в начале 1930-х гг. ряд духовных произведений: «О Кресте», «О Голгофе», «Одиннадцать воскресных Евангелий», несколько стихотворений. В одном из них — «За Церковь» — содержался призыв к борьбе за веру, «не страшась смерти и страданий». Все эти произведения распространялись членами общины во многих храмах города. Была даже выпущена брошюра с изображением на обложке ангела, держащего крест и меч с надписью: «Сим победиши, с нами Бог». В ней в аллегорической форме говорилось о гонениях на Православную Церковь в СССР. Регулярно устраивались собрания членов общины, на которые приглашались и прихожане различных храмов. Монахиня Анастасия читала собравшимся не только свои произведения, но и проповеди о. Николая Комарецкого. Сёстры оказывали материальную помощь репрессированному духовенству, отчисляя определённые суммы из своих заработков⁵.

Община монахини Анастасии была разгромлена органами ОГПУ в ходе фабрикации ими одного из самых крупных церковных следственных дел 1930-х гг. — так называемого дела «евлогиевцев», по которому проходил 171 человек (из них 157 арестовали и с 14 взяли подписку о невыезде). Монахиню Анастасию арестовали 22 декабря на квартире инокини Анны Усс на Черновской ул. вместе с хозяйкой. В тот же день агенты ОГПУ схватили ещё 7 сестёр «платоновской» общины. Их обвинили в принадлежности к контрреволюционной тайномонашеской ячейке «Братство Евлогия», или в другом варианте «Союз евлогиевцев».

На первом же допросе 31 декабря 1933 г. монахиня Анастасия показала, что организовала женскую монашескую общину после расстрела священномученика митрополита Петроградского Вениамина, руководствуясь наставлениями Владыки: «Ещё при жизни митрополит Вениамин указывал нам на необходимость при советском строе организации нелегальных тайных монашеских общин, при помощи которых можно было бы сохранить ликвидируемый советской властью институт монашества... Цель нашей общины заключалась в сохранении верующих кадров церкви, организации монашеского уклада жизни членов общины в противовес воздей-

⁵ Там же. Л. 22–32.

ствию на них советского влияния, насыщенного антирелигиозностью»⁶.

«Евлогиевцы» были осуждены Тройкой Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе 25 февраля 1934 г. Сестёр «платоновской» общины и М.М. Колтовского приговорили к трём, а мать Анастасию к пяти годам лагерей. Первоначально — 7 марта 1934 г. её отправили в Северо-Восточный лагерь (г. Владивосток).

Однако затем свой пятилетний срок лагерей монахиня Анастасия в основном отбывала в печально известной Томской исправительно-трудовой женской колонии № 2. С зачётом 211 рабочих дней она была освобождена по окончании срока наказания 1 июня 1938 г. и в тот же день выехала из Томска к избранному месту жительства — на станцию Малая Вишера Новгородского округа Ленинградской области. Как побывавшая в заключении, матушка Анастасия могла проживать лишь за пределами 100-километровой зоны вокруг крупнейших городов, в том числе Ленинграда. Поэтому она и выбрала ближайший возможный для проживания посёлок на железной дороге, также равноудалённый от города Вышний Волочёк (ныне Тверской обл.), где жил её брат о. Симеон Платонов.

17 октября 1941 г. агенты НКВД арестовали по обвинению в антисоветской агитации о. Симеона, а на следующий день ещё 5 человек, в том числе мать Анастасию. Матушка была доставлена в городскую тюрьму № 6 и в тот же день допрошена старшим оперативным уполномоченным Вышневолоцкого городского отдела НКВД сержантом госбезопасности Голубкиным. Её первый допрос практически ничего не дал следствию. На следующий день допрос повторился. Монахине Анастасии предъявили изъятую у неё при обыске адресованную брату записку с высказанной, по версии следствия, просьбой об устройстве службы в доме Малышевых. Матушка сказала, что записку написала она, но в ней говорится не о богослужении, а о «выполнении причащения запасными дарами, если была бы смертная нужда». Впрочем, увидев, что следствию известно о тайных службах в доме Малышевой, монахиня признала, что они «регулярно» проводились, но никаких бесед, тем более на антисоветские темы, при этом не было⁷.

⁶ Там же. Л. 30–32.

⁷ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Тверской обл. Д. 28304-с. Л. 32–35.

22 октября органы НКВД сфабриковали обвинительное заключение с разоблачением «антисоветской группировки» из 6 человек. Судебное заседание Военного Трибунала войск НКВД по охране тыла Северо-Западного фронта проходило 24 октября в закрытом порядке, без вызова свидетелей. В своём последнем слове монахиня Анастасия сказала лишь следующее: «Какое бы наказание суд ни определил, я остаюсь при своих убеждениях, моя жизнь — это вера в Бога. Я сознаю свои ошибки в нарушении законов о нелегальных сборах и прошу суд это учесть, я человек больной, но могу ещё работать и приносить пользу»⁸.

Несмотря на то, что никто из обвиняемых свою вину полностью не признал и фактических доказательств их «антисоветской деятельности» не имелось, приговор Военного Трибунала оказался очень жесток — матушку Анастасию приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией личного имущества, а о. Симеона Платонова к высшей мере наказания с конфискацией имущества.

После вынесения приговора монахиня Анастасия прожила меньше месяца. К моменту ареста ей было 57 лет, а здоровье после первого срока в Томском лагере уже было серьёзно подорвано. В медицинской справке от 21 октября 1941 г., выданной после осмотра матушки врачом тюрьмы № 6 говорилось, что она имеет «декомпенсированный порок сердца и годна лишь к лёгкому труду». Скончалась монахиня Анастасия в тюрьме 19 ноября 1941 г.⁹

Дальнейшее изучение необыкновенной судьбы и поиски места упокоения выдающейся духовной дочери святого отца Иоанна Кронштадтского будут продолжаться. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что литературное творчество монахини Анастасии (Платоновой) пережило десятилетия забвения. Её духовные очерки, рассказы, стихи вновь начали активно публиковаться в последние годы и находят горячий отклик у современных читателей.

⁸ Там же. Л. 124.

⁹ Там же. Л. 31; Санкт-Петербургский мариолог. СПб., 2002. С. 193.

В.В. Антонов

Конченцио Альбани, забытый скульптор

И Камероновы белеют пропилен
Беспечной чёткостью колонн.

В. Комаровский, 1913

В истории русского искусства есть еще много неизученных мастеров, в том числе иностранных, трудившихся в России в XVIII—начале XIX в. Специальные справочники и энциклопедии или вообще о них не упоминают, или упоминают в нескольких строках. Именно так обстоит дело с итальянским скульптором Конченцио (Кончезио) Альбани (1762—1818), несмотря на то, что он работал в Петербурге и пригородах тридцать пять лет, сотрудничая с крупнейшими зодчими и участвуя в оформлении известных построек. Он служил при трёх государях: начал при Екатерине II и завершил карьеру при Александре I.

Приехал Альбани в Россию, скорее всего, в начале 1784 г., в возрасте 22 лет. Был он родом из Рима и перед приездом малое время был занят при дворе польского короля Станислава Понятовского в Варшаве. В Петербурге поначалу получил место хранителя античной скульптуры в Таврическом дворце, который принадлежал светлейшему князю Г.А. Потёмкину-Таврическому и обладал хорошим собранием антиков¹.

¹ *Daugnon F.F. Gli italiani in Polonia dal IX secolo al XVIII. Crema, 1907. Vol. 2. P. 280.*

Долгое время Альбани на казённую службу не поступал и, обучившись, очевидно, в Риме, своей профессии, подвизался как «вольный скульптурный мастер». Таковым он представился 13 февраля 1784 г. в Конторе строения домов и садов, когда «объявил, что ежели потребны будут в новостроящийся при Эрмитаже театр 10 отливных алебастровых статуй и над ними 10 медальонов, то оные сделать желает во всё по показанию архитектора <...> ценою возмёт за все 10 статуй и медальонов 1200 рублей». Приложенный отзыв о мастере был весьма положительным: «в сём деле хорошее искусство имеет <...>»

Кваренги, автор театра, разъяснил программу украшения интерьера: «<...> Я поместил в 10 нишах зрительного зала и просцениума фигуры Аполлона и девяти муз, а в квадратах над нишами бюсты и медальоны великих современных деятелей театра, так, например, двух известных композиторов Йомелли и Бунарелли [имеется в виду Б. Галуппи по прозвищу Буранелло.— *В.А.*] и из числа поэтов — Метастазиио, Мольера, Расина, Вольтера, Сумарокова и др.»

После того как Альбани в конце сентября того же года «те статуи с медальонами совсем уже отдал» и по указанию лепного мастера А. Бернаскони поставил на места, Кваренги не поспешил на похвалу: «работу я нашёл весьма хорошо исправленную». Отделка интерьера продолжалась ещё год, и окончательно строительство было завершено лишь в 1789 г. Не исключено, что скульптору принадлежат также статуи и бюсты древнегреческих драматургов и поэтов на его фасаде, установленные только в 1802 г. Эрмитажный театр Кваренги считал своей творческой удачей. В этом здании он и поселился².

Другой творческой удачей можно считать Лоджии Рафаэля, начатые Кваренги в 1783 г., но в 1788 г. строительством приостановленные из-за войн с Турцией и Швецией, хотя отдельные работы всё-таки продолжались. В частности, летом следующего года архитектор подписал счёт на 500 рублей за 10 гипсовых барельефов, исполненных Альбани для галереи.

Эти гипсовые медальоны Кваренги добавил в свой прежний проект. Через три месяца был оплачен другой счёт скульптора на

² РГИА. Ф. 470. Оп. 1. Д. 76. Л. 3, 4, 8, 9; РО РНБ. Ф. 708 (Собко). Оп. 1. Д. 148. Л. 51; *Собко Н.П.* Словарь русских художников. СПб., 1899. Т. 1. Стб. 133; *Пилявский В.И.* Джакомо Кваренги. Л., 1981. С. 122–123; *Люлина Р.Д.* Эрмитажный театр // Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Л., 1989. С. 388–390.

950 рублей за 7 барельефов, 8 статуй и 4 больших портрета из стюка (искусственного мрамора) в украшенных как дворцовые покоях фаворита князя Г.А. Потёмкина, которые помещались во флигеле Манежа, вблизи апартаментов Екатерины II. Альбани на многие годы сделался сотрудником Джакомо Кваренги³.

В 1784 г. мастер исполнил ещё один заказ архитектора, на сей раз в Царском Селе, в Храме, т.е. парковом павильоне Концертный зал. То были «многие барельефы и разные модели фигур в малом виде». В скульптурном кабинете помещены четыре барельефа: аллегории искусств, архитектуры и науки. За них в общей сложности было выплачено 507 рублей. Рядом с Концертным залом Кваренги в 1784–1786 гг. построил небольшую круглую в плане Кухню-руину, имитирующую античные развалины. Фасад украшают в виде фриза шесть рельефов на мифологические темы, высеченных Альбани из известняка. Их дополняли подлинные древнеримские архитектурные и скульптурные фрагменты.

В Концертный зал мастер опять вернулся в 1812 г., когда занялся «отделкою» полихромного мозаичного пола⁴. Сотрудничество с Кваренги в 1787 г. продолжилось в императорском Екатеринском (Головинском) дворце в Москве. Екатерина II повелела архитектору заново отделать его интерьеры в стиле классицизма. К отделке Кваренги привлёк и Альбани. За каждую из 12 алебастровых статуй тот получил 200 рублей, за каждый барельеф (их было десять) — 250 рублей, за гипсовые фигуры — 50 рублей за штуку. Для каминов в опочивальне мастер через три года сделал два барельефа и два бронзовых бюста. И там же какие-то работы он исполнил в 1793 г. Ни одно из произведений из-за перестроек не сохранилось. В марте 1790 г. зодчий рекомендовал скульптора, «который ныне едет в Москву с отличными работами, соответствующими его таланту»⁵.

³ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4023. Л. 127, 361. Последний раз Альбани работал в комплексе дворца в начале 1816 г., когда подал счёт за исправление мраморных каминов в Шепелевском доме (РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 504).

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3899. Л. 259, 260; Ф. 470. Оп. 4. Д. 527. Л. 1, 40; *Пилявский В.И.* Указ. С. 163–167; *Степаненко И.* Концертный зал. СПб., 2010. С. 8–9, 16. В 2010 г. Кухня-руина была полностью отреставрирована.

⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 30. Д. 107. Л. 55; *Царёва С.М.* Итальянские мраморщики в Москве конца XVIII — первой трети XIX в. // Россия и Италия. Общие ценности. XVII Царскосельская научная конференция.

Ничего не осталось от работ Альбани и в Зимнем дворце, где он в разное время трудился по заказам Кваренги. Так, осенью 1791 г. для покоев великих князей Александра и Константина Павловичей в западной части дворца он исполнил «из стюка» четыре десюдепорта стоимостью 125 рублей. Часть из них дошла до наших дней. Сотоварищем в работе был А. Трискорни. Дворцовые комнаты фаворита графа П.А. Зубова три года спустя Альбани украсил гипсовой статуей и двумя вазами. После расчёта по этим произведениям Кваренги просил заключить со скульптором трёхгодичный контракт с жалованьем в 1500 рублей. Эта сумма свидетельствует о высокой оценке его таланта.

В 1795 г. Альбани работал для Мраморной галереи Зимнего дворца — сделал модель и отливку трафаретного гипсового барельефа для каминов. Их вместо зеркал было решено украсить барельефами. Но самым важным дворцовым заказом в это время были две большие аллегорические фигуры гениев с вензельным щитом, по рисунку Кваренги изготовленные из белого искусственного мрамора, оцененные в 2000 рублей и помещённые над тронном императрицы в Тронном или Георгиевском зале⁶.

Есть сведения о заказах, полученных от Кваренги для пригородных резиденций. В 1794 г. Альбани что-то делал в павильоне Английского парка в Петергофе, а в следующем году ему выплачено 300 рублей «за два (мраморных) барельефа над печами (каминами) в Большом зале <...> и за гипсовые барельефы для двух печей и орнаменты» в Александровском дворце в Царском Селе.

Тогда же был оплачен счёт за двух каменных сфинксов в павильоне «на острове» Большого пруда в том же Царском Селе. Кваренги перестроил этот несохранившийся павильон, который был возведён в 1740-х гг. С.И. Чевакинским и Ф. Растрелли⁷.

Сборник научных докладов. СПб., 2011. С. 599. Прим. 5 (автором рисунков для барельефов был не Ф. Кампорези, а Дж. Кваренги); *Colombo G. G. Quarenghi. Torino, 1879. P. 62.*

⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 309. Л. 2; Оп. 1. Д. 4028. Л. 44; Д. 4029. Л. 483; РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 163. Л. 155, 217; Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Л., 1989. С. 114–123, 138.

⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4031. Л. 345; Оп. 37. Д. 345. Л. 9; *Семёнова Г.В.* Итальянские мастера и мотивы в архитектуре Александровского дворца // Россия и Италия. Общие ценности. XVII Царскосельская научная конференция. СПб., 2011. С. 448; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4030. Л. 98 (сфинксы намечалось отлить из металла, для чего скульптор сделал гипсовую модель); *Пилявский В.И.* Указ. соч. С. 173.

Последний раз Альбани сотрудничал с Кваренги в марте 1801 г., когда тот оформлял в Петропавловском соборе катафалк убитого императора Павла. Скульптор создал для катафалка большую статую, за которую получил 400 рублей и «круглый бриллиантовый перстень», изделие известного ювелира Я. Дюваля⁸.

В Царском Селе Альбани трудился не только по заказам Кваренги, но и Чарлза Камерона в его знаменитой Камероновой галерее. В 1794–1796 гг. он исполнил для неё бюсты исторических деятелей античности: Гектора, Ликурга, Фемистокла, Анахарсиса, Платона, Диогена, Пиррена, Сципиона, Ганнибала, Алкивиада, Перикла, Ксенофонта, Марцелла, Эпаминонда, Семирамиды, Помпея, Иоиля. Гипсовые модели Альбани исполнял лично, а русские мастера из Академии художеств отливали их из бронзы и чеканили. Всего за работу, которая особенно интенсивно шла в 1796 г., скульптор получил более 10 000 рублей. Модель стоила 300, бронзовый бюст — 500–600 рублей.

Вот счёт, поданный 17 января 1796 г.:

За бронзовый бюст Алкивиада — 600 р.

За гипсовую модель Ксенофонта — 300 р.

То же Марцелла — 300 р.

То же Перикла — 300 р.

Итого — 1500 р.

Изображённые персонажи соответствовали дидактическим принципам эпохи Просвещения; они должны были напоминать современникам о возвышенных добродетелях и славных деяниях знаменитых мужей древности. Скорее всего, сама Екатерина II, эта «северная Семирамида», выбрала эти имена.

Камеронова галерея, возведённая в 1784–1786 гг., была — как в античном мире — предназначена для размышлений, прогулок и бесед, отчего бюсты между стройными ионическими колоннами служили не только для украшения, но и должны были вдохновлять эти размышления и беседы. Однако прошло десять лет, прежде чем бюсты появились на галерее. Не все они выразительны, но в целом соответствуют своему просветительному назначению. Альбани достойно завершил замысел Камерона⁹.

⁸ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 1423. Л. 62; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61975. Л. 7.

⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3909. Л. 45, 295 об, 363; Д. 3910. Л. 45, 153 об, 208 об, 225 об; Д. 3911. Л. 33, 228 об; Д. 3912. Л. 104; Д. 4029. Л. 126, 483; Д. 4030.

Судя по документам, кроме декоративных бюстов мастер создавал также настоящие портретные, например, императора Иосифа II. Гипсовую модель он оценил вместо обычных 300 в 400 рублей, «ибо потребовалось больше времени для передачи сходства». Над ним он трудился в 1793—1794 г. и бронзовую отливку исполнила за 600 рублей «бронзовая фабрика», а не мастерская в Академии художеств. «Я сохранил цвет бронзы, дабы можно было оценить свежесть работы», — отметил Альбани. Попутно он указал, что «у меня имеется много собственных отличных оригиналов, здесь отсутствующих, кои я мог бы исполнить в гипсе, терракоте или бронзе <...> Ежели мне дадут удобное место для работы».

Летом 1795 г. был отлит из бронзы бюст покойного князя Г.А. Потёмкина-Таврического, ближайшего помощника Императрицы. Не удалось установить, был ли он оригиналом или повторением работы другого мастера. В Русском музее хранится небольшой бронзовый бюст неизвестного с надписью на тыльной стороне: «С модели Господина Албания отливал и чеканил Яков Ломаков»¹⁰.

Когда Кваренги в должности придворного архитектора сменил Винченцо Бренна, Альбани стал работать под его началом. Уже в 18 октября 1797 г. он просил у Бренны заплатить за 10 бюстов (где, выяснить не удалось: в Гатчине, Павловске?) три тысячи рублей. Зодчий добавил к этой сумме ещё 700 рублей. Судя по всему, цена в 300 рублей за бюст была стандартной¹¹.

При постройке Михайловском замке скульптор получил от Бренны много важных заказов, судя по контракту от 7 января 1799 г.:

1. «Сделать из алебаstra 16 хорошо задрапированных кариатид высотой 3 аршина для Овального зала в бельэтаже, окнами на Фонтанку, по модели, исполненной и одобренной Бренной, ценой 280 р. каждая.

Л. 98; РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 666. Л. 92; Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1983. С. 58; *Козьян Г.К.* Чарлз Камерон // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 1997. С. 656—658.

¹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4028. Л. 44, 45, 228, 570; Д. 4030. Л. 98; Скульптура XVIII — начала XX века. Каталог ГРМ. Л., 1988. Поступил в 1947 году из Закупочной комиссии в Ленинграде. № Ск-155.

¹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4033. Л. 782, 923.

2. Для того же зала 2 барельефа, каждый шириной 3 аршина 4 вершка и высотой 2 аршина 4 вершка, ценою 350 руб. каждый.

3. И для того же зала 3 барельефа (2 а 2 в на 2 а 4 в) по цене 200 р. каждый.

4. Там же 3 десюдепорта (из них два с орлом и лаврами) (2 а 4 в на 1а 7 в) по 200 руб. каждый.

5. Для Тронного зала — 8 академических групп высотой 3 а 3 в, по 500 р. каждая.

6. Там же барельеф размером 3 а 10 в на 2 а 6 в. <...> наилучшим образом и искусством».

Двумя месяцами ранее был заключён контракт на «4 трофея из гипса для Большого Гербового зала» за 5 000 рублей.

За «16 кариатид и 8 групп» и «4 больших суппорты [десюдепорта. — *В.А.*]» в Овальном зале уже в конце весны Альбани была выплачена очень большая сумма — 30 000 рублей. По окончании строительства с ним произвели окончательный расчёт, выдав ещё 6210 рублей. Затраты на исполненные работы свидетельствуют, что Альбани сыграл значительную роль в скульптурном украшении Михайловского замка. Его коллегами были: П. Соколов, Д. и Л. Стаджи, М.А. Александров-Уважный, А. Трискорни.

Этих мастеров перечисляет современник Генрих фон Реймерс в своём описании замка. Он также пишет: «За галереей следует овальный салон, или павильон, где 16 коринфских колонн из искусственного мрамора поддерживают аттик, который покоится на 16 кариатидах, изготовленных Альбани». В описании А. фон Коцебу есть дополнение: «пять аллегорических (панно), которые истолковать нелегко, занимают промежутки». О Тронном зале автор замечает: «...в нишах, устроенных над дверьми, размещались колоссальные фигуры Правосудия, Мира, Победы, Славы...»¹².

¹² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61690. Л. 39—40, 146; Д. 61714. Л. 2, 50; *Реймерс Г. фон* Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб., 2007. С. 313, 317. Текст А. Коцебу «Краткое описание 1801 года» цитируется по: Михайловский замок. Сборник статей. СПб., 2004. С. 286—287. Возможно, что Альбани был также автором рельефов на фасаде павильонов Михайловского замка (Дворцы Русского музея. Сборник статей. СПб., 1999. С. 131).

В 1798 г. Бренне было поручено спешно достроить Исаакиевский собор, начатый А. Ринальди, с повелением сократить первоначальную смету. Экономия коснулась и внутреннего убранства, где дорогостоящие материалы отделки пришлось заменять на более дешёвые, как явствует из записки зодчего от 28 января 1802 г., поданной в конце строительства: «В рассуждении же трёх барельефов, назначенные мною, оные должны быть во внутренность над дверями, и место уже с рамами изготовлено, а как из мрамора дорого стоить будут, да и при том белого итальянского мрамора нет, то и предложил их сделать из алебастру и уже многие модели заказаны были скульпторам Соколову и Альбанию <...>». Какие алебастровые десюдепорты делали Альбани и его коллега Соколов, определить не удалось. Они были поставлены на место незадолго до освящения собора, который затем был основательно переделан О. Монферраном¹³.

С воцарением Александра I Бренна оказался не у дел и в 1802 г. навсегда уехал из Петербурга. В августе предшествующего года отправился за границу и Альбани с женой, дочерью и пятью слугами. Прежде чем покинуть своё местожительство в Миллионной улице (ныне № 3), он устроил в доме барона Строганова на той же улице (ныне № 26?) распродажу собственных произведений. Продавались «истуканы алебастровые, пьедесталы фальшивого мрамора, бюсты фальшивой бронзы, барельефы, группы и разная другая тому подобные вещи». Судя по всему, распродажа происходила в мастерской самого скульптора¹⁴.

Через несколько месяцев Альбани вернулся в Россию и в 1804 г. снова попросился на казённую службу. На пять лет Кабинетом Его Величества с ним был заключён контракт, поскольку «его множайшие уже опыты имеются в здешних загородных дворцах». Согласно контракту скульптор обязывался:

1. «... исправлять во дворцах всякие скульптурные работы <...>
2. состоящие как в Таврическом дворце, так и в Летнем саду статуи и бюсты, исправлять починкою.

¹³ РГИА. Ф. 470. Оп. 1. Д. 24. Л. 27; *Шуйский В.* Винченцо Бренна // Зодчие Санкт-Петербурга XVIII века. СПб., 1997. С. 824.

¹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 5.7. 1801. № 56; 13.8.1801. № 67.

3. 4 казённых учеников выучить <...>: делать порезки, капители, барельефы, разные фигуры <...>, а также деланию фальш-мрамора и мастики под мрамор».

По Высочайшему указу от 12 апреля 1804 г. мастеру в Гоф-интендантской конторе полагался оклад в 1900 рублей, плюс жалованье 800 рублей и казённая квартира. Условия были весьма выгодными¹⁵.

Выполнять этот контракт Альбани пришлось при новом придворном архитекторе Луиджи Руска, который, однако, использовал его не столь активно, как Кваренги. Документально подтверждены лишь немногие его работы с Руска. Так, скульптор исполнял в 1800 г. какие-то скульптурные работы в Публичной библиотеке, которую зодчий завершал после Е.Т. Соколова. Гораздо больше он потрудился в Аничковом дворце, где Руска в 1809 г. отделял покои для вел. кн. Екатерины Павловны, вышедшей замуж за герцога Ольденбургского. Для покоев он в компании с Ф. Тибо вылепил несколько десюдепортов¹⁶.

Уволившись 23 ноября 1815 г. из Кабинета, Альбани продолжал работать для двора буквально до последних дней, как это явствует из следующего донесения князю А.Н. Голицыну от 14 августа 1818 г.: «<...> по случаю дошедшего сведения, что древние бюсты, в Царскосельском дворце находящиеся, потеряли весьма много красоты и достоинства от неосторожности при чистке оных <...> за болезнию ведомства Гоф-интендантской конторы скульптурного мастера Албания сообщено было <...> о прикомандировании г. профессора Демут-Малиновского для осмотра всех бюстов и прочих фигур. Но как ныне скульптурный мастер Албаний помер, а бывшие у него в учении подмастерье и 4 ученика недовольно ещё в сём искусстве усвершенствовались».

За два месяца до кончины «<...> Альбани объявил, что он знает искусство снимать формы посредством какой-то морской пенки, не вредя цвету мрамора, и сей секрет откроет только президенту

¹⁵ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 180. Л. 108; Гоф-интендантская контора 23 ноября 1805 г. выдала аттестат «скульптурному художеству мастеру Кончецио Альбани римско-итальянской нации». (РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 34. Л. 1).

¹⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 38. Д. 604. Л. 90 (за работу Альбани получил 520 руб.); Ф. 468. Оп. 38. Д. 455. Л. 20–21.

Академии художеств». Однако помочь сделать для музея Академии нужные слепки с древних статуй и бюстов в Эрмитаже и Таврическом дворце мастеру уже не пришлось¹⁷.

Умер Альбани 9 августа 1818 г. в возрасте 56 лет и погребён на Волковом лютеранском кладбище. Его могила не сохранилась. Судьба его жены Анны Пазини и дочери неизвестна. В 1823 г. в служебном флигеле Елагина дворца работал некий резной мастер Антонио Альбани, скорее всего однофамилец умершего мастера¹⁸.

Творил Альбани в стиле русского строгого классицизма, аналогичном стилю его современников Ф.И. Шубина, М.И. Козловского, Прокофьева и Гордеева, которых вдохновляли древнеримские образцы и пример европейских скульпторов-классицистов. Чёткая уравновешенная композиция и спокойное гармоничное настроение присущи сохранившимся декоративным барельефам разностороннего итальянского ваятеля.

Впервые проведённое исследование творчества Кончецио Альбани позволяет сделать вывод, что он был видным столичным мастером периода зрелого русского классицизма, сотрудничал с лучшими придворными архитекторами: Кваренги, Бренна, Руска и исполнял их заказы на очень важных постройках. К сожалению, не удалось выявить его частные заказы, которых, очевидно, было немало. Работал Альбани главным образом как скульптурного дела мастер и одновременно как мастер лепного дела, искусственного мрамора и фальшивой бронзы. Он дополняет обширный список итальянских мастеров, успешно трудившихся в России в конце XVIII—начале XIX в.

¹⁷ РГИА. Ф. 471. Оп. 1. Д. 816. Л. 1; Ф. 468. Оп. 35. Д. 117. Л. 242; Ф. 789. Оп. 20 (Оленин). Д. 33. Л. 1–2.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.

В.В. Скурлов

Михаил Евлампиевич Перхин, мастер-ювелир фирмы «Фаберже»

Михаил Евлампиевич Перхин записан подмастерьем Петербургской Ремесленной управы по золотых дел ремеслу 24 января 1884 г. навечно¹. В 1888 г. М. Перхин открывает с помощью Карла Фаберже собственную мастерскую и выбирает свидетельство купца 2 гильдии с 1891 г., поскольку у него работало больше 16 человек. К концу 1890-х гг. в мастерской уже трудились более 50 человек — целая фабрика. С 1895 г. он личный почётный гражданин, звание получено в награду за исполнение императорских заказов². Почётных граждан не вносили в ревизские сказки, и они пользовались правом именоваться как дворяне — «ваше благородие».

По сведениям потомков Перхина, многие земляки успешного ювелира желали иметь Перхина в качестве крёстного отца своих детей³. Последние годы жизни он жил в Царском Селе в собственном доме. В кладбищенских книгах Санкт-Петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря записано, что умер М. Перхин 28 августа 1903 г. «от сухотки спинного мозга». Могила частично

¹ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 10748. 1884 г. Дело по прошению крестьянина Оложнецкой (так в оригинале. — В.С.) губернии Михаила Евлампиевича Перхина о причислении его по золотых дел ремеслу подмастерьем. Проживает: Офицерская ул., 6.

² Фаберже Т.Ф., Горыня А.С., Скурлов В.В. Фаберже и петербургские ювелиры // Нева. 1997. С. 78.

³ Скурлов В.В. Архив Георгия Александровича Петроффа // Скурлов В.В., Фаберже Т.Ф., Демкина Е.Н., Квашиин С.Н. Михаил Перхин — ювелир фирмы Фаберже. Кавалеры Ордена Перхина. СПб., 2011. С. 57.

сохранилась и расположена недалеко от могил гроссмейстера Михаила Чигорина и художника Врубеля. Вместе — три Михаила, у каждого драматическая судьба. В 2010 г. петербургские ювелиры восстановили обезличенную до сих пор могилу Михаила Перхина⁴.

С участием Михаила Перхина исполнены 28 Императорских Пасхальных яиц из 50, в том числе такие шедевры как «Дворцы Дании», «Бутон розы», «Мадонна Лилия», «Транссибирский экспресс», «Медный всадник» и другие, а также все семь Пасхальных яиц для семьи Кельх-Базановых, Пасхальные яйца «Ротшильдское», «Мальборо», «Скандинавское» и другие. Клеймо мастера Михаила Перхина стоит на знаменитых часах к серебряной свадьбе Императора Александра III, изображающих 25 ангелов (1891). Эти часы — самый дорогой предмет «Фаберже», исключая Императорские Пасхальные яйца. В 1996 г. они были проданы на аукционе «Кристи» в Нью-Йорке за 1 млн. 650 тыс. долл., а в 2006 г. на аукционе «Кристи» оценены в 4–6 млн. фунтов стерлингов. В настоящее время находятся в Музее Фаберже в г. Баден-Бадене (Германия). Фирма Фаберже в 1891 г. продала их за 18 585 руб. Всего мастерской Перхина было выполнено до 20 000 изделий, которые сейчас называют шедеврами⁵.

Прожил Михаил Перхин мало — всего 43 года, но сделал удивительно много. Напомним, что средний возраст мужчин в царской России в начале XX в. был 40 лет (для сравнения: в Англии — 50 лет, а в Индии — 30).

Перхин работал ювелиром, включая ученичество, 25 лет. Он получил хорошее ремесленное образование. Очень вероятно, что учился он у своего тестя — золотых дел мастера Владимира Яковлевича Финикова, одного из ведущих мастеров фирмы «Болин», конкурировавшей с фирмой Фаберже. В 1884 г. родилась первая дочь, Евгения Михайловна, следовательно, женился Михаил Перхин в 1883 г. Биографии М. Перхина нет до сих пор, хотя его короткая биография впервые отмечена в 1907 г. в книге А. фон Фелькерзама «Описи Императорского серебра»⁶. В 1936 г. в БСЭ (1-е изд.) в статье «Фаберже», исходя из классового подхода, отмечено, что М.Е. Перхин был крестьянином⁷. С 1950-х гг. стали доступны для

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Наумов Д. Мастер фирмы Фаберже. [Интервью с В. Скурловым] // Карелия. 2010. № 120 (2135). С. 29.

⁶ Фелькерзам А. фон. Описи Императорского серебра. СПб., 1907.

⁷ Фаберже // Большая Советская Энциклопедия. М., 1936.

обозрения Императорские Пасхальные яйца работы Фаберже — Перхина в коллекции Оружейной палаты Московского Кремля. С середины 1970-х гг., в связи с развёртыванием антикварной торговли вещами Фаберже, на аукционах стали появляться многочисленные вещи работы Перхина, вызывая изумления знатоков и любителей ювелирного искусства. Это прибавило знаний о многогранной творческой деятельности мастера, но биография его оставалась неизвестной. Мемуары Франца Бирбаума, главного мастера фирмы Фаберже, найденные в 1989 г., прибавили к характеристике мастера, но внесли некоторые неточности (якобы прибыл «мальчиком», «безграмотный»⁸), которые, вполне возможно, опровергнуты последними архивными исследованиями⁹.

Из мемуаров Франца Бирбаума: «Мастерская Перхина производила чеканные и гравёрные работы, оправы нефрита и других сибирских каменных работ. Производство это было очень значительное, лучшие золотые работы фирмы изготовлялись в этой мастерской. Владелец её Перхин заслуживает, чтобы о нём сказано было несколько слов. Уроженец Олонецкой губернии, он прибыл в Петербург ещё мальчиком без всякого образования, по всей вероятности даже безграмотный, он упорным трудом и сметливостью сумел выбиться из подмастерьев в мастера, организовать с помощью фирмы мастерскую и привлечь к себе способных работников по всем специальностям производства. Соединяя в себе громадную трудоспособность, знание дела и настойчивость в преследовании определенных технических задач, он высоко ценился фирмой и пользовался редким авторитетом среди подмастерьев. За короткий сравнительно срок он нажил порядочное состояние, но не успел им воспользоваться, умер в больнице для душевнобольных в 1903 году. По смерти его, мастерская перешла в ведение старшего его подмастерья и товарища по ученью Г. Вигстрема»¹⁰. Бирбаум продолжает далее, что «мастера-владельцы мастерских были автономны в ведении хозяйства своих мастерских, и фирма редко вмешивалась в отношения между мастерами и подмастерьями. Обычно мастера были хозяевами-эксплуататорами, но были и исключения. К тако-

⁸ Фаберже Т.Ф., Горыня А.С., Скурлов В.В. Указ. соч. С. 15.

⁹ Демкина Е.Н. Биография Михаила Евлампиевича Перхина // Скурлов В.В., Фаберже Т.Ф., Демкина Е.Н., Квашинин С.Н. Михаил Перхин — ювелир фирмы Фаберже. Кавалеры Ордена Перхина. СПб., 2011. С. 13–16.

¹⁰ Фаберже Т.Ф., Горыня А.С., Скурлов В.В. Указ. соч. С. 16.

вым относился Михаил Перхин. Он был лучший работник своей мастерской, лично работал за верстаком и любил своё ремесло. Перхин был художественной натурой».

В 1898 г. при выборе присяжных мастеров (принимających экзамены на звание мастера) Михаил Перхин был рекомендован на более важную должность — сборщика податей среди ремесленников, так как пользовался большим авторитетом и отличался честностью¹¹.

Отходничество характерно для близлежащих к Петербургу губерний. Из маленькой по численности населения Олонецкой губернии в Списках подмастерьев Серебряного цеха за 1903—1905 гг. находим фамилии семи олончан, в том числе Исакова — возможно, земляка Перхина — крестьянина деревни Окуловская¹², который наверняка работал у М. Перхина. Границы губернии тогда были иными, не совпадающими с границами современной республики Карелия. В частности, из Олонецкой губернии происходит ведущий мастер-ювелир фирмы «Болин» Николай Черноков. По сведениям историка проф. Н. Юхнёвой, из 100 олончан, работавших за пределами своей губернии, 49 работали в Санкт-Петербурге, в Архангельской губернии показатель — 39, в Новгородской — 59, в Вологодской — только 19. Многие мастера и подмастерья-финляндцы, работавшие в Петербурге, получали квалификацию в Великом княжестве Финляндском, в отличие от олончан, которые обучались этой сложной профессии непосредственно в Петербурге, как Михаил Перхин.

Перхин был долгое время единственным православным мастером среди финнов и петербургских немцев — руководителей других мастерских фирмы «Фаберже». Становлению Перхина как мастера и петербуржца способствовала женитьба на дочери видного ювелира города. Тестем Перхина был работавший для фирмы «Болин» Владимир Яковлевич Фиников, родственники которого владели модным магазином в самом центре Петербурга¹³, а дядя жены, Василий Фиников, был гравёрных дел мастером и жил в том же доме на Гороховой улице, 33, где работали мастер-эмальер фирмы Фа-

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 5312. М.Е. Перхин предложен кандидатом на вакансию сборщика податей.

¹² Демкина Е.Н. Указ. соч. С. 34—37.

¹³ Весь Петербург. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1904 г. СПб., 1904.

берже Бойцов и гравёр Костылев. Там же жил и работал партнёр фирмы Александр Котлер, снабжавший Фаберже драгоценными камнями¹⁴. Сын Василия Финикова владел типо-литографией¹⁵. Перхин и Татьяна Владимировна были крёстными отцом и матерью Генрика Вигстрёма, у которого тоже было пять детей. Именно Вигстрёму Перхин завещал мастерскую.

У М. Перхина было пятеро детей: четыре дочери и сын Михаил. История семьи Перхина связана с Царским Селом, центром Петербурга (Кирпичный пер., д. 6 и Б. Морская улица, д. 11 и д. 24), Васильевским островом и Петроградской стороной.

Сын Михаил Михайлович (1894—1941) учился в Царскосельском реальном училище, а в 1907—1908 гг. — в реальном отделении гимназии Карла Мая на Васильевском острове. В 1922—1937 гг. Михаил Михайлович работал в физической лаборатории Военно-Морского училища им. Дзержинского, а затем в той же должности в ленинградском университете им. Бубнова. Две старшие дочери Михаила Перхина, Евгения (1884—1932) и Зинаида, держали в 1909—1910-х гг. модный магазин на Каменноостровском пр., 16 и проживали на улице Б. Дворянская, 33. Они были замужем, в канун революции 1917 г. переехали в Грузию. Муж Зинаиды был городским головой в Гори. Для Евгении это был второй брак. Первым браком она была за Подкопаевым — коллежским секретарем¹⁶, ребёнок Владимир умер в 1908 г. Второй муж Евгении — Георгий Евсеевич Бадриашвили (1881—1961) из потомственных грузинских дворян, окончил в 1910 г. юридический факультет СПб университета, его мать — немка. В 1910 г. родился сын Константин Бадриашвили, а затем ещё четверо детей. Интересна судьба потомков Перхина. Сын Константина Анатолий Бадриашвили (1947 г.р.) окончил тбилисскую Академию художеств, в 1992—1999 гг. проживал в Чехии, в настоящее время — в Канаде, имеет собственное ателье, специалист по художественному металлу.

Внук от третьей дочери Михаила Перхина Александры Михайловны Перхиной- Боды (1896—1979), которая, выйдя замуж, перешла в сословие дворянок (с 1950 г. жила в США), Георгий Александрович Петрофф (1959 г.р.) проживает в Нью-Мехико,

¹⁴ Фаберже Т., Скурлов В. История фирмы Фаберже. СПб., 1993.

¹⁵ Весь Петербург. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1904 г.

¹⁶ РГИА. Ф. 138. 1903—1904 гг. (О Фёдоре Александровиче Подкопаеве).

учился в университете, служил в Сити-банке, менеджер по продаже сотовых телефонов. Оба заокеанских правнука предоставили материалы для книги «Михаил Перхин — ювелир фирмы Фаберже. Кавалеры Ордена Перхина», первой научной биографии великого мастера. Второй раздел книги — это биографии 222 кавалеров Ордена Перхина из 16 стран. Эта награда была учреждена в 2009 г. Мемориальным фондом Фаберже. Это единственный в мире ювелирный «мастерский» орден. Биография Михаила Евлампиевича Перхина поучительна. Он из числа самородков, которые «сделали сами себя». Молодой человек из села стал ювелиром мирового уровня, великим петербуржцем, создал шедевры, которыми гордится Россия.

Приложение 1.

Список значительных произведений, созданных мастерской Михаила Перхина.

- ♦ Императорские Пасхальные яйца: 1885—1904 гг., и 1906 г. — исполнены к Пасхе 1904 г., не вручены вовремя из-за Русско-Японской войны. Местонахождение 7 яиц неизвестно.
- ♦ Пасхальные яйца по заказу А.Ф. Кельха — подарки супруге Варваре. 1898—1904 гг.
- ♦ Пасхальные яйца «Мальборо», «Ротшильдовское», «Скандинавское». Все 1902 года.
- ♦ Часы к серебряной свадьбе Императора Александра III и его супруги Марии Фёдоровны, 1891 г. За эту и другие работы глава ювелирной фирмы Карл Фаберже получает орден св. Анны III степени.
- ♦ Табакерка для Бисмарка, 12225 руб., 1889 г.
- ♦ Табакерки по заказу Кабинета Его Величества, в т.ч. табакерка для кардинала Рамполли (1902), табакерка для президента Франции Лубэ и французских министров, 1902 г. Серия табакерок для придворного педиатра Отта. Все портретные и вензелевые табакерки.
- ♦ Корзинка с цветами-ландышами — подарок Императрице Александре Фёдоровне от сибирских торговцев металлом на Нижегородской ярмарке 1896 г. Эта корзинка всегда находилась в кабинете Императрицы Александры Фёдоровны.
- ♦ Серия срочных работ к 1894 г. к свадьбам вел. кн. Ксении Александровны (апрель) и Наследника-Цесаревича Николая (октябрь). За работу в 1894—1895 гг. Михаил Перхин награждён званием Личного почетного гражданина.
- ♦ Серия настольных часов, в основном по заказу Императорской фамилии.
- ♦ Кабинетские подарки к вояжу Наследника-Цесаревича в 1891 г.
- ♦ Кабинетские подарки к коронации Николая II, май 1896 г.
- ♦ Художественно-промышленная выставка в Нижнем Новгороде (1896), посвящённая коронации. Фирма Карла Фаберже получила высшую награду — право изображения Государственного герба.
- ♦ Работы для Парижской выставки 1900 г., за что М.Е. Перхин удостоен бронзовой медали. Карл Фаберже получил французский орден Почётного легиона за работу в жюри.
- ♦ Работы для выставки в Копенгагене, 1888 г. Глава фирмы Карл Фаберже получил по итогам выставки орден св. Станислава III степени (1889).
- ♦ Работы для выставки в Стокгольме, 1897 г. Глава фирмы Карл Фаберже получил звание «Придворного ювелира Короля Швеции и Норвегии».
- ♦ Выставка произведений фирмы «Фаберже» в Петербурге в доме барона фон Дервиза, 1902 г.
- ♦ Работы для болгарского Великого князя Фердинанда. Глава фирмы Карл Фаберже удостоен болгарского ордена «За гражданские заслуги», 1902 г.
- ♦ Работы к 200-летию Санкт-Петербурга, 1903 г.

В.М. Глушкова

Императрица Елизавета Петровна и Рыбацкая слобода

Рыбацкая библиотека в начале 1990-х гг. выбрала краеведение основным направлением своей деятельности. Собранные нами к тому времени краеведческие материалы, документы, переданные музеем истории города, и часть архива школьного музея 348-й школы старого села Рыбацкого позволили открыть в 1998 г. на небольшом участке взрослого читального зала экспозицию «От Рыбной слободы до нового Рыбацкого». В 2001 г. в библиотеке открыто новое структурное подразделение — зал истории и краеведения. Библиотека выпускает литературный и историко-краеведческий альманах «Рыбацкая слобода» и библиографическое издание «Люди земли Рыбацкой». В историко-краеведческом зале ежегодно проходят краеведческие чтения «Рыбацкое: от истоков к будущему», в которых принимают участие юные и взрослые исследователи. У нас работает клуб «Память рода» по изучению родословной. Мы тесно связаны со старожилами, координируем краеведческую работу, что создает условия для участия в изучении интереснейшей истории маленького пригорода — Рыбацкой слободы, в выявлении утраченных памятников и сохранении оставшихся исторических объектов.

История Рыбацкой слободы начинается с 1716 г., когда Пётр I переселил на берега Невы рыбаков из замоскворецких дворцовых волостей — из сёл Дединово, Ловцы, Любицы, Белоомут. Им дозволено было высочайшим указом «от Санкт-Петербурга до Шлиссельбурга и Берёзовых островов, в морях и реках, и озёрах, опрочь тех озёр, которые в середине дач, невозбранно и безоброчно рыбу ловить» к царскому столу и для всенародной пользы. Так на землях Царской мызы, между речками Мурзинкой и Славянкой, появились поселенцы с коренными рыбацкими фамилиями.

Рыбацкая слобода — царская вотчина, и на протяжении всего XVIII в. её делами занимается ведомство Царскосельской конторы. Кроме рыбной ловли жители слободы прокладывали дороги, заготавливали дрова для Царскосельского дворца, кололи на Неве, возили и заполняли дворцовые погреба льдом, косили сено для царских конюшен, служили при дворце, содержали воинские команды и выполняли многие другие обязанности. Рыбацкая слобода уже в петровские времена известна тем, что на её территории в устье реки Славянки у Столобенского человека был кирпичный заводик, на котором производились кирпичи для первых каменных строений новой столицы.

В собственной вотчине царские особы останавливались, путешествуя в Царское Село: в загородную резиденцию тогда приходилось плыть по Неве, а затем по Славянке. Позднее вдоль этих рек будет устроена дорога по суше.

В слободе в конце 1710-х гг. существовал деревянный путевой дворец для высочайших особ, который упоминается в «Кратком историко-статистическом описании Санкт-Петербурга» И. Пушкарева и подтверждается архивными данными о заготовке в 1726 г. дров крестьянами Рыбной слободы «во оной слободе при доме Ея Императорского Величества»¹.

В краеведческой публицистике неоднократно упоминается деревянный охотничий дворец императрицы Елизаветы Петровны в Рыбацкой слободе и зверинец, где она охотилась. Елизавета Петровна жила в Царском Селе, будучи цесаревной. Тогда она вела жизнь тихую, уединённую, вдали от двора и столицы, любила природу. С юности была близка к простому народу: на масленице могла коротать время на простых деревенских посиделках, слушая простонародные песни. По вступлении на престол указом Её Им-

¹ РГИА. Ф. 938. Оп. 1. Д. 153. Л. 2–2об.

ператорского Величества от 19 февраля 1742 г. крестьяне, приписанные к Царскому Селу, на два года были освобождены от всяких работ и повинностей.

С юных лет одной из её любимых забав была охота на тетеревов и соколиная охота. Императрица любила Рыбачью слободу, расположенную вблизи живописной излучины Невы. Вдоль берега Невы раскинулся косогор — излюбленное место охоты царицы.

Для нас было загадкой место расположения дворца. Известно, что это бывшие хоромы Миниха, которые в разобранном виде с Васильевского острова были переправлены по Неве в Рыбачью слободу и собраны вместо «обветшавшего путевого дворца Екатерины I на берегу Невы, рядом с пристанью». В 1805 г. академик Озерецковский отметил, что берег здесь отличается обилием многообразных трав, которые развелись от выгружаемого с судов сена².

Современному жителю трудно привязать к месту какие-либо описания мест старинного села. От живописного рельефа: оврагов, прудов, горок и косогоров ничего не осталось. В наше время нельзя опереться и на устные исторические предания старожилов, так как нарушена связь поколений, проживших на одном месте 270 лет и расселенных по всему городу в результате застройки старого села новым микрорайоном. Можно предположить, что одно из таких преданий дало основание коренному жителю Рыбачьего краеведа Виктору Петровичу Казарину в собственном альбоме по истории Рыбачьего на фотокопии рисунка М. Рашевского из книги М. Пыляева «Забывшее прошлое окрестностей Петербурга» справа поставить стрелку с надписью «Дворец Елизаветы»³.

С пребыванием царицы в слободе связана история Рыбачьей Покровской церкви. Она дала деньги на строительство первого деревянного храма. Престол церкви был освящён 12 января 1744 г. в честь Покрова Пресвятой Богородицы духовником Елизаветы Петровны иереем Фёдором Дубянским в присутствии самой императрицы. В историческом очерке настоятеля храма о. Фёдора Флоровского содержится упоминание о церкви: «До нынешнего каменного храма, здесь по преданию, существовал храм деревянный. От него остались две, вероятно, от иконостаса, иконы, высотой в 1 ар-

² Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996. С. 75.

³ Казарин В.П. О Рыбачьей. 1716–1986. Альбом. 47 л. — Архив историко-краеведческого зала Рыбачьей библиотеки.

шин и шириною в 13 вершков. На одной изображён царь Давид, на другой — свидание Божией Матери с Елизаветою»⁴. В цитируемом упоминании содержится конкретное описание икон, одна из которых изображает святую покровительницу императрицы Елизаветы Петровны.

Существовало предположение, что прямо от дворца отходили просеки — дороги зверинца, соединявшие Царское Село с Рыбачьей слободой. В направлении этих дорог будут проложены улицы Казанская и Косая в старом селе. От Казанской улицы, кроме воспоминаний, на территории современного Рыбачьего остался маленький кусочек, разделяющий старое Рыбачье Казанское кладбище. Если продолжить направления Косой и направление Казанской улицы, то мы увидим, что это будет отрезок берега. Улица Косая в своем продолжении подойдет к маленькому мысу. На правом берегу, по прямой линии от этого мыса, продолжается дорога, которую до 1920-х–1930-х гг. ещё называли «царской»⁵.

Смушало то, что в воспоминаниях у жителей старого села не осталось упоминаний о существовавшей здесь некогда пристани. В старом Рыбачьей она находилась совершенно в другом месте.

В 2004 г. на краеведческих чтениях «Рыбачье: от истоков к будущему» в работе, посвящённой истории Покровской церкви, были использованы следующего содержания и очень важные для нас сведения о Миниховых хорамах — охотничьем дворце императрицы Елизаветы Петровны.

По указу императрицы от 7 ноября 1743 г. дом Миниха был перевезён на пяти барках в разобранном виде в Рыбную слободу. Разбирал дом столяр Тимофей Стрелников с десятью помощниками. Руководил этой работой командор Локтев. За работы по сборке дома в Рыбачьей слободе отвечал архитектор гезель Григорий Дмитриев.

Состояли хоромы, как говорилось в документах Канцелярии Её Императорского Величества, из двух домов шириною 8 сажень, длиною — 14. Поставили их на месте старого дворца, «лицом на север, справа от пристани, правой стороной на восток к церкви». Дворцовые службы — здания для поваров, выпечки хлеба, варки

⁴ Историко-статистические сведения по Санкт-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884. С. 126.

⁵ Атлас реки Невы от Санкт-Петербурга до Ладожского озера, составленный по новейшим исследованиям при Гидрографическом Департаменте. 1863. Л. 7.

кофе, помещения для людей — располагались по западной стороне дворца. Поставлены хоромы были на месте старого императорского путевого дворца. Для сборки Миниховых хором был нанят плотник Степан Филипов. Дом сначала был поставлен на столбах, каменный фундамент был подведён позднее.

В доме были устроены погреб и надпогребницы. Топился он изразцовыми печами. Хоромы имели 35 окон с ямбургским стеклом. В хорах было около 11 покоев и две двери с таким же стеклом. Стены, наличники, пилястры и кровля были покрашены чёрной и белой краской и светлой охрой. Изнутри стены были обиты холстом. Дворец имел двое сеней. Хоромы были обнесены оградой с двумя воротами: одни выходили на улицу, другие к Неве. При дворце имелись свои мыльни, пристань, сараи, конюшни⁶.

При поиске родословной Бессоновых, коренных жителей Рыбацкого, Елена Юрьевна Леонова, участница заседаний нашего клуба по генеалогии, обнаружила в РГДА план Рыбацкой слободы 1745 г. На нём есть изображение не только дворца Елизаветы Петровны, но и места поселения первых жителей Рыбацкой слободы⁷.

Документальное подтверждение существования пристани на интересующем нас мысе мы получили в результате нашей совместной работы с Общественным Советом МО Рыбацкое. При выявлении сведений по уничтоженному в советское время Покровскому кладбищу в архиве треста ГРИИ управления по делам архитектуры Ленгорисполкома была обнаружена карта Рыбацкого, датированная 6 августа 1924 г. На карте — мыс, сейчас частично размытый, с обозначением пристани. Следующим этапом исследовательской работы должно быть проведение археологических раскопок по уточнению исторического объекта. Тем более что под хоромы был подведён каменный фундамент. С глубоким сожалением нужно констатировать несостоятельность продолжения исследовательской работы.

В 2008 г. этот участок был передан строительной компании ООО «Плаза Нева» для строительства на нём технического центра

⁶ РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 244. Л. 89 репорт Локтева в Канцелярию от строений 15.02.1744; Д. 241. Л. 33 приговор от Канцелярии от строений о заготовке стёкол, 5.12.1743.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Д. 16702. Кн. 53 «Дело о межевании земель дворцовой рыбной слободы». 1745 г. Л. 35 «План дачам на Выборгской стороне Рыбачей слободы и бывшего генерал-майора Синявина».

по обслуживанию и хранению яхт. Начались строительные работы, и с территории, на которой находился когда-то охотничий дворец императрицы Елизаветы Петровны со службами, было вывезено если не сотни, то десятки машин грунта.

Успели отстоять территорию, где когда-то находилась Покровская церковь. В 2001 г. были проведены раскопки по определению границ утраченного храма. Определена мемориальная зона, не подлежащая застройке⁸. На месте уничтоженного в 1930-е гг. храма была построена, как когда-то, маленькая деревянная церковь, престол которой был освящён 4 января 2006 г. Среди первых икон храма оказалась маленькая икона «Встреча Божией Матери с Елизаветой», доставленная кем-то из Иерусалима.

Список утраченных исторических объектов, включённых в историко-архитектурную опорную схему, должен бы пополниться обозначением дворца императрицы Елизаветы Петровны, хозяйки царской вотчины — Рыбацкой слободы.

⁸ КГИОП. Историко-архитектурная схема. СПб, Невский район. Рыбацкий пр., 12 Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Экспликация исторических границ участка (утрачено), №7/9200 от 21.12.2001 г.

Е.А. Тимофеева-Козлова

Духовное завещание героя Отечественной войны 1812 года П.П. Коновницына

В Военной галерее Зимнего дворца рядом с ростовым портретом Барклая-де-Толли находится портрет генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, с которым они плечом к плечу прошли всю кампанию 1812 г., будучи верными единомышленниками.

П.П. Коновницын — один из наиболее ярких представителей своего рода. Существует множество материалов по биографии Петра Петровича Коновницына, его имя часто встречается в общих работах по истории Отечественной войны 1812 г., почти во всех мемуарах участников кампании 1812—1815 гг.,¹ в т.ч. и французов². Хорошо известны исследователям записки адъютантов Петра Петровича А.И. Михайловского-Данилевского³, историка Отечественной войны 1812 г., впоследствии видного государственного деятеля, и А.А. Щербинина — офицера штаба при Коновницыне. Истории рода Коновницыных посвящены труды видного псковского краеведа, доктора исторических наук С.П. Иванова. В отечественной историографии заслуживает большого внимания также статья Вячеслава Корды, опубликованная в юбилейном сборнике 1987 г. «Герои 1812 г.»⁴, посвящённая П.П. Коновницыну. В этом ряду

¹ *Военский К.* Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911.

² Отечественная война 1812 г. в записках иностранцев. М., 1988.

³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Записки 1815 г. СПб., 1831.

⁴ *Корда В.* П.П.Коновницын // Герои 1812 года. М., 1987.

особо следует отметить фундаментальный труд внука героя, А.И. Коновницына, «Подвиги славных предков», изданный к 100-летию Отечественной войны 1812 г.⁵

На первый взгляд, в биографии П.П. Коновницына нет белых пятен, она хорошо изучена, но, на взгляд автора, это имя известно более в узких кругах специалистов, нежели широкой аудитории. Красной нитью всех мемуаров и исследований о Петре Петровиче проходит неподдельное уважение авторов к личности героя. В процессе работы над темой автором статьи было изучено большое количество как источников, так и монографий и общих работ, в которых перед нами предстаёт истинный христианин, так проживший свою жизнь, что только одно упоминание имени его было синонимом чести, доблести, великодушия и вместе с тем здравого смысла. Об этом свидетельствует и то безграничное доверие, которым он пользовался у разных слоёв общества: от простого солдата до главнокомандующего и императора. Даже спустя сто лет в его родном 144-м пехотном Копорском полку была жива память о «добром генерале», о чём свидетельствует памятный надгробный знак, отлитый из чистого серебра и преподнесённый потомкам от 144-го Копорского полка в честь 100-летия Отечественной войны 1812 г. Речь в данной статье пойдёт об уникальных человеческих качествах П.П. Коновницына и о том, какое влияние он оказал на духовное развитие русского высшего общества 1-й половины XIX в. Бескорыстно и преданно сражаясь за Родину, он являет собой пример русского солдата. Военную карьеру начинал ещё при Суворове. При Павле I был отставлен от службы в чине генерал-майора. На восемь лет Коновницын поселяется в родовом поместье Кярово под Гдовом, занимаясь сельским хозяйством и наукой. В 1806 г. император Александр I изъявляет желание, чтобы Коновницын поступил на действительную службу. С тех пор до конца жизни Коновницын уже не снимает военного мундира. В войне за Финляндию получает чин генерал-лейтенанта. Позже назначен командующим 3-й дивизией.

В начале 1812 г. после осмотра войск император Александр I высочайшим указом ставит 3-ю дивизию Коновницына в пример всей армии. Вверенные ему солдаты ни в чём не нуждались. Во время отступления русских войск в начале кампании 1812 г. воз-

⁵ *Коновницын А.И.* Подвиги славных предков в годину Отечественной войны 1812 г. СПб., 1912.

главлял аррьергард. Во время жесточайших схваток под Смоленском Коновницину приходилось иметь дело с Наполеоном, удерживая его на позициях до трёх суток. В день Бородинского побоища после ранения Багратиона Коновницын принимает на себя командование второй армией и ведёт бой в самом центре поля битвы. Приказом 6-го сентября Пётр Петрович назначен дежурным генералом всех российских армий, и до окончания Отечественной войны Коновницын был правой рукой Кутузова.

А.И. Михайловский-Данилевский писал: «Генерал Коновницын в нашей армии являл собою модель храбрости и надёжности. Этот человек, достойный уважения во всех отношениях, сделал больше чем любой другой генерал для спасения России, и эта заслуга сейчас забыта <...>. После того как врагу была сдана Москва наша армия находилась в состоянии полной дезорганизации, когда все отчаивались в спасении Родины <...> ему удалось сформировать из самой разбредшей, самой дезорганизованной армии, первую армию мира, которая побивала Наполеона. Коновницын был один из всех, сохранивший присутствие духа и ясность ума»⁶. Заслуги П.П. Коновницына в Отечественной войне 1812 г. невозможно переоценить, но, на наш взгляд, им не уделяется достаточного внимания в отечественной историографии. К сожалению, в рамках данной статьи у нас нет возможности более полно осветить его роль в кампании 1812 г.

Во время заграничного похода русской армии П.П. Коновницын был назначен высочайшим повелением наставником и воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей, которого они называли своим «дядькой». В записках А.И. Михайловского-Данилевского 1815 г. читаем: «К достопамятностям пребывания нашего в Гейдельберге относится также приезд туда Великих князей (Н.П. и М.П.). Бывший при воспитании их <...> генерал Ламздорф, возвратился в Россию и место его занял Коновницин <...>. Достойная награда тому, кто в великом деле освобождения России снискал себе бессмертное имя»⁷. В Рукописном фонде РНБ хранится переписка П.П. Коновницына и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, относящаяся ко времени заграничных походов русской армии. В первом письме императрицы читаем следующее:

⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. СПб., 1845–1849. Т. 1.

⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Записки 1815 г. С. 20.

«Пётр Петрович, <...> доверие императора <...> выбором вашему сопровождению братьев его <...> доказанное, личное моё с вами знакомство, всё сие даёт мне совершеннейшее удостоверение, что <...> не могут они быть переданы лучшему путеводителю не поле славы, как вам. Ваше служение, известное в армии, ваше руководство, <...> и советы подадут сыновьям моим подлинное понятие о звании воина и полководца»⁸. Это лишь один из многочисленных лестных эпитетов, встречающихся в письмах Марии Фёдоровны. Пётр Петрович был чужд гордыне и славе, и это ещё одна из причин, по которой его имя не так ярко блистает в плеяде государственных деятелей. Из переписки видно, что Коновницын был настолько приближен к императорской фамилии, что занимался отбором литературы и развлечений для великих князей и принимал активное участие в помолвке великого князя Николая Павловича.

В 1816 г. Коновницын для своих воспитанников написал что-то вроде духовного завещания. Письмо можно прочесть в Русской старине за 1870 г. Вот некоторые выдержки из текста, заслуживающие особого внимания: «<...> для благих и полезных подвигов ум напитан должен быть добрыми познаниями, а сердце должно быть наполнено добрыми правилами; следуйте всякий день свои поступки; одно слово может сделать вред человеку на весь век; вы окружены подражателями, особенно в тех предметах, которые обольщают их страсти»⁹. В письме Пётр Петрович советует своим воспитанникам никого не оскорблять, избегать льстецов, не быть высокомерными, не вступать в войну, а если придётся, то делать это с крайним сожалением». Письмо в лаконичной форме содержит такие рекомендации, которые должны быть предметом постоянного изучения современных власть имущих.

На заграничных походах карьера Петра Петровича не заканчивается. В 1815 г. он был назначен военным министром ввиду большого беспорядка в данном ведомстве. Несмотря на всё ухудшающееся самочувствие, Пётр Петрович блестяще справляется со своими обязанностями. За сохранение казённых средств и экономное

⁸ Императрица Мария Фёдоровна. Письма к генерал-лейтенанту П.П. Коновницину (13 писем). СПб., 1814–1815 гг. // РНБ. Рукописный отдел. Ф.143 (архив Г.И. Вилламова). Д. 214.

⁹ Коновницын П.П. Письмо Великим князьям Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу. 1816 г. // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 514–517.

ведение дела получил алмазные знаки Ордена Александра Невского. В 1817 г. произведён в генералы от инфантерии. В 1819 г. назначен главным директором всех императорских учебных заведений, включая Царскосельский лицей. Он душой и сердцем сблизился со своими воспитанниками, в свою очередь, они видели в нём пример истинного сына Отечества. При всей взыскательности к их поступкам он сумел приобрести их любовь и уважение. В том же 1819 г. назначен членом Государственного совета по военной части и пожалован в графское достоинство с правом передачи по наследству¹⁰.

С 1815 г. Пётр Петрович Коновницын с семьёй постоянно проживает в Петербурге, но большая часть жизни его и семьи прошла в родовом гнезде — имении Кярово под Гдовом, где П.П. Коновницын завещал себя похоронить. После тяжёлого ранения, полученного во время заграничных походов русской армии 1813–1815 гг., он тяжело болел, но продолжал служить Отечеству. 58 лет от роду 28 августа 1822 г. он скончался на загородной даче по Петергофской дороге. Это была невосполнимая утрата, отозвавшаяся резонансом во всех слоях Петербургского общества. Великий князь Николай Павлович почтил присутствием похороны своего «дядьки», лично участвуя в выносе гроба¹¹. Сразу после чина отпевания в церкви Кадетского корпуса тело Петра Петровича по его завещанию было отправлено в милое его сердцу Кярово. За городом, между заставою и новыми триумфальными воротами, была воздана ему последняя воинская почесть — артиллерийский салют. По свидетельству очевидцев, во всем городе царило уныние¹².

Кяровская Покровская церковь была построена при Санкт-Петербургском губернаторе П.П. Коновницыне, отце героя, в 1789 г. Памятник можно отнести к раннему классицизму. Церковь изначально строилась не только как домовая церковь, но и как родовая усыпальница. Вернее сказать, перестраивалась, т.к. начале XVIII в. на этом месте уже находилась церковь Покрова Пресвятой Богородицы, которая служила родовой усыпальницей рода Коновницыных. Слева от соеи находится двойное надгробие из чёрного мрамора, под которым покоятся тела Петра Петровича и Анны Ивановны (урождённой Дондуковой-Корсаковой), скончавшейся в 1843 г., остальные захоронения вмурованы в стены и в пол. Возле

¹⁰ Коновницын А.И. Указ. соч.

¹¹ Там же. С. 124.

¹² Там же.

церкви похоронены два сына Петра Петровича — Григорий и Алексей, и дочь Софья.

Старший сын Коновницыных, также по семейной традиции названный Петром, подававший большие надежды гвардейский офицер, принял участие в восстании 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. Традиционно считается, что этот факт послужил одной из причин замалчивания заслуг Петра Петровича Коновницына перед Отечеством. В этом чувствуется горькое разочарование императора Николая Павловича, что сын одного из самых близких ему людей оказался в числе восставших. После восстания Пётр Петрович-младший был разжалован и сослан на Кавказ. Несчастливая мать переехала как можно ближе к сыну в родовое имение Гораи под Харьковом. За отличие в боях по её ходатайству он был отпущен в отпуск к матери, но по дороге скончался от малярии.

Дочь Елизавета была замужем за декабристом М.М. Нарышкиным, одна из первых последовала за мужем в Сибирь. Сейчас в их доме в Кургане находится музей декабристов. Похоронена в родовой усыпальнице Нарышкиных в Донском монастыре в Москве. Род Коновницыных продолжился от третьего сына — Ивана Петровича, поселившегося в Кярово навсегда. Усадебный дом утрачен, не существует более деревень Кярово и Алексеевская. Примечателен тот факт, что Покровская церковь не только сохранилась, но всегда была действующей, её интерьер почти полностью сохранился, могилы не были осквернены. Некоторые картины из интерьера церкви, как удалось установить автору, могли быть подарены имп. Екатериной II Санкт-Петербургскому губернатору П.П. Коновницыну — отцу героя¹³. Иконы в церковном иконостасе происходят из церкви Александра Невского Аничкова дворца и были пожалованы великим князем Николаем Павловичем¹⁴. Иконостас также сохранился. Храмовая икона Покрова Пресвятой Богородицы была украдена в 1980-гг. Некоторые ценные иконы, в том числе образок Николая Чудотворца, с которым Пётр Петрович не расставался всю кампанию 1812 г., были переданы на хранение в Псковский музей-заповедник¹⁵, но в данный момент их

¹³ Тимофеева-Козлова Е.А. Судьбы России. Род Коновницыных // Путешествие по России (<http://rusjourn.ru/page.php?id=147>).

¹⁴ Историко-статистические сведения по Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1885. Вып. X. С. 147.

¹⁵ Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

судьба неизвестна. Одной из причин, по которой история храма не освещалась достаточно, служит тот факт, что храм не был охраняемым объектом. Вблизи нет человеческого жилья, до недавнего времени в храме отсутствовала не только сигнализация, но и телефон и, собственно, дорога. При такой ситуации автор, исходя из принципа «не навреди», не считала возможным привлекать внимание широкой общественности. Сейчас на территории храма живёт семья священника, они обеспечивают вполне достойный уход за храмом и кладбищем, но это по-прежнему остается их приоритетом.

В годину страшных испытаний Пётр Петрович сумел стать подлинной опорой государства, его благородство и «дум высокое стремление» оказали огромное влияние на формирование личности будущего императора Николая Павловича, его ближайшего окружения. Уставы кадетских корпусов до сих пор основываются на его заветах. Наш долг потомков — не только хранить благодарную память, но в первую очередь как можно шире популяризировать жизнь таких людей, воспитывая на их примере подрастающее поколение. Мы обязаны сохранять и крупницы памяти, оставшиеся нам в наследство. Усадебный комплекс Кярово нуждается в срочной музеефикации. В год 200-летия Отечественной войны 1812 г. проблема достойного сохранения памяти героев является для нас по-прежнему приоритетной.

О.П. Вареник

История первой картины Микешина (М.Микешин в Стрельне)

В советское время о творчестве Микешина и о его некогда многочисленных памятниках публиковалось мало. Почти все его скульптурные работы после 1917 г. были уничтожены, т.к. в них «патриотический пафос сочетался с идеями самодержавия и православия»¹, которые были чужды главенствующей тогда коммунистической идеологии. Только о совсем знаменитых памятниках, ставших символами городов, вынужденно и вскользь упоминалось о его авторстве, например, о «народном памятнике Тысячелетию государства Российского» в Новгороде², Екатерине II в Ленинграде³, Богдану Хмельницкому в Киеве, да и то с оговорками: «Тот факт, что на официальных конкурсах получали предпочтение проекты Микешина-рисовальщика, а не скульпторов-профессионалов, свидетельствовал о снижении роли монументальной скульптуры в России...»⁴.

Михаил Микешин с детства отличался необычайными способностями в рисовании. Уже в четырёхлетнем возрасте он так искусно перерисовывал фигуры из колоды карт, что невозможно было их отличить от настоящих. Это вызывало сильное впечатление и тревожное любопытство во всём барском имении родителей. Чтобы прекратить

¹ Большая Советская Энциклопедия. DVD-ROM. Медиалэнд. 2005.

² Новгород. Краткий очерк истории города. Л., 1985. С. 112.

³ Калинин Б.Н., Юрьевич П.П. Памятники и мемориальные доски Ленинграда. Л., 1979. С. 267.

⁴ Савинов А. Микешин. М., 1971. С. 3.

ненужные толки и направить одарённого подростка в нужное русло, он был отдан учиться рисованию и живописи к местному иконописцу, затем в гимназию в Смоленск, по окончании которой Микешин устроился на работу копиистом (чертёжником) в контору по строительству Московско-Варшавского шоссе, проходившего через Рославль. Бумаги и чернил было вдоволь, и молодой художник с превеликим удовольствием предался своей страсти. В свободное время он брал уроки у живописца А.Е. Рокачевского. Эта учёба кончилась тем, что учитель породнился с учеником, женившись на его сестре, и в благодарность судьбе написал портрет ученика.

Слухи о необычном чертёжнике-художнике дошли и до Главного подрядчика строительства участка дороги Александра Вонлярлярского. Тот заинтересовался самородком и забрал его со стройки к себе в смоленское имение Вонляррово для его благоустройства. Восхищённый его работами, благотворитель решил взять на себя заботы и о его художественном образовании. Привезя его в Петербург, представил своему младшему брату, известному писателю Василию Вонлярлярскому. Работы молодого художника, как и сам земляк, понравились мэтру. «Благосклонные знакомые» решили помочь ему в получении образования и устроить учиться в Академию художеств⁵.

Искущённый в столичных и придворных интригах Василий Александрович Вонлярлярский посоветовал Микешину съездить в расположение лейб-гвардии Конного полка, который на лето расквартировывался в Стрельне, и написать на пленере картину из жизни царской кавалерии. Император был шефом Конного полка, любил и знал толк в «баталической живописи», ценил картины, изображающие его войско, находящееся, как и Академия художеств, под Его Высочайшим покровительством. Василий Александрович рассказал и о своей молодости, о дружбе с Лермонтовым, о том, что юнкера в училище называли его «Лярским», откинув остроумно приставку «вон» и одно «ляр», о юнкерских сочинениях Лермонтова, которые пользовались исключительным вниманием у военных и публиковались в рукописном журнале юнкеров, в котором был он редактором⁶, о знаменитой «Уланше», события которой происходили в Ижорке⁷, рядом со Стрельной, о ставшем популяр-

⁵ Микешин М.О. Воспоминания художника // Неман. 1969. № 11. С. 141.

⁶ Вонлярлярский В.А. Большая барыня. М., 1987. С. 7.

⁷ Вареник О.П. «Вот Ижорка, слава Богу». Юнкер Лермонтов в Стрельне (в Ижорке). СПб., 2004. С. 26.

ным рисунке «Деревня «Ижорка»» улана Николая Поливанова (Лафы), который являлся одним из главных героев «Уланши». В.А. Вонлярлярский рассказал и о находящейся рядом даче «Александровка», владении сына Цесаревича, великого князя Константина Павловича — Павла Константиновича Александрова, который, также будучи военным, ценил Лермонтова, его юнкерские стихи. Прикупив к своему имению часть Ижорки, он превратил её в интимный сад и создал таким образом пейзажный памятник местности, где происходили события, описанные Лермонтовым в его знаменитой «Уланше»⁸. Своими рассказами о Стрельне Василий Александрович увлёк и очень заинтересовал молодого впечатлительного художника.

Рисунки Микешина и ходатайства покровителей были по достоинству оценены в столице. В мае 1852 г. Микешин был зачислен в Императорскую Академию Художеств, минуя класс рисования с гипсов, сразу в батальный класс профессора Б.П. Виллевалде. А баталлисты уже должны были уметь писать солдат и горожан, портреты, пейзажи и бытовые сцены.

Не учась ещё толком в Академии, семнадцатилетний Микешин сумел, благодаря своему таланту и наставлениям покровителей, отличиться. В разгар лета, помня совет Василия Вонлярлярского, съездил в Стрельну, к тому же у него здесь оказался «земляк, служащий кавалерийским юнкером»⁹. Вдвоём они погуляли по прекрасным приморским местам, полюбовались морскими видами с петровской дамбы, благоустроенными усадьбами князя А.А. Суворова¹⁰, графа А.Ф. Орлова¹¹ и графа П.А. Александрова, забрели и в «чухонскую деревушку» Ижорку, воспетую Лермонтовым. В центре чухонской деревни находился колодец, куда они и направились, чтобы напиться воды...

Когда Микешин с приятелем подошли к колодцу, они увидели замечательную сцену. От колодца только что отъехала повозка с двумя седоками, и семья чухонцев, дождавшись своей очереди к водопою, стала поить скотину. Старуха-мать, толкая тяжесть журавля вниз, начала доставать из колодца воду, а дочери-молодухи

⁸ Вареник О.П. Тайны Львовского дворца. СПб., 2008. С. 17.

⁹ Добровольский О.М. Микешин. М., 2003. С. 64.

¹⁰ Вареник О.П. Гуманный внук воинственного деда. Князь А.А. Суворов в Стрельне. СПб., 2007.

¹¹ Вареник О.П. Князь А.Ф. Орлов в Стрельне. СПб., 2003.

стали опорожнять вёдра в водопойную колоду, из которой подошедшие козы с овцами начали жадно пить. В этот момент подъезжает к колодцу на белых в яблоках лошадях отряд военных всадников в красных ментиках, которые ярко выделяются на блеклом фоне убогой чухонской деревни. Двое гусар спешили у колодца. Одна из лошадей потянулась к живительной влаге, и гусары принялись весело уговаривать молодух позволить им вне очереди напоить коней, мотивируя тем, что их лошади изнемогают от жажды, а полк постоянно платит деревне «сбор за водопой». Но зардевшиеся ярким румянцем от внимания красавцев-военных молодые чухонки, заигрывая, отвечают: «Вот мы сначала своих козлов напоим, а потом и вам уступим», продолжая наливать в долблёнку воду... Чуть в стороне — сарай с открытой дверью. И всё это на фоне начинающегося многообещающего летнего вечера белых северных ночей. Старуха со стариком, помня последствия стоянки военных в Ижорке, описанные Лермонтовым в «Уланше», с тревогой смотрят на сцену у водопоя. Только одна подросток-няня с ребёнком на руках не понимает, что происходит... Микешин открыл альбом и стал быстро зарисовывать увиденное¹². Так родилась картина «Конные солдаты», впоследствии названная по военному — «Лейб-гусары у водопоя».

В те годы в Академии художеств существовал такой порядок: учащиеся в конце летних каникул приносили на Совет Академии свои работы для участия в конкурсе. Затем из занявших призовые места работ устраивалась выставка для всеобщего обозрения и назначения. 2 сентября 1852 г. вышло Постановление: «По рассмотрению представленных в Совет Академии работ вольноприходящими учениками определено: <...> удостоить награды Серебряных медалей Второго достоинства: по живописи батальной, <...> Михаила Микешина за картину, изображающую “Конных солдат” <...>». Эта награда обрадовала не только автора, который ещё и не учился в Академии, но и его покровителей. В благодарность за наставления Микешин написал портрет Василия Александровича Вонлярлярского, который оказался ценным ещё и тем, что стал последним прижизненным. 30 декабря 1852 г. В.А. Вонлярлярский неожиданно скончался в возрасте 38 лет. Этот портрет в настоящее время хранится в доме-музее М.Ю. Лермонтова в Пятигорске¹³.

¹² Добровольский О.М. Указ. соч. С. 65.

¹³ Смоленская область. Энциклопедия. Т. 1. Смоленск, 2001. С. 48.

В Великий пост 1853 г. в Императорской Академии художеств открылась выставка картин, занявших призовые места. Эти выставки любил посещать император Николай Павлович. «Император старался не пропускать ни одной академической выставки работ преподавателей и учеников Академии, давая свою оценку произведениям, а зачастую и приобретая их для своих коллекций. Совершался этот ежегодный ритуал следующим образом. Обычно за два дня до визита министр Императорского двора П.М. Волконский уведомлял руководство Академии, что “Государь Император изволит быть в Академии Художеств <...> поутру, посему в тот день публике не быть, пока Его Величество не изволит уехать из Академии”»¹⁴.

Картина Микешина «Лейб-гусары у водопоя» так понравилась Николаю Павловичу, что он купил её за 150 рублей (серебром)¹⁵ и подарил восьмилетнему внуку, будущему императору Александру III. Эта картина произвела такое впечатление на Великого князя, «Сашу», что он часто в 1854–1855 гг. рисовал жанровые сценки с колодцем, всадниками, повозками и водоносами.

Картину «Лейб-гусары у водопоя» повесили на почётное место в ванной комнате Великого князя Александра Александровича в Аничковом дворце, где она и находилась до 1931 г. В настоящее время эта картина находится в Третьяковской галерее¹⁶, а помещение ванной комнаты Аничкова дворца превращено в приёмную директора «Дворца творчества юных». Фотокопию этой картины можно увидеть в музее «Морская Стрельна» среди других экспонатов выставки «Микешины, 30 лет в Стрельне».

¹⁴ Выскочков Л. Николай Первый. М., 2006. С. 467.

¹⁵ В то время «серебро» стоило в четыре раза дороже бумажных денег.

¹⁶ М. Микешин. 1853. Картина «Лейб-гусары у водопоя». Холст, масло. 71,2 x 89,3. ГТГ Инв. № 20801; Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 622, 660.

Ф.И. Ильин

Семья С.П. Боткина в Петербурге (вновь выявленные адреса)

«Верой, Верностью, Трудом» — таков девиз рода Боткиных, среди представителей которого было множество достойных людей — врачей, предпринимателей, деятелей искусства, военных.

Я живу по соседству с домом великого русского врача С.П. Боткина на Галерной улице, дом 77/4, учусь во Второй Санкт-Петербургской гимназии на Казанской улице, 27, в которой учились его сыновья — лейб-медик Евгений Сергеевич, врач и коллекционер Сергей Сергеевич, дипломат Пётр Сергеевич, врач, капитан второго ранга Александр Сергеевич, драгунский подполковник Виктор Сергеевич.

Целью работы, выполняемой по заданию Центрального местного отделения Красного Креста Санкт-Петербурга, является воссоздание неизвестных петербургских страниц биографии Е.С. Боткина на основе документов Фондов Петроградской второй мужской гимназии, Петроградского Университета, Георгиевской Общины сестёр милосердия, хранящихся в Центральном Государственном Историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Моими задачами являлись изучение на основе архивных материалов гимназических лет Е.С. Боткина и его братьев, истории Второй Санкт-Петербургской гимназии, деятельности лейб-медиков С.П. Боткина, Е.С. Боткина, С.С. Боткина, других членов семьи в Красном Кресте, Георгиевской Общине сестёр милосердия Красного Креста, выявление, фотофиксация, обмеры зданий по некоторым адресам деятельности Е.С. Боткина в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В работе используются материалы около со-

рока самостоятельно исследованных автором архивных источников, мемуарная литература, документы, полученные в органах государственной охраны объектов культурного наследия, фотографии документов ЦГИА СПб, фотографии и материалы, полученные в ходе переписки и встреч с потомками Е.С. и С.С. Боткиных из личных архивов К.К. Мельник-Боткина (Париж), Е.С. Хохловой (Москва), исследователя жизни Е.С. Боткина О.Т. Ковалевской (Санкт-Петербург).

Изучая гимназические годы Евгения Сергеевича, я установил, что его братья Пётр¹ и Александр² успешно учились во Второй Санкт-Петербургской гимназии. С.С. Боткин — золотой медалист³. Виктор выбыл из 4 класса⁴ и обучался в Александровском кадетском корпусе и Пажеском корпусе⁵. В сведениях об успеваемости братьев Боткиных в основном хорошие и отличные оценки, с каждым годом они учились лучше, отсутствуют замечания в кондуитных журналах. В аттестатах и документах Евгения и его братьев указывается — «поведения отличного», «в приготовлении уроков — весьма исправен, в исполнении письменных работ — весьма старателен, относительно внимания в классе — внимателен»⁶. В 1882 г. Е.С. Боткин поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского Университета⁷. После успешного окончания первого курса он продолжил учёбу в Военно-Медицинской Академии. Закончив Академию, признан врачом с отличием, впоследствии стал приват-доцентом по внутренним болезням с клиникой⁸.

В 1882 г. Сергей Петрович Боткин купил в Финляндии мызу Культилла (Кунтилла), ныне — посёлок Тарасово Ленинградской области. С.П. Боткин был глубоко верующим человеком — удалось ознакомиться с делом о строительстве в его имении домовая церкви во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, опубликовать текст и фотокопию письма С.П. Боткина о строи-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 21591. Л. 2–4.

² Там же. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3596. Л. 32.

³ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20558. Л. 2–4.

⁴ Там же. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3683. Л. 10.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1. Оп. 1. Т. 43. Д. 77718. Л. 5–6.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22261. Л. 2–4.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Там же. Ф. 403. Оп. 1. Д. 277. Л. 61–67.

тельстве церкви⁹. При посещении имения установлено, что фасад дачного дома находится в неудовлетворительном состоянии, обрушился балкон.

Начальник Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области Н.И. Корж сообщила мне в письме, что в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 г. «Дом, в котором в 1880-х гг. жил врач-терапевт Боткин Сергей Петрович» является объектом культурного наследия федерального значения, а «Усадьба Кунтилла: парк, плотина» является выявленным объектом культурного наследия и состоит на учёте на основании Акта постановки на учёт № 5—9 от 16.10.1991 г. При посещении Департамента инспектору по Выборгскому району А.С. Карповой переданы выполненные обмеры дома, его географические координаты и иные имеющиеся у меня сведения, публикации и фотографии.

1 января 1899 г. высочайшим приказом Боткин назначен главным врачом Георгиевской Общины — первой и крупнейшей в Петербурге общины сестёр милосердия Красного Креста¹⁰. Найден Формулярный список о службе «почётного консультанта Общины сестёр милосердия Святого Георгия, лейб-медика Его Величества, Совестьного члена военно-медицинского учёного комитета доктора медицины действительного статского советника Боткина», наградные документы¹¹. Впервые документально подтверждены точные даты и места службы Е.С. Боткина по 1 марта 1909 г. 20 января 1890 г. он определён врачом ассистентом-интерном Мариинской больницы для бедных, где работал до 1 января 1899 г., 18 ноября 1897 г. назначен сверхштатным врачом амбулатории лечебницы Свято-Троицкой Общины сестёр милосердия¹². С 1 июня 1892 по 29 декабря 1893 г. работал врачом в Придворной Певческой Капелле¹³.

В 1900 г. Е.С. Боткин сопровождал пять сестёр милосердия, командированных в Болгарию в единственный Александровский госпиталь в Софии, где, как сообщалось в письме Красного Креста, ежедневный уход за больными находился в «первобытном состоя-

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 74. Д. 8. Л. 1—6.

¹⁰ Там же. Ф. 403. Оп.1. Д. 277. Л. 64.

¹¹ Там же. Л. 2—67.

¹² Там же. Л. 61—63.

¹³ Там же. Л. 61.

нии». В донесении российского дипломатического агента в Болгарии Бахметева на имя Управляющего МИД В.Н. Ламздорфа от 03.08.1900 г. сообщалось: «Доктор Боткин пробыл здесь две недели и, неусыпно работая для ознакомления сестёр со столь новыми для них условиями, а также, что ещё важнее, для ознакомления докторов с деятельностью сестёр, заслужил всеобщую благодарность и уважение. Весь врачебный корпус встретил и проводил его с величайшим почётом и неподдельной симпатией»¹⁴.

Е.С. Боткин постановлением Совета управления Общины 25 мая 1908 г. избран почётным консультантом Общины и почётным членом-благотворителем, утверждён в званиях Императрицей Марией Феодоровной¹⁵. С 2 февраля 1904 по 3 октября 1905 г. состоял в должности помощника главноуполномоченного Красного Креста при действующих армиях по медицинской части, затем по южному району¹⁶, автор книги «Свет и тени Русско-японской войны». В благодарственном письме о награждении Е.С. Боткина орденом святого Владимира с мечами читаем: «за выдающуюся и ответственную медицинскую деятельность под огнём неприятеля в деле под Вавангоу»¹⁷. Брат Е.С. Боткина — С.С. Боткин во время русско-японской войны 1904—1905 гг. — руководитель Красного Креста Северо-восточного района действующей армии.

В документах Общины сообщается: «в приёме больных и вообще в ведении медицинского дела, с самого начала взял в своё заведование лейб-медик Профессор С.П. Боткин»¹⁸. С.П. Боткин с 1871 г. был консультантом Общины, затем почётным консультантом¹⁹. По состоянию на 26 ноября 1895 г. в личный состав Совета Управления Общины входил «депутат от Санкт-Петербургской Городской Думы, Действительный статский советник Михаил Петрович Боткин»²⁰. По списку больничных кроватей Общины, на содержание которых внесено жертвователями по 3000 рублей²¹, я подсчи-

¹⁴ Там же. Д. 125. Л. 1—15.

¹⁵ Там же. Д. 277. Л. 66—67.

¹⁶ Там же. Л. 62—63.

¹⁷ Там же. Л. 42.

¹⁸ Там же. Д. 3. Л. 1—5.

¹⁹ Исторический очерк Общины сестёр милосердия св. Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетие 1870—1895. СПб., 1895. С. 18, 151, 153.

²⁰ Там же. С. 149.

²¹ Там же. С. 188—192.

тал, что из 79 кроватей 4 кровати были учреждены в память А.А. Боткиной, П.П. Боткина²², С.П. Боткина. Во время Первой мировой войны на средства академика М.П. Боткина был оборудован санитарный поезд № 21 Красного Креста, где работала сестрой милосердия его дочь, Л.М. Боткина²³. Другая дочь, Е.М. Боткина начиная с русско-японской войны всю жизнь была сестрой милосердия²⁴.

В связи с врачебной деятельностью Е.С. Боткин посещал инвалидные дома и больницу Общины в Дудергофе (в настоящее время — посёлок Можайский, пр. 25 Октября, дома № 99, 101, 103, 105). Сохранились три деревянных инвалидных дома постройки 1879–1883 гг. архитектора В.И. Токарева, здание онкологической больницы Общины архитектора Г.И. Люцедарского, построенной в память сестры-настоятельницы Е.П. Карцевой, умершей от рака. Здание больницы используется ДЮСШ Красносельского района. Один из деревянных инвалидных домов (дом 99) сильно пострадал от недавнего пожара. Инвалидные дома — памятники регионального значения, а больница — федерального. Сфотографированы и обмерены, произведена видеосъёмка разрушающихся зданий, результаты направлены в Управление по охране и использованию объектов культурного наследия Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. Начальник управления Е.Е. Ломакина сообщила в письме, что «причиной плохого технического состояния инвалидных домов, которые относятся к числу объектов культурного наследия регионального значения “Жилой дом”, является длительное отсутствие у объектов пользователей <...> Администрацией Красносельского района они включены в перечень ветхих зданий, рекомендуемых для продажи на торгах с последующим их восстановлением».

Последнее десятилетие деятельности Е.С. Боткина, назначенного 13 апреля 1908 г. высочайшим приказом лейб-медиком Его Величества²⁵, связано с Царским Селом. Архивные документы подтверждают, что Е.С. Боткин родился в Царском Селе, был крещён в Екатерининском Соборе²⁶, на протяжении 10 лет жил с семьёй в служебной квартире на Садовой улице, дом 4²⁷.

²² ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 49. Л. 4.

²³ Сёстры милосердия России. СПб., 2005. — 392 с., илл., с. 53.

²⁴ Егоров Б.Ф. Боткины. СПб., 2004. С. 200.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 277. Л. 61–67.

²⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22261. Л. 4–16.

²⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 74. 1908 г.

Результатами работы являются:

1. Воссоздание по архивным источникам некоторых петербургских страниц биографии лейб-медика Боткина. В архивах обнаружены, в частности, следующие документы: копия свидетельства Екатерининского Собора Царского Села о рождении и крещении Евгения Боткина²⁸; паспорт жены, содержащий сведения об адресе царскосельской служебной квартиры²⁹; документы об обучении братьев Боткиных во Второй Санкт-Петербургской гимназии; аттестат доктора медицины Е.С. Боткина Придворной певческой капеллы 1894 г.; формулярный список о службе Е.С. Боткина 1909 г.; императорские указы о пожаловании Е.С. Боткину орденов св. Анны II и III степени, св. Владимира IV степени; диплом доктора медицины Е.С. Боткина 1893 г.³⁰; дело о постройке домово́й церкви в имении Сергея Петровича Боткина³¹.
2. Установлено, что в 1870–1880 гг. Е.С. Боткин и его братья учились во Второй Санкт-Петербургской гимназии, успешно закончили её³², за исключением Виктора, который выбыл из 4 класса и поступил в Пажеский корпус, установлена точная дата и место рождения Виктора — 20 мая 1871 г., Гатчина³³.
3. Изучены документы и осуществлён осмотр уцелевших зданий комплекса Георгиевской Общины в Санкт-Петербурге на Пироговской набережной и хирургического павильона на Оренбургской улице, в котором сейчас ведётся ремонт. Предлагается организовать здесь экспозицию об истории Общины, её главном враче Е.С. Боткине, установить мемориальную доску. Обследован парк и дачный дом в имении С.П. Боткина Культилла, выявлено неудовлетворительное состояние фасада дома. Выявлено угрожающее

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22261. Л. 4–16.

²⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 74. 1908 г.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 277. Л. 2–67.

³¹ Там же. Ф. 19. Оп. 74. Д. 8. Л. 1–6.

³² Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20558. Л. 2–4; Д. 21591. Л. 2–4; Д. 22261. Л. 2–4; Ф. 174. Оп. 1. Д. 3596. Л. 32.

³³ Там же. Д. 3683. Л. 10; ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 43. Д. 77718. Л. 5–6.

состояние памятника регионального значения — инвалидов домов Общины в посёлке Можайском. Произведена фотофиксация, установлены координаты и выполнены обмеры по указанным адресам жизни и деятельности Е.С. Боткина. Ведётся переписка с органами государственной власти и собственниками объектов по вопросу обеспечения сохранности памятников и увековечения памяти Е.С. Боткина.

4. Практическим результатом работы является создание посвящённой членам семьи Е.С. Боткина экспозиции в музее истории гимназии, открытие стенда о лейб-медике Е.С. Боткине, подготовка в 2010 г. сюжета на Региональном телевидении Санкт-Петербурга и репортажа на «Православном радио Санкт-Петербурга». Тезисы и фрагменты работы опубликованы в материалах Международной конференции, посвящённой 145-летию Е.С. Боткина³⁴, сборнике тезисов XX Всероссийской научной конференции учащихся «Интеллектуальное Возрождение»³⁵.

³⁴ Ильин Ф.И. Неизвестные страницы гимназических лет лейб-медика Е.С. Боткина и его братьев. Неизвестные адреса Е.С. Боткина // Первая Международная конференция, посвящённая 145-летию со дня рождения Е.С. Боткина, лейб-медика Императора Николая II. Сборник материалов. СПб., 2011. С. 49–69.

³⁵ Ильин Ф.И. Неизвестные страницы гимназических лет лейб-медика Е.С. Боткина и его братьев — выпускников Второй Санкт-Петербургской гимназии // Двадцатая Всероссийская научная конференция учащихся «Интеллектуальное Возрождение». Сборник тезисов. СПб., 2011. С. 111–112.

А.Д. Марголис

Питирим Сорокин в Петербурге–Петрограде

Значительная часть жизни крупнейшего социолога XX века Питирима Александровича Сорокина (1889–1968) связана с Петербургом–Петроградом. Здесь он жил около пятнадцати лет, был студентом, а затем профессором Университета, стал учёным и политическим деятелем, опубликовал свои первые сочинения¹.

Родился будущий руководитель социологического факультета Гарвардского университета (США) 23 января 1889 г. в с. Турья Яренского уезда Вологодской губернии (ныне территория Республики Коми) в семье ремесленника. В Хреновской церковно-учительской семинарии рано осиротевший Питирим изучал не столько богословие, сколько революционную литературу. В 1906 г. семнадцатилетний семинарист был впервые арестован и дальнейшее образование получал в тюрьме города Кинешмы, откуда вышел убеждённым социалистом–революционером.

Осенью 1907 г. Сорокин впервые приехал в Петербург и остановился у своего земляка Фёдора Николаевича Коковкина. Вскоре молодой человек поступил репетитором в семью конторского служащего Центральной электростанции, поселившись в одной комнате со своими учениками — гимназистами первого класса. Одновременно занимался на общеобразовательных курсах А.С. Черняева (Татарский пер., участок д. 3–5; здание не сохранилось), где сблизился с профессором Каллистратом Фалалеевичем Жаковым

¹ Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1 (1889–1922). Архангельск, 2008.

(1866–1926). Выдающийся коми этнограф, философ и писатель, Жаков преподавал не только на Черняевских курсах, но и в Петербургском университете. В дальнейшем учитель и ученик стали близкими друзьями. В течение десяти лет Питирим Сорокин был постоянным посетителем дома Жаковых. Именно здесь он познакомился со слушательницей Бестужевских курсов Еленой Петровной Баратынской (1894–1975), которая в 1917 г. стала его женой.

В начале 1908 г. приехал в Петербург и поступил на Черняевские курсы однокашник Сорокина по семинарии Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938), в дальнейшем один из крупнейших экономистов XX в., расстрелянный во время «большого террора». Осенью друзья сняли комнату вместе с ещё одним земляком — студентом Кузьбожевым (адрес неизвестен). В автобиографическом романе «Долгий путь» Сорокин писал: «С тех пор мы с Кондратьевым жили вместе на протяжении нескольких лет нашей учёбы, в том числе и в университете»². Известно, что в 1909–1910 гг. они жили вместе по адресу: Малая Пушкарская ул., 11, кв. 13 (дом не сохранился).

После сдачи экстерном экзаменов за гимназический курс Сорокин осенью 1909 г. поступил в Психоневрологический институт, который первоначально располагался в здании Вольной высшей школы на Английском пр., 32 и в арендованном помещении на Невском пр., 104. В этом институте, основанном В.М. Бехтеревым, была единственная в то время кафедра социологии, где преподавали М.М. Ковалевский, Е.В. де Роберти и А.С. Лаппо-Данилевский. Высшее образование Сорокин завершил на юридическом факультете Петербургского университета, который окончил в 1914 г. по кафедре уголовного права и судопроизводства. Занимаясь под руководством социолога М.М. Ковалевского (Сорокин работал его секретарем с 1912) и правоведа Л.И. Петражицкого, он в студенческие годы опубликовал около 50 научных работ, в том числе свою первую монографию «Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914). В феврале 1913 г. Сорокин был арестован за антимонархический памфлет, написанный к 300-летию дома Романовых, но по ходатайству М.М. Ковалевского через две недели был освобождён из Спасской части, где находился в заключении.

² Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиографический роман. Пер. с англ. Сыктывкар, 1991. С. 49.

С 1915 г. молодой учёный преподавал в Психоневрологическом институте (ул. Бехтерева, 3), в январе 1917 г. был утверждён приват-доцентом Петроградского университета и готовился к защите магистерской диссертации. Вместе с К.М. Тахтаревым в 1916 г. основал Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского.

Начавшаяся революция отвлекла Питирима Сорокина от научных занятий. В 1917 г. он редактор эсеровских газет «Дело народа» и «Воля народа», с июля — секретарь по вопросам науки министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, с осени — член Временного Совета Российской республики. Октябрьский переворот осудил, активно выступал против большевиков. В ноябре избран членом Учредительного собрания от Вологодской губернии. В этот период его петроградский адрес: Большой пр. П. С., 13, кв. 8.

2 января 1918 г. Сорокин как один из лидеров правых эсеров и Союза защиты Учредительного собрания был арестован ПетроЧК и заключён в тюрьму Трубецкого бастиона. Содержался в камере № 51 (на втором этаже) вместе с видным эсером А.А. Аргуновым³. Освобождённый из Петропавловской крепости 20 февраля, он вскоре переехал в Москву, где включился в деятельность эсеровского подполья. Затем занимался организацией Совета крестьянских депутатов в Яренском уезде, готовил восстания против большевиков на Севере России, перешёл на нелегальное положение. Осенью 1918 г. арестован, чудом избежал расстрела.

Находясь в камере смертников в тюрьме Великого Устюга, Сорокин написал открытое письмо в газету северодвинского губисполкома, в котором заявил о сложении полномочий члена Учредительного собрания, о выходе из партии эсеров и намерении посвятить себя научной и преподавательской работе. На эту публикацию откликнулся в газете «Правда» 20 ноября 1918 г. В.И. Ленин статьёй «Ценные признания Питирима Сорокина»⁴, чем фактически спас жизнь учёного.

После освобождения Питирим Александрович вернулся в Петроград в конце декабря 1918 г. Вместе с женой он поселился в квартире своей старой знакомой М.Н. Дармолатовой (8-я линия В.О., 31, кв. 5). Этот эпизод описан им в автобиографическом романе: «Ус-

³ Гендриков В.Б. Узники Петропавловской крепости. СПб., 2008. С. 32.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 188–197.

лыхав о том, что я стал бездомным, госпожа Дармолатова сказала: “Занимайте комнату или две у нас. К нам должны были подселить двух или трёх коммунистов на квартиру, но лучше, если вместо них поселитесь вы”». Квартира Дармолатовой состояла из восьми больших комнат, но в ту суровую зиму можно было пользоваться лишь двумя. Она с дочерьми жила в одной, мы с женой — в другой комнате. Вечером 31 декабря 1918 г. мы собрались вместе с семьёй Дармолатовых и несколькими близкими друзьями встретить Новый год. В комнате было так холодно, что все сидели в шапках, кутаясь в платки, шали и пледы»⁵.

В этой квартире на пятом этаже доходного дома, построенного в 1910–1911 гг. по проекту архитектора В.И. Ван-дер-Гюхта, супруги Сорокины жили весь 1919 и первую половину 1920 г. Вскоре у них появился новый сосед — Евгений Эмильевич Мандельштам (1898–1979), младший брат поэта Осипа Мандельштама. Молодой человек женился на одной из сестёр Дармолатовых — Надежде. Из воспоминаний Е.Э. Мандельштама: «В одной из пустых комнат огромной квартиры Дармолатовых жили друзья Надюши: известный социолог Питирим Сорокин и его жена Лена Баратынская, близкая подруга Нади по Бестужевским курсам. Питирим Александрович был сильным, крепким человеком, с умным, выразительным лицом, немногословным, как многие северяне. Лена Сорокина казалась полной противоположностью мужу: изящная, стройная, с тонкими, красивыми чертами лица, общительная и весёлая. Чудесная была пара, легко вписавшаяся в уклад нашей семьи»⁶. Спустя годы, в этой квартире на Васильевском острове жил у брата Осип Мандельштам. Здесь в декабре 1930 г. было написано стихотворение «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»; в память об этом на фасаде дома в 1991 г. установлена мемориальная доска⁷.

С начала 1919 г. Сорокин возобновил преподавательскую работу в Психоневрологическом институте и на юридическом факультете университета. Он участвовал в организации университетской кафедры социологии. Вскоре был избран профессором в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства. В этот период учёный издал «Элементарный учебник теории права

⁵ Сорокин П.А. Указ. соч. С. 139–142.

⁶ Мандельштам Е.Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10.

⁷ Я вернулся в мой город... Петербург Мандельштама. Л., 1991. С. 44–45.

в связи с учением о государстве» (1919), написал и подготовил к печати фундаментальную «Систему социологии». 23 апреля 1922 г. в большой физической аудитории Петроградского университета, до отказа заполненной преподавателями и студентами, состоялась защита его докторской диссертации.

Ещё весной 1920 г. Сорокины переселились в Детское Село (бывшее Царское Село). «В Сельскохозяйственной академии я и жена получили работу, две маленькие комнаты и клочок земли для палисадника. Здесь мы устроились гораздо удобнее, чем в Петрограде», — вспоминал Питирим Александрович. И далее: «Я не стал регистрироваться в Царском Селе и жил там нелегально. Если за мной придут на квартиру в Петрограде, я получу фору, будучи предупреждён друзьями, и скроюсь <...>. В октябре 1920 г. “ночные гости” пришли по моему петроградскому адресу и потребовали “товарища Сорокина”. Друзья правдиво отвечали, что я там больше не живу, и они не знают где я»⁸. Таким образом, с весны 1920 г. до высылки из страны в сентябре 1922 Сорокин «нелегально» жил в Детском Селе, будучи официально зарегистрированным по адресу 8-я линия В.О., 31, кв. 5. На «городской квартире» он хранил значительную часть своей библиотеки, которая упоминается в его письме к Ф.И. Седенко-Витязеву от 22 сентября 1922 г.⁹ К сожалению, детскоесельский адрес П.А. Сорокина установить пока не удалось.

Осенью 1921 г. профессор Сорокин был отстранён от преподавания и перешёл на работу в Институт изучения мозга (Петровская наб., 4). В начале следующего года у него возник очередной конфликт с властью. Учёный занимался исследованием причин массового голода в России и готовил к изданию книгу «Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь». Кроме того, он вёл открытую полемику с одним из главных теоретиков правящей партии Н.И. Бухариным.

Описывая обстоятельства своей высылки из страны, Сорокин вспоминал: «10 августа 1922 года я уехал на несколько дней в Москву [в столице он встречался со своим старым другом Н.Д. Кондратьевым. — А.М.]. Прекрасным сентябрьским утром я вернулся

⁸ Сорокин П.А. Указ. соч. С. 147–148.

⁹ Дойков Ю. Питирим Сорокин и Осип Мандельштам // Звезда. 1998. № 1. С. 238.

в Царское Село». Дома Питириму Александровичу сообщили, что в Петрограде идут повальные аресты, что его разыскивают чекисты. «Я согласился, что возможно было бы попасть под арест в Москве, и следующим утром вернулся в столицу, явившись в ЧК с вещами»¹⁰. 23 сентября 1922 г. он навсегда покинул Россию, высланный из страны в числе других выдающихся деятелей науки и культуры.

16 апреля 2009 г. на фасаде дома 31 на 8-й линии Васильевского острова, где с 1918 по 1920 г. жил Питирим Сорокин, была установлена мемориальная доска. Архитектор В.Б. Бухалов создал её по инициативе и на средства Фонда имени Д.С. Лихачева.

А.Д. Ерофеев

Ленинград Вадима Шефнера

...Приглядывайтесь к облакам,
Прислушивайтесь к птицам,
Прикладывайтесь к родникам —
Ничто не повторится.

За мигом миг, за шагом шаг
Впадайте в изумленье.
Всё будет так и всё не так
Через одно мгновенье.

Эти строки написаны одним из самых ленинградских писателей Вадимом Шефнером. Петербургским его называть, наверно, не совсем правильно, поскольку творил он в Ленинграде. Но, в сущности, разницы нет, ведь в его произведениях запечатлён город на Неве, город Белых Ночей, Северная Столица... Более всего — Васильевский остров и Петроградская сторона. На Васильевском он родился, а на Петроградской стороне, в доме 34 по улице Ленина многие годы жил, уже будучи известным писателем и водил героев своих произведений мимо жившего на этой же стороне архитектора Петра Спокойского-Францевича, построившего в 1900 г. дом 17 по 6-й линии Васильевского острова. Дом, в котором родился Вадим Шефнер.

Пока на этом доме 17 по 6 линии Васильевского острова нет мемориальной доски. Надо надеяться, что к столетию Вадима Сергеевича, которое будет отмечаться в 2005 г., она появится. Было бы хорошо к этому времени назвать и один из городских объектов его именем. Возможно, улицу, возможно, сад.

¹⁰ *Сорокин П.А.* Указ. соч. С. 158; *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона.

Впрочем, вернёмся к литературным адресам.

На Васильевском острове Вадим Шефнер селил многих своих героев: Лиду из повести «Дворец на троих, или Признание холостяка, которая училась в школе на 12-й линии; героя рассказа «Когда я был русалкой», жившего «в шестиметровой комнатке на седьмой этаже дома по Среднему проспекту». Этот адрес пока не удалось установить. К сожалению, не всё так просто. Но некоторые адреса мне удалось обнаружить, благодаря не только текстам Шефнера, но и различным справочникам по городу.

В «Счастливом неудачнике» герой повести Виктор Шумейкин, любивший, кстати, гулять в Соловьёвском саду, неоднократно упоминаем в книгах Шефнера, говорит: *«Цыганский дом — это был большой красивый дом на Четвёртой линии. Он строился перед самой империалистической войной и даже в войну, а после революции хозяин его сбежал за границу, так и не достроив. В неотделанных квартирах селились цыгане. Они, конечно, никакой квартплаты не платили, управдома в этом доме не было. И даже милиция туда боялась заходить, потому что в нижнем этаже цыгане держали четырёх медведей. Днём они с этими медведями ходили по улицам и дворам и давали представления, а вечером приводили их домой. Медведи были дрессированные, но понимали только по-цыгански, на русском языке им ничего нельзя было толковать, — с ними лучше было не связываться».*

Сказанного выдуманном героем достаточно, чтобы найти точный адрес цыганского дома: 4-я линия, 21. Давным-давно там нет никаких медведей, — в первом этаже находятся вполне уважаемые организации, на дверях парадных установлены домофоны, а в квартирах живут люди, надо надеяться, вовремя вносящие коммунальные платежи.

Ну а если взять дом целиком, то это — интересный образец дома начала XX столетия. Построен он был накануне Первой мировой войны по проекту Демьяна Фомичёва. Когда-то на этом месте существовал небольшой деревянный домишко, принадлежавший в середине позапрошлого столетия академику Виктору Яковлевичу Буняковскому. Здесь преподаватель петербургского университета и главный эксперт правительства по вопросам статистики и страхования закончил капитальный труд: «Основания математической теории вероятностей».

В начале прошлого века в том домике жил почти полный тезка городского головы Николая Ивановича Погребова, имя которого носили до революции некоторые учебные заведения, гид-

рогеолог Николай Фёдорович Погребов. У этого Погребова, в отличие от академика и городского головы, были с правительством серьёзные трения. В бытность его студентом Горного института, Погребов бал на три года сослан в Архангельскую губернию в связи с делом Александра Ульянова о покушении на Александра III. Однако по возвращении из ссылки опальный студент закончил институт, и вскоре занял почётную должность секретаря Геологического комитета. В советское время Николай Фёдорович стал профессором.

В 1913 г., который использовался в советское время как наивысший показатель экономических успехов царской России, потомственный почётный гражданин Прокофий Прохорович Прохоров, процветавший за счёт собственной паровой фирмы «П.П. Прохоров», имевшей причал напротив Академии художеств (!), решил построить шестиэтажный доходный дом. Да такой, чтоб выделялся среди других. Оттого-то, ориентируясь на традиции итальянского Возрождения, Демьян Фомичёв поместил на фасаде здания так много различных архитектурных деталей и скульптуры, что в принципе, не совсем характерно для того времени.

Но война, а затем революция не позволили увеличить капитал предприимчивому судовладельцу Прокофию Прохорову. Он с семьёй покинул Россию. Ну а о том, что в 1920-е гг. в богатом доме с красивым фасадом самостийно поселятся цыгане и медведи, понимающие исключительно цыганский язык, не мог предположить никто, ни в какой теории вероятностей.

Так же узнаваем и Скопский дворец. Интересно, что этот дворец не охраняется государством, его невозможно найти в путеводителях. Да и на дворец-то он не похож.

Огромное здание, стоящее на углу Косой и Кожевенной линий, на первый взгляд, — типичный доходный дом начала XX века. Как Скопский дворец, дом 25/24, расположенный на Кожевенной и Косой линий, вошёл в автобиографическую книгу Вадима Шефнера, «Имя для птицы, или Чаепитие на жёлтой веранде».

Нынешний облик здание приобрело в 1906 г., когда его надстроили по проекту архитектора Владимира Липского.

Предыстория Скопского дворца незатейлива. В конце XVIII столетия здесь, в Чекушах, возник кожевенный завод купца Фёдора Ямщикова, затем участок приобрёл коммерции советник Иван Кусов. При нём двухэтажное каменное здание было приспособлено под жильё для рабочих. Вот и всё.

Но через сто лет количество рабочих на предприятиях в Гавани заметно увеличилось. Тогда-то и вырос этот гигант, получивший вскоре название Скопский дворец. Название происходит, по-видимому, оттого, что в доме было скопление всего и вся. Говоря о 1920-х гг., Шефнер пишет о гаванской шпане и упоминает Скопский дворец, в котором жили «громильцы, фармазонщики и проститутки». Царём их был Мотя Беспалый. Раз есть дворец, то как без царя?!

«Царь» делал и «царские» подарки.

«Советской власти Беспалый вреда не причинял, грабил он только заживших буржуев-нэпманов; время от времени он занимался даже филантропией, сочетая её с наглядной антирелигиозной пропагандой: так, ради бедной верующей старушки, оба сына которой погибли в германскую, он специально очистил ювелирный магазин на Садовой, нанизал золотые изделия на верёвочку и кинул старушке в форточку эту драгоценную низку, привязав к ней ещё и бумажку в десять червонцев, на полях которой написал собственноручно: «Где бог не может — там Мотя поможет».

Такой вот специфический «социально ответственный бизнес» времён НЭПа запечатлён писательским пером. Однако, несмотря на безвредность по отношению к советской власти, милиция, по свидетельству Вадима Шефнера, старалась даже днём обходить дворец стороной.

Не исключено, что и сегодня в Скопском дворце живёт какой-нибудь современный Мотя Беспалый. Во всяком случае, если удастся зайти в подъезд и дома заглянуть на лестницу, можно реально себе представить те давние времена НЭПа. Того и гляди, из-за обшарпанной двери выскочит какой-нибудь «громилец» или «фармазонщик».

Так что Скопский дворец можно считать неформальным памятником истории времён НЭПа.

Интересно, что в этой же повести Шефнер упоминает два слова, которые сейчас вряд ли понятны большинству петербуржцев. Чубаровец — это слово прогремело в 1926 г. в связи с громким уголовным делом по факту преступления в Чубаровом переулке, и стало синонимом «грубого насильника, хулигана».

Ракло — вообще гаванское слово. Им называли пропойц и бродяг, певших во дворах песни. Вадим Сергеевич был очень равнодушен не только к необычным словам, но и непосредственно к имитворчеству.

Герой рассказа «Миллион в поте лица» Костя рассуждает: «Каждый человек живёт в своём имени, как в доме. Дома у всех разные. Нюта сейчас обитает в небольшом каменном двухэтажном домике с зелёной крышей. Когда Нюта вырастет, она станет Анной. Анна — это узкий высокий дом с белой кафельной облицовкой — есть такой на Пятнадцатой линии».

Анна — это дом 22. И хотя на Пятнадцатой линии есть ещё два дома, облицованных белым кафелем, я уверен, что именно этот Вадим Сергеевич назвал Анной. На других домах бросаются в глаза другие цвета, а здесь белый главенствует. Незначительное вкрапление зелёных плиток лишь подчёркивает это.

Построенный в 1914 г. по проекту инженера-технолога Николая Николаевича Нагеля, этот доходный дом является, в общем-то, образцом рядовой застройки 1910-х гг.

Николай Нагель и создал-то в Питере совсем немного. Три жилых дома, построенных в 1914 г., да совместно с архитектором Леонтием Шмеллингом городской механический хлебопекарный завод на Малой Митрофаньевской улице перед самой революцией.

Но что удивительно. Дом 31 по улице Шкапина в 2007 г. был снесён, его судьбу разделил и 39-й дом по этой же улице. Тревожит и будущее хлебопекарного завода. Несмотря на то, что он числится под охраной, стоит он на территории, которую осваивает компания, обустроившая земли, прилегающие к бывшему Варшавскому вокзалу и проявляющая интерес к землям южнее него. И лишь одной постройке Нагеля вроде бы ничего не угрожает. Дому по имени Анна, данному ему добрым ленинградским писателем.

За то время, что с нами нет Шефнера, шестиэтажная Анна подросла. Появилась мансарда, которая отнюдь не испортила светлый лик Анны. А может, не только «человек живёт в своём имени как в доме», но и дом в своём имени? Анна в переводе с еврейского языка означает «милостивая, красивая, благодатная».

Пятнадцатая линия Васильевского острова — разве не благодатное место? Дом 22 — разве не красивый? Ну а насчёт милости... Из трёх жилых домов, построенных Нагелем 94 года назад, только этот и сохранился. Он не был разрушен в Великую Отечественную войну. При бомбёжке 29 декабря 1942 г. три артиллерийских снаряда частично разрушили здание, но вскоре после войны эти раны были вылечены и не оставили светлом облике шрамов. Попыток снести его, к счастью, не было. До сего дня Анна являет собой если не «чистойшей прелести чистойший образец», то, по крайней мере,

образчик стройности и неброской, скромной красоты. И как тут не поверить в магию имени, охраняющего его?

А вот о девочке Кире, которую зовёт Киркой: *«Сейчас она живёт как бы в кирке, в большом красивом здании на углу Большого и Первой линии, а когда вырастет — станет всего-навсего Кирой. Кира — это просто маленький домик с ржавой железной крышей».*

Дом на углу Большого проспекта и 1-й линии, построенный архитектором Жерве в 1780-е гг., стоит рядом с лютеранской церковью св. Екатерины — киркой, возведённой в 1768—1771 гг. Юрием Фельтеном. Из известных жильцов дома Кир не обнаружилось, но стоит вспомнить, что в этом доме в 1915 г. родился Георгий Жжёнов, будущий знаменитый артист театра и кино, народный артист СССР, а в 1990-е гг. жил депутат Законодательного собрания Петербурга, известный защитник историко-культурного наследия города Алексей Ковалёв.

И, наконец, «Сестра печали». Наверно, самая пронзительная повесть Шефнера. Она о любви, о войне. Наряду с главными её героями, по сути, настоящими героями, которыми жил и жив Ленинград-Петербург, действующими лицами в ней являются линии, проспекты и переулки Васильевского острова, которым Вадим Сергеевич от лица своего героя Анатолия придумывал собственные названия. Вот глава «Улицы»:

«Я вышел на людный Средний проспект и направился в сторону Гавани, но потом свернул на линию Грустных Размышлений. В дни неудач и невзгод я любил пройтись по этой тихой улице. Конечно, официально она так не называлась, это я дал ей такое название. Дело в том, что на Васильевском почти все линии-улицы безымянные, у них только номера. А я никогда не любил чисел, цифр и номеров. Поэтому некоторым василеостровским линиям я дал свои названия. Пользовался я этими названиями в одиночку, для всех других людей на свете значения они не имели. Была у меня Пивная линия — там находилась одна уютная пивнушка, в которую мы с Костей, Гришкой и Володькой иногда заглядывали; была Многособачья улица — там почему-то всегда гуляли собаководы со своими псами; была Сардельская линия — там в магазине мы покупали сардельки; была Похоронная линия — по ней проходили похоронные процессии на Смоленское; была Интересная линия — однажды летом я увидел человека, который ехал по ней на велосипеде, надев на шею деревянное очко от унитаза, — багажника на велосипеде не имелось, и для велосипедиста это был единственный

выход из положения; со стороны всё выглядело очень интересно. Одну линию мне пришлось переименовать. Однажды я нашёл на ней трёшку и назвал Счастливой, но вскоре получилось так, что мы с Костей ввязались на этой улице в драку, и сила была не на нашей стороне; нам надавали батух. Пришлось переименовать линию эту из Счастливой в Мордобойную. А сейчас я шагал по линии Грустных Размышлений и размышлял о сегодняшних неприятностях.

С тихой линии Грустных Размышлений я свернул на проспект ЗНД — Замечательных Недоступных Девушек. Это был Большой проспект ВО. Но для меня он был проспектом Замечательных Недоступных Девушек».

С некоторыми линиями — всё понятно. Похоронная — это 16-я, поскольку по ней в сторону Смоленского кладбища двигаются процессии. Ну а Мордобойная? Которая из оставшихся двадцати шести? Это 15-я линия. Любимая девушка нашего героя Толи — Лёля — предлагает дойти до 15-й, чтобы пройтись по шашкам, которыми линия выложена. Кстати, улица имени Веры Слуцкой, речь-то о 1940 г. Линию на самом деле переименовали в честь большевички Веры Слуцкой, жившей в доме 70 по этой линии. Но то-то и оно, что название совсем не прижилось, потому что Шефнер, как человек, пристрастный к имятворчеству, ни разу об этом не упоминает.

«Мы дошагали до Четырнадцатой и пошли прямо по мостовой, по шестигранным деревянным торцам, — только здесь они и сохранились к тому времени на Васильевском, на этой тихой линии. Очень приятно было шагать по дереву — будто не по улице идёшь, а по полу в длинном большом зале, где вместо потолка небо.

— А эта линия у тебя как-нибудь называется? — спросила вдруг Лёля.

— Я её даже переименовывал, — ответил я. — Сперва назвал Счастливой, я раз тут трёшку нашёл, а потом пришлось переделать в Мордобойную. Здесь нам с Костей плохо пришлось, мы тут в одно дело влипли.

— Давай перепереименуем её, — предложила Лёля. — Здесь очень приятно идти по этим шашкам. Тебе приятно сейчас?

— С тобой очень даже. Замётано, мы идём по Приятной улице! Ты довольна?

— Очень. А вот в этом доме я родилась...».

Я, кстати, тоже. Но тут речь идёт не о 15-й, а о 14-й линии. На углу с Большим проспектом, именовавшимся в описываемую Шеф-

нером пору проспектом Пролетарской Победы, находится в родильный дом, долгое время носивший имя врача Карла Видемана.

Знакомство с Лёлей не раз подталкивало нашего героя к переименованиям.

Первым делом он переименовал линию, на которой жила его любимая. Сначала думал назвать Лёлиной, но не понравилось. Пусть имя лишь подразумевается. Постановил: *«Эта линия называется теперь так: Симпатичная линия!»*

Разгадка содержится в повести. «Это был солидный, высокий дом. Во втором его этаже, по той лестнице, где жила Лёля, помещалась аптека». Далее следует подробное описание лестницы. По всей вероятности, это главная лестница, имеющая выход во двор, а дом... Поскольку аптек на втором этаже на так много, нетрудно догадаться, что речь идёт о доме 16 по 7-й линии, в котором находилась аптека Пеля.

Интересно было бы проехать с Шефнером на трамвае по городу. В книгах его герои не только пользуются этим любимым ленинградцами-петербуржцами видом транспорта, но и проявляют серьёзные познания в маршрутной сети. Вот упомянутый уже Виктор Шумейкин из «Счастливого неудачника» едет на «шестёрке» к Финляндскому вокзалу и рассказывает Татьяне Робинзоновне Эрколи-Баскунчак, которая Ленинград, хоть он побывал уже и Петроградом, именвала по старинке Петербургом:

— Татьяна Робинзоновна, а вы знаете, шестой номер не самый длинный. Самый длинный маршрут — это четвёртый. Вы знаете, как про него поют? “Долго шёл четвёртый номер, на площадке кто-то помер, не доехал до конца, ламца-дрица гоп-цаца!”»

Сегодня смеяться по этому поводу не хочется, поскольку за первое десятилетие XXI века трамвай в Петербурге был почти до основания уничтожен. Удивительно, что на Васильевском из более чем десятка маршрутов постоянно эти годы оставалась «шестёрка». И сегодня она ходит к Финляндскому вокзалу. Вот ещё одно провидение Вадима Сергеевича.

Герои «Отметателя невзгод, или Сампо XX века» предпочитают уже на Васильевский остров, а Петроградскую сторону. Изобретатель отметателя невзгод (ОН) вспомнил как ему с детства не везло и первое — укусившую его собаку на Ропшинской улице.

А вот путешествие по Петроградской стороне 1963 г. Главный герой повести Павел Белобрысов жил на Большой Зелениной, к одному другу надо было идти «в сторону Геслеровского, а к друго-

му — по направлению к Невке». На Большой Зелениной он встретил пьяного Фаламона, с которого началась история о приобретении практического бессмертия — эликсира долголетия. Фаламон (искажённое от Филимона) пошёл в сторону Глухой Зелениной улицы. «Эта улочка и днём-то малолюдна, а тут, когда повечерело, да мороз под двадцать, да ещё в тот вечер по телику фильм из быта шпионов давали, — совсем пустая была. А он вдруг сделал поворот в Резную улицу, совсем безлюдную в те годы. Пройдя шагов сто, плюхнулся на скамейку в палисаднике».

Элла, симпатия Павла Белобрысова (взявшего в 1964 г., псевдоним Глобальный), жила не Петрозаводской улице. Павел часто на Чкаловском встречал Вадима Шефнера. Однажды остановился побеседовать «на углу Чкаловского и Пудожской».

В рассказе «Миллион в поте лица» (1920-е) ребята идут по Большому проспекту П.С. Упоминаются Введенская, улица Красных Зорь (с 1934 — Кировский, а ныне — Каменноостровский проспект. — А.Е.). На неё вышли, «миновав улочки с настораживающими названиями — Теряеву, Плуталову, Бармалееву и Подрезову».

Это — лишь небольшая часть улиц, по которым любил водить читателей Вадим Шефнер. Он очень любил Загородный проспект и признавался в этом устами Толи из «Сестры печали»: «У меня были любимые и нелюбимые улицы. Дойдя до Загородного, я медленно, с удовольствием зашагал по нему. Это был очень уютный проспект, на таком проспекте можно жить, не заходя в квартиру. Просто поставь кровать на тротуар — и спи, и тебе будет тепло, и на душе будет спокойно, и никто тебя на этой улице не обидит. А ведь есть улицы неуютные, как больничные коридоры, их хочется проскочить, не глядя по сторонам».

Но по таким улицам мы с Вадимом Шефнером не пойдём. И, заключая экскурс, не могу не упомянуть о доме 10 по улице Пестеля. Когда-то дом на углу улицы Пестеля и Моховой был намного больше. Не по высоте, — по ширине. Построенный на рубеже XIX—XX веков Михаилом Евментьевым для своего отца, купца 1-й гильдии Александра Евментьева, он занимал участок до 21 дома по Моховой и до 8-го по улице Пестеля.

Ныне только одна его часть сохранила облик, созданный в 1900 г. Другая, угловая часть, перестроена Анной Лейман после Великой Отечественной войны, в начале 1950-х гг. И хотя были сохранены прежние объёмы здания, декор выдаёт время возведе-

ния этой части дома. Почему так произошло? Объяснение довольно простое. Этот дом был разрушен буквально в первый день после блокады Ленинграда. Бомба прошла его сверху донизу. Значительная часть стены, выходящая на улицу Пестеля, рухнула, а угловой эркер невероятным образом устоял и возвышался над грудой обломков, словно превратившись в неприступную для врага башню. Уцелевшее стенное зеркало на верхнем этаже качалось, как будто хотело отразить в себе всё происходящее.

Но судьба словно компенсировала тяжёлую рану тем, что увековечила этот, в общем-то, рядовой жилой дом рубежа веков в искусстве. Именно эту его трагическую страницу. Художник Вячеслав Пакулин, создавший в осаждённом городе потрясающую серию гуашей с видами Ленинграда, запечатлел страшную картину разрушения. Он жил рядом, в доме 15 по Литейному проспекту, доме, который уцелел в войну, но не смог уцелеть в мирное время. В 1977 г. он был поставлен на капитальный ремонт, но после разборки деревянных перекрытий выяснилось, что старая кирпичная кладка не выдержит новых железобетонных перекрытий. Дом разобрали. Впрочем, речь не о нём.

В 1942 г. поэт Вадим Шефнер написал о доме 10 по улице Пестеля в стихотворении «Зеркало»:

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.

Ещё обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой.
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я всё забуду остальное –
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Свидетель довоенного уюта,
Над сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

...Теперь в него и день, и ночь глядится
Лицо ожесточённое войны.
В нём орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Слепят пожары дымом и огнём.
Но всё пройдёт. И что бы ни случилось —
Враг никогда не отразится в нём!

Упомянут этот дом и в автобиографической повести Даниила Аля «Приказа умирать не было», писателя и историка, который высоко ценит творчество Вадима Шефнера.

Сейчас можно вздохнуть об утраченном довоенном облике здания. При восстановлении дома эркер делать не стали. Наоборот, угол скосили, как и в первом восстановленном после войны здании — на углу Кирпичного переулка и улицы Гоголя (ныне Малой Морской). Однако следует вспомнить, что в послевоенном Ленинграде было не до воссоздания точного облика рядовой дореволюционной застройки, тем паче, такие дома не считались исторически ценными. И вот тут стоит обратить внимание на то, как тактично новая часть была вписана в сложившийся облик. И ещё — на угловое окошечко последнего этажа. Овальное, оно напоминает старинное стенное зеркало, которое висело над руинами дома в блокаду, отражая ежедневный подвиг ленинградцев.

Н.Ф. Золотухина

Петербургский феномен духовной элиты России

В культурном пространстве Петербурга на рубеже XIX века возник уникальный в истории России феномен: «Золотой век русской культуры», носителями которого стали лучшие представители Российского государства, его духовная элита. Этот духовный взлёт нации, на наш взгляд, был связан не только с масштабностью и оригинальностью творческого вклада в него каждого художника (в широком смысле этого слова), но и во многом с особенностями формирования петербургской элиты как некоторого целостного духовного феномена. Природа этого феномена, на наш взгляд, связана в первую очередь с синергией культур Востока и Запада в развитии Петербурга.

Безусловно, истоком культуры Петербурга явилась длительная (семивековая) национальная традиция взаимодействия Древней Руси с христианской культурой стран Европы, значение которой неоднократно подчёркивал в своих исследованиях Д.С. Лихачев: древнерусская литература как ядро средневековой культуры «общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере — по происхождению. Древнерусская литература обладала всеохватывающим внутренним единством <...> как литература одной темы и одного сюжета, этот сюжет — мировая история, и эта тема смысл человеческой жизни <...>, процесс её развития шёл не путём дробления целого, а путём его роста и детализации»¹. Целостность древнерусской культуры,

¹ Лихачева В.Д., Лихачев Д.С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971. С. 67.

как считал Д.С. Лихачев, во многом определила и дальнейший процесс развития культурного пространства России, в том числе такого целостного феномена как петербургская духовная элита.

И одним из факторов, который упрочил и обогатил целостность русской культуры в последующий период её развития в XVIII веке, стала политика, проводимая Петром I в процессе строительства Петербурга, опирающаяся не столько и не только, как это принято считать, на западно-европейские, но и во многом на восточно-азиатские культурные традиции.

Так, утверждённый Петром I принцип веротерпимости, составляющий, на наш взгляд, одну из фундаментальных основ формированию духовной элиты Петербурга, имел истоки, весьма отличающиеся от европейских религиозных традиций толерантности. Как отмечал Л.Н. Гумилев, «Москва не продолжила традиций Киева, она уничтожила традиции вечевой вольности и княжеских междоусобиц, заменив их другими нормами, во многом заимствованными у монголов — системой абсолютной дисциплины, широкой этнической терпимости и глубокой религиозности.»². Многие особенности взаимоотношений Петра I с приглашёнными для работы в Петербурге иностранными специалистами объясняются теми социокультурными нормами, которые были восприняты российскими правителями от монголов: «В традициях государственной системы Чингисхана сохранилась широкая веротерпимость. Подданным не навязывалась определённая религия, но ценилась истинная вера. Татары понимали, что глубокая и стойкая вера есть основание и верного характера, а такой человек есть основа государства»³. О следовании этим традициям свидетельствуют, в частности, и те принципы, согласно которым Пётр подбирал своих соратников: не по родовитости и знатности, а по преданности делу, по нравственным и профессиональным качествам.

На наш взгляд, именно восточно-азиатские традиции веротерпимости в деятельности Петра I послужили основой того, что в становлении культурного пространства Петербурга поликонфессиональность стала естественным продолжением петровской политики по заселению города представителями разных национальностей, этнических групп и сословий.

² Гумилёв Л.Н. От Руси до России. СПб., 1992. С. 247, 249, 252.

³ Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 174.

В отличие от развития древнерусской культуры, открытость границ которой базировалась на единстве духовно-познавательного процесса освоения русскими культуры христианского мира и включения в неё достижений древнерусской культуры, общей основой открытости культурного пространства Петербурга стало единое созидательное начало, объединившее восточные и западные культурные традиции.

По мере возведения города созидательное начало взаимодействия представителей разных национальностей, сословий, религий и культур сделало очевидным для его участников зависимость их профессиональных достижений от уровня мастерства, от таланта и общечеловеческих нравственных качеств личности (добросовестности, трудолюбия, честности, взаимопомощи и др.), а не от национальной или конфессиональной принадлежности.

Свобода совести и свобода творческой самореализации личности творца в его стремлении к совершенству в процессе межкультурного созидательного взаимодействия составили, по нашему убеждению, ту сущностную основу формирования культурного пространства Петербурга и феномена целостности его духовной элиты, которая установила синергетические правила «становления когерентного, внутренне согласованного целого из разнородных <...> элементов»⁴. Релевантность взаимодействия культуротворческих традиций Востока (инь) и Запада (ян) ритмам чередования фундаментальных космологических начал бытия выразилась в гармонии женского и мужского начал в развитии культуры Петербурга. «Только подчиняясь этим “ритмам жизни”, сложные системы могут поддерживать свою целостность и динамично развиваться. Сложная система как бы сама себя стабилизирует, идет в процессе развития к однородному состоянию, к единству и гармонии объединяющихся в ней частей, как и полагали восточные мудрецы»⁵.

По мнению Д.С. Лихачева, несмотря на то, что эпоха Петра I была творческой эпохой, тем не менее «силы нации были поглощены государственным строительством, развитием науки и техники. Эта эпоха была остановкой перед прыжком»⁶. На наш взгляд, не

⁴ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М., 2010. С. 110.

⁵ Там же. С. 109, 115–116, 119.

⁶ Лихачева В.Д., Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 104.

только остановкой, но и периодом синергетического синтеза «простых эволюционирующих структур в одну сложную структуру посредством установления общего темпа их эволюции»⁷. повлиявшего на взлёт культуры Петербурга во второй половине XVIII века и первой половины XIX века.

В начале XIX века в культуре Петербурга начинают доминировать нравственные идеалы и ценности романтического искусства. Эти идеалы послужили основой формирования женщин, ведущих активный духовный образ жизни. Трудно переоценить, какое значение имел процесс женской духовной эмансипации для дальнейших судеб культуры России и национального самосознания, да, по большому счёту, и для мировой культуры. Так, Ю.М. Лотман подчёркивал, что «поведение женщин последекабристской эпохи — факт не только “женской культуры” <...>, то, что в обществе уже были люди, живущие духом и в значительной мере женщины, — создавало совершенно иной быт. Вторая половина XVIII и первая половина XIX века отвела женщине особое место в русской культуре. Именно тогда сложилось представление о женщине как наиболее чутком выразителе эпохи — взгляд, позже усвоенный И.С. Тургеневым и ставший характерной чертой русской литературы XIX века»⁸.

Одной из социально-культурных основ формирования духовной элиты в начале XIX века стало возникновение в Петербурге художественно-литературных салонов, законодательницами которых были женщины — дворянки, одарённые, образованные, духовно богатые: Е.И. Оленина, Е.И. Голицына, А.О. Смирнова-Россет, С.Н. Карамзина, Е.П. Ростопчина и др. В театре блистали своим талантом драматическая актриса Е.С. Семёнова, балерина А.И. Истомина. Многие из них стали и музами творчества поэтов, музыкантов, художников, писателей и устроительницами их духовно-творческой жизни. Поистине гений А.С. Пушкина, М.И. Глинки, М.Ю. Лермонтова мог расцвести только в таком, возвышенном духом общении. Этот «чистейшей прелести чистейший образец» А.С. Пушкин воплотил в художественном образе Татьяны Лариной — героини поэмы «Евгений Онегин», ставшей духовно-нравственным идеалом многих девушек не только XIX, но и XX века. Так, Марина Цветае-

⁷ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. С. 186.

⁸ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 2002. С. 57–58, 64, 74.

ва — поэт Серебряного века, в своих воспоминаниях признавалась, что всю свою жизнь она старалась следовать этому идеалу.

Подлинными центрами культурной жизни столицы, начиная с XVIII века, стали музыкальные салоны княгини Зинаиды Волконской, князей В.Ф. Одоевского и А.Ф. Львова, графов Виельгорских, великой княгини Елены Павловны. Так же как и в литературных салонах, здесь обсуждались проблемы искусства, знакомились с новыми произведениями, рождались культурные проекты и программы, важные для всей России. Утончённым аристократическим салоном второй половины XIX стал художественный салон великой княгини Елены Павловны — одной из образованнейших женщин своего времени, покровительницы искусств и меценатки. В Белом зале Михайловского дворца, где ныне располагается Государственный Русский музей, собирались самые знаменитые люди России и Европы — политики, учёные, поэты, художники, музыканты. Одним из руководителей музыкальных вечеров в салоне великой княгини стал Антон Григорьевич Рубинштейн, возглавившего Императорское Русское музыкальное общество с отделениями в других городах России, из музыкальных классов которого впоследствии выросла и Петербургская консерватория⁹. Постоянный участник вечеров у Елены Павловны граф М.Ю. Виельгорский, будучи почётным опекуном Петербургского Воспитательного дома с 1832 по 1855 г., внёс огромный, поистине неопределимый, вклад в развитие педагогического образования и прежде всего женского, включив в него в качестве неотъемлемого компонента освоение художественной и музыкальной культуры. Зачастую он просто спасал от гибели детей, ставших впоследствии достойными воспитанниками этого учебного заведения, многие традиции которого унаследовал Герценовский педагогический университет. О масштабе его деятельности свидетельствует даже простое перечисление учреждений, в развитии которых он принимал непосредственное участие: «Сиротский институт, Александринский сиротский дом, родильный госпиталь, училище повивальных бабок, грудное отделение, лазареты, училище глухонемых, деревенская экспедиция, Александровская мануфактура, богадельня и т.п.»¹⁰

⁹ *Белякаева-Казанская Л.В.* Силуэты музыкального Петербурга. СПб., 2001. С. 144–146.

¹⁰ Педагогический университет им. А.И. Герцена. От Императорского Воспитательного Дома до Российского педагогического университета / Под ред. Г.А. Бордовского, С.А. Гончарова. СПб., 2007. С. 52.

Таким образом, домашнее образование, где роль духовного лидера играла женщина, через институт семьи позволило наиболее гармонично осуществить преемственность ценностей русской крестьянской патриархальной культуры и дворянской городской, включившей в себя влияние европейской культуры. В то же время развитие в культуре женского начала в своей наивысшей духовной форме позволило адекватно самоопределиться в культуре и мужскому началу, воплотившемуся также в своих наиболее высоких идеалах: патриотизма, служения отечеству, благородстве устремлений, чести, мужеству и отваги. Именно эти идеалы стали ведущими принципами в образовательном процессе новых мужских учебных заведений, которые были созданы в Петербурге во второй половине XVIII и первой половине XIX века.

Так, открытый в 1732 г. по инициативе Бецкого Шляхетный кадетский корпус, в разработке учебной программы которого принимал участие и М.В. Ломоносов, со временем трансформировался из военного в светское учебное заведение, став одним из центров дворянской культуры. В Уставе корпуса 1766 г. было записано: «сделать человека здоровым, украсить сердце и разум, готовить знатных граждан». Не удивительно, что из стен этого корпуса вышел М.И. Кутузов, гению которого Россия обязана победе в войне над Наполеоном. И в то же время этот корпус стал в 1750 г. колыбелью русского театра, возникшего из любительского коллектива учащихся под руководством драматурга А.П. Сумарокова.

Шляхетный кадетский корпус, Пажеский корпус, девизом которого было: «чист как золото и твёрд как сталь», Петербургская Академия художеств и, конечно же, Царскосельский, впоследствии Александровский, лицей, Петербургская консерватория, Воспитательный дом, а также многие другие появившиеся в Петербурге учебные заведения, — воспитали плеяду учёных, инженеров, педагогов, врачей, полководцев, писателей, поэтов, государственных деятелей, художников и музыкантов, лучшие из которых составили **духовную элиту России XIX века.**

Без этих новых носителей духовного измерения культуры Петербурга невозможно себе представить ни триумфальную победу России над Наполеоном в войне 1812 г.; ни уникальный в мировой истории подвиг жен декабристов, отправившихся на каторгу за своими опальными мужьями; ни фантастический по своему масштабу духовный подъём и расцвет культуры XIX века, получивший название Золотого века русской культуры; ни расцвет русской фило-

софско-религиозной мысли и культуры Серебряного века в конце XIX— начале XX века, давшего России и миру целую россыпь драгоценных имён писателей, поэтов, музыкантов, художников, архитекторов, мыслителей и религиозных деятелей.

Феномен духовной элиты требует специального осмысления. Он не может быть сведён к конкретно-социальным характеристикам дворян или представителей какого-либо другого сословия, в том числе представителей религиозных институтов и русской интеллигенции, начавшей формироваться в конце XIX—начале XX века из различных слоёв общества. Наиболее близким к определению этого феномена, по нашему мнению, является описание развития некоторых качеств личности как результата её духовного становления, которое дал русский философ И. Ильиным в исследовании особенностей формирования религиозного опыта человека. Одной из ведущих предпосылок духовной зрелости личности, по Ильину, является её духовная автономия как «духовное самостояние или самозаконие, которое есть подлинная основная форма человеческого духа — необходимо присущий ему способ бытия и деятельности. Быть духом — значит определять себя и управлять собою и притом в направлении к лучшему, к совершенному. Человеческий дух есть сила, направляющая свою жизнь к благим целям. Ему присуще выбирать свои жизненные содержания и принимать решения о своих жизненных формах; утверждать своё достоинство, обуздывать свои порывы и в то же время устанавливать свои пределы. Духовное существо само знает, что такое добро и зло, что лучше и что хуже; само ищет и находит; решает и поступает; и принимает на себя ответственность за него и несёт свою вину. Духовная жизнь есть самодетельность в обретении, в выборе, в созерцании и осуществлении благих целей»¹¹.

Представителям духовной элиты России посвятил цикл своих рассказов и легенд о праведниках Н.С. Лесков («Кадетский монастырь», «Однодум», «Несмертельный Голован» и др.). В заметке «О героях и праведниках» Лесков писал: «Прожить изо дня в день праведную жизнь, не солгав, не обманув, не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив пристрастно врага, гораздо труднее, чем броситься в бездну, как Курций, или вонзить себе в грудь пук штыков, как известный герой швейцарской свободы»¹². Лесков избегает высо-

ких слов, всячески подчеркивая земную и очень простую гуманную суть характеров и дел своих деликатных, совестливых «чудаков-правдолюбцев», которые любят добро просто для самого добра и не ожидают наград за него, где бы то ни было. Петербургский феномен духовной элиты нашёл отражение в рассказе «Кадетский монастырь», где Лесков показывает, что жизнь воспитателей кадетов, также как и других правдоискателей, есть именно трудный, величественный подвиг. Безукоризненно честный и доблестный директор «обители» генерал-майор Перский, эконом Бобров, воспетый Рылеевым, доктор Зеленский, оставались преданными высшему человеческому долгу, что, как прекрасно показано в рассказе после событий 1825 г., было равносильно героизму. Они спасли тысячи душ, оставшись жить в памяти своих «детей» навечно.

Именно в этот период, после поражения восстания декабристов, художественный фактор начинает терять своё синергетическое влияние на формирование социальных процессов в пространстве Петербурга. В результате революционные идеи переустройства общества, продолжившие усиление активного мужского начала, привели к дисбалансу начал «инь» и «ян», выразившемуся в эскалации насилия как характерной особенности социально-политических процессов первой половины XX века.

К началу XXI века возрастание активного рационального начала в человеческой деятельности достигло глобальных масштабов. Как следствие экспансии массовой культуры, ориентированной на коммерциализацию и унификацию жизненных стратегий, политизации этнонациональных процессов возникли экологические проблемы, грозящие самому существованию не только национальных культур, но и лучших традиций мировой культуры.

Международный характер этих процессов получил отражение в политике, осуществляемой в рамках деятельности ЮНЕСКО по сохранению этнокультурного многообразия (женского начала — инь) как общечеловеческой ценности. Но в русле современных проблема духовного кризиса цивилизации требуют дальнейшего осмысления особенности поликультурной синергии в пространстве Петербурга как одной из основ формирования «Золотого века русской культуры» и её создателей — духовной элиты России.

¹¹ Ильин И. Аксиомы религиозного опыта. М., 2006. С. 54–55.

¹² Туниманов В. Рассказы и легенды Лескова о праведниках // Лесков Н. На краю света. Л., 1985. С. 576.

Черненко Валентин Андреевич, член Ассоциации исследователей Санкт-Петербурга

Шкаровский Михаил Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

ОБ АВТОРАХ

Аксельрод Владимир Ильич, кандидат педагогических наук, методист Санкт-Петербургского городского дворца творчества юных, декан Юношеского Университета Петербурга

Антонов Виктор Васильевич, историк, искусствовед

Бурим Лариса Дмитриевна, директор Музея истории ОАО «Ижорские заводы»

Вареник Олег Павлович, создатель и хранитель Общественного музея «Морская Стрельна»

Глушкова Вера Михайловна, заведующая историко-краеведческим залом Рыбацкой библиотеки Невского района Санкт-Петербурга

Ерофеев Алексей Дмитриевич, краевед, член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга

Жданов Андрей Михайлович, ведущий инженер-программист

Задорожная Екатерина Ивановна, учительница английского языка в гимназии № 52 Приморского района Санкт-Петербурга

Золотухина Наталья Фёдоровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО РГПУ им А.И. Герцена

Ильин Фёдор Ильич, учащийся 2-й Санкт-Петербургской гимназии

Краснова Елена Иосифовна, историк-краевед

Марголис Александр Давыдович, кандидат исторических наук, председатель Санкт-Петербургского отделения ВООПИиК

Скурлов Валентин Васильевич, историк ювелирного искусства, эксперт Министерства культуры РФ

Столбова Наталья Павловна, методист краеведения Дома юношеского творчества «На Ленской» Красногвардейского района

Тимофеева-Козлова Елена Алексеевна, руководитель Музея истории школы № 138

Личность
в истории Петербурга

Материалы IV Анциферовских краеведческих чтений
28–29 октября 2011 года, Санкт-Петербург

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков

Оригинал-макет
Татьяны Николаевой

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x88/16.
Бумага офсетная Печать офсетная.
Печ.л. 9,4. Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15, оф. 53
E-mail: evrodom2006@list.ru